

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 1 • № 2 • 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Контактная информация

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

E-mail: semiotic@ssau.ru

Издатель и учредитель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе,
34, корп. 22 а, 312 б.

Корректура – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *А.В. Комаров*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 07.09.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 15,75.

Тираж 200 экз. Заказ №

© Самарский университет, 2021

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 1 • no. 2 • 2021

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, significs (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

E-mail: semiotic@ssau.ru

Publisher: Samara National Research University, Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34 Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *A.V. Komarov*

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
ISSN 2782-2966

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 07.09.2021. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheet. 15,75.

Circulation 200 copies. Order No.

© Samara National Research University, 2021

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.A. Yastrebov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Персоналии

Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Евгений Фомич Молевич: Человек-эпоха (к 90-летию Ученого и Замечательного Человека)	6
--	---

Философия

Фаритов В.Т. Смерть философии: на краю мысли (полемический очерк)	15
Сериков А.Е. Обобщенное описание и референциальное значение типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению	22
Шольц Г. Рост потока информации как проблема энциклопедий	31

Литературоведение

Андрюхин М.С. Смысловое единство книги Вл. Ходасевича «Тяжелая лира»	38
Заломкина Г.В. Луна как объект освоения в восприятии русской научной фантастики	47
Перепелкин М.А. «Песня о Волге» В. Высоцкого: текст и контекст	55
Сарычева К.В. Семiotизация прошлого в статьях Эйхенбаума о Лермонтове 1930–1940-х гг.	65
Степанов А.Г. О подражаниях двум императивным стихотворениям Иосифа Бродского	75

Социология

Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Оценка готовности к трудовой миграции молодежи нового рабочего класса	83
Еремичева Г.В. Прекаризация трудовых отношений в условиях дистанционного режима работы во время COVID-карантина	91
Арсенко А.Г. Трансформация занятости в условиях цифрового капитализма: мифы и реалии социальных последствий дигитализации глобальной экономики	98

Информация. Новости. События

Человек в информационном обществе: начало дискуссии в дискурсе конвергенции гуманитарных дисциплин Авдошина Н.В., Агафонов А.Ю., Бельцер А.А., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Демин И.В., Демина А.И., Захарченко Н.А., Казарина Т.В., Кучумова Г.В., Поздняков К.С., Тузлаева Е.А., Усачёва О.А., Шокова Е.В.	111
<i>Требования к оформлению статей.</i>	121

CONTENTS

Personalities

Avdoshina N.V., Bocharov V.Yu. Molevich Evgeniy Fomich: Man of the Century (for the 90th anniversary of the Scientist and Remarkable Man)	6
--	---

Philosophy

Faritov V.T. Death of philosophy: on the edge of thought (polemical essay)	15
Serikov A.E. Generic description and referential meaning of typical childlike situations comparable to sacrifice	22
Scholtz G. The rising tide of information as problem of encyclopedias	31

Literature studies

Andryukhin M.S. Conceptual unity of Vl. Khodasevich's book «Heavy lyre»	38
Zalomkina G.V. The moon as an object of exploration in the perception of russian science fiction	47
Perepelkin M.A. «Song about Volga» by V. Vysotsky: text and context	55
Sarycheva K.V. Semiotization of the past in the Lermontov studies of B.M. Eikhenbaum in the 1930s – early 1940s	65
Stepanov A.G. On literary imitations of two imperative poems by Joseph Brodsky	75

Sociology

Gavrilyuk T.V., Bocharov V.Yu. The readiness assessment regarding labor migration of the new working-class youth	83
Eremicheva G.V. Precarization of employment relationships in remote-working conditions during COVID-quarantine	91
Arseienko A.G. Employment transformation in digital capitalism: myths and realities of the social consequences of the global economy digitalization	98

Information. News. Events

Human being in the information-oriented society: the beginning of a discussion in the discourse of the humanities' convergence Avdoshina N.V., Agafonov A.Yu., Belcer A.A., Bocharov V.Yu., Vaskina J.V., Demin I.V., Demina A.I., Zakharchenko N.A., Kazarina T.V., Kuchumova G.V., Pozdnyakov K.S., Tuzlaeva E.A., Usacheva O.A., Shokova E.V.	111
<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	121

УДК 308

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-6-14

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 12.04.2021
после рецензирования: 07.06.2021
принятия статьи: 15.06.2021

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: natal_sun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Евгений Фомич Молевич: Человек-эпоха (к 90-летию Ученого и Замечательного Человека)

Аннотация: 25 апреля 2021 года исполнилось 90 лет Евгению Фомичу Молевичу. Это совершенно необыкновенный человек, чья биография является отражением целой эпохи в истории нашей страны. Цель данной статьи – познакомить читателя с человеческими качествами и основными этапами жизненного пути, а также научными интересами известного ученого. Рассматриваются его социологическая концепция трехаспектной структуры современного социологического знания; специфика подхода к анализу трудовой деятельности и ее структуры; концепция труда в постиндустриальном обществе; перспективы становления современного общества как новой социально-информационной реальности. Кроме того, уделяется внимание прикладным аспектам деятельности Е.Ф. Молевича как организатора социологической лаборатории (1969 г.), директора НИИ социальных технологий Самарского университета (1995–2009 гг.) и заведующего кафедрой социологии и политологии. Делаются выводы о причинах широкого признания в научной среде и успехах в преподавательской и общественной деятельности.

Ключевые слова: Молевич; юбилей; Самарский университет; самарская социология.

Цитирование: Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Евгений Фомич Молевич: Человек-эпоха (к 90-летию Ученого и Замечательного Человека) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 6–14. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-6-14>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Бочаров В.Ю., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

N.V. Avdoshina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: natal_sun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Molevich Yevgeny Fomich: Man of the Century (for the 90th anniversary of the Scientist and Remarkable Man)

Abstract: Evgeniy Fomich Molevich turned 90 years old on the 25th of April 2021. He is an extraordinary man whose biography is a reflection of an entire era in the history of our country. The purpose of this article is to introduce the reader to human qualities and the main stages of life path, as well as scientific interests of a well-known scientist. There have been analyzed his sociological concept of the three-pronged structure of the modern sociological knowledge; the characteristic aspects of the approach regarding the labor activity analysis and its structure; the labor concept in a post-industrial society; the prospects for the construction of a modern society as a new social and information reality. Moreover, there has been made an emphasis on the applied aspects of E.F. Molevich's activities as the organizer of the sociological laboratory (1969), the director of the Research Institute of Social Technologies of Samara University (1995-2009) and the head of Sociology and Political Science Department. Conclusions concerning the reasons for widespread recognition in the scientific environment and successes in teaching and social activities have been drawn.

Key words: Molevich, anniversary, jubilee, Samara University, Samara Sociology.

Citation: Avdoshina, N.V. and Bocharov, V.Yu. (2021), Molevich Yevgeny Fomich: Man of the Century (for the 90th anniversary of the Scientist and Remarkable Man), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no.2, pp. 6–14, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-6-14>.

Acknowledgments: the reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of Russia, project number FEUZ-2020-0056.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

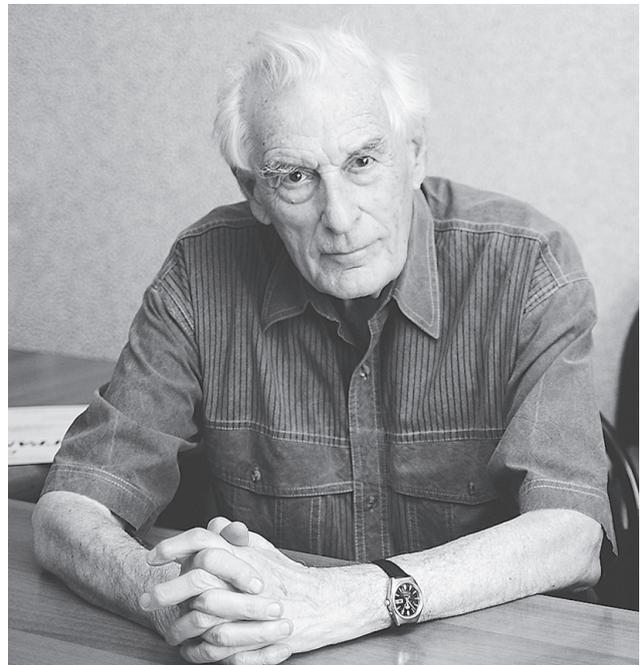
© Avdoshina N.V., 2021 – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© Bocharov V.Yu., 2021 – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Основные вехи биографии

Евгений Фомич Молевич родился 25 апреля 1931 года в Москве, откуда семья (в которой отец, бывший токарь, стал чекистом, а мать – машинистка) по назначению отца переехала в Орёл. В 1941 – эвакуация в Казахстан, откуда отец ушел на фронт, где был дважды ранен, но живым вернулся к семье после окончания войны. С 12 лет Евгений в комсомоле на руководящей работе (хотя в комсомол принимали в 14, но шла война и активистам давали взрослые поручения: уже в 12 лет он был начальником районного штаба по сбору вторсырья для химического производства). Говорит, что комсомол – главная веха в его жизни, и гордится, что карьера его начиналась именно так.

И школу, и университет он окончил в Алма-Ате. И в школе, и в университете был параллельно на освобожденной комсомольской работе. Был секретарём комсомольской организации «Алма-АтаСтрой». И что самое главное – комсоргом ЦК в зоне спецпереселения, то есть возглавлял комсомольскую организацию выселенных с Кавказа. Чеченцы, ингуши, курды... Под его началом было 2,5 тысячи комсомольцев и примерно раза в 2 больше несоюзной молодёжи этих национальностей. Выселяли их не по политическим соображениям, а по этническому признаку. Поэтому выселенными оказались и секретари Грозненско-

Молевич Евгений Фомич

го обкома партии, и Герои Советского Союза, и Герои Гражданской войны... Публика была самая разная: и антисоветская, и просоветская. В основном, просоветская. Параллельно с этой работой Евгений Фомич был внештатным лектором ЦК комсомола. Исколесил пол-Казахстана. Поэтому,

когда он окончил университет (и окончил хорошо), его оставили в аспирантуре. Но уже в середине июня 1954 года – ещё экзамены не закончились – пригласили в ЦК партии Казахстана и сообщили, что он входит в число тех, кто подпадает под комсомольско-партийную мобилизацию активистов, связанную с освоением целинных земель. В ЦК партии Казахстана активистов агитировал секретарь ЦК Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он несколько часов ходил по комнате, рассказывал, в каком отчаянном положении страна находится. Это был 1954 год. Есть нечего. Тогда Молевич, как и все студенты, параллельно работал на строительстве университета в бригаде бетонщиков. Если план выполняли, то получали право КУПИТЬ полбатона белого хлеба, а если перевыполняли, то КУПИТЬ целый батон.

Молевич вспоминает, что, если ты по городу шёл и нёс хотя бы полбатона, на тебя оглядывались люди. В Семипалатинске редкий день не приходил кто-нибудь из числа знакомых – жена заболела, дети, мама... «Евгений Фомич, будете в обкоме, облисполкоме в буфете, возьмите пару булочек». Белого хлеба купить было немыслимо, пока не справили целину. Не говоря уже обо всём остальном. Евгений Фомич впервые увидел государственно продаваемое молоко и масло, когда, будучи в командировке, попал в Новосибирск в середине 50-х годов. Там в магазине продавалось молоко и масло. Ни в Семипалатинске, ни в Алма-Ате этого не было. Это были нефондируемые продукты. В магазин за молоком? Тебя бы сразу оправили, куда положено. За сахаром можно, за солью можно, за хлебом можно. А молоко, масло... Вы что, спятили? Для этого базар существует. Вот такая была жизнь.

Уже в конце июня 1954 года Евгений Фомич с женой оказался в городе Семипалатинске, где до 1959 года работал секретарём обкома комсомола. Этот период он вспоминает с особым воодушевлением и теплотой и считает, что ничего более интересного в его жизни не было. По словам Евгения Фомича, на его совести было два целинных района и три конкретных целинных совхоза. А что это значило? Допустим, отправляют тебя на сакман. Вы же не знаете, что такое «сакман»? Это окот овец. В отличие от людей все овцы беременеют в одно время и рожают в одно время. Так вот, надо проследить, чтобы окотившиеся овцы, а особенно двумя, иногда даже тремя ягнятами (примерно третья часть овец давала два ягнёнка), были учтены, чтобы они не погибли, потому что март-апрель, ещё холодно, да и подножный корм кое-какой... Ведь это ж не где-то кошара в ауле стоит, это за сто километров от аула в степи кошара!

Совхозы комсомольцы создавали на голом месте с первых колышков. Сколько свадеб было! Был брошен комсомольский клич: «Отправим девушек

в жёны целинникам!» Приходил эшелон, девочки высыпали на улицу, со всех целинных совхозов приезжали машины. Девушек разбирали прямо на полустанке.

Но комсомольский возраст – до 28 лет. И Евгений Фомич переходит на преподавательскую работу в Семипалатинский медицинский институт. Оказалось, что в Семипалатинске он был единственным философом с философским образованием. Семипалатинск 1954 года – это крупный образовательный центр: три вуза и 14 техникумов. А 1954 год – это год больших идеологических кампаний и гонений на генетику, кибернетику, теорию относительности. Вузы и техникумы Семипалатинска на 90 % были укомплектованы ссыльными преподавателями из центральных областей России. Это был цвет преподавательского состава, особенно по естественным наукам, в частности, по биологии. Чего стоят только такие имена, как Лепешинская, Финкельштейн, Тимофеев-Ресовский...

Ещё будучи секретарём обкома комсомола, Молевич контролировал их по комсомольско-партийной линии, а они занялись его естественнонаучным образованием с позиций мировой науки (в противовес Лысенко, критикам теории Эйнштейна и т.д.), что серьёзно отразилось на его научном мировоззрении. Сам их он называет не иначе как «потрясающие учителя!» Потому и тема его кандидатской диссертации по философии не случайно «Круговорот и движение в природе». Но поскольку диссертация была написана с немичуринских позиций, то после защиты она пролежала в ВАКе три года, до 1964, пока не сняли Хрущёва, а вместе с ним и всю «лысенковщину».

В этом эпизоде жизни Евгений Фомич раскрывается как абсолютно честный дипломат, умеющий учитывать «текущий момент», но не поступающий ради него своими научными и человеческими принципами. Это качество впоследствии становится у него одним из главных. Чего стоит своего рода научный прорыв в философии, когда уже в годы работы в Уральском университете на кафедре философии, возглавляемой выдающимся советским философом М.Н. Руткевичем, Молевич вместе с ним опроверг один из главных законов диалектики, до того времени существовавших, – закон отрицания отрицания. Без этого закона в Советском Союзе диалектики не было.

А затем – множество других прорывов в профессиональной жизни. У Евгения Фомича есть невероятно редкая черта – тонкое чутьё на всё новое, что неизменно станет успешным и перспективным, и на людей, которые станут его верными соратниками в осуществлении этих инициатив, даже если поначалу они всем кажутся просто авантюрами.

И потому не удивительно, что именно его пригласил в Куйбышев в 1967 первый секретарь обкома партии В. П. Орлов заведовать кафедрой философии Куйбышевского политехнического института, которая была опорной для Самарской области, а затем поручил создать первую в Поволжье социологическую лабораторию, которая начала свою деятельность со второго полугодия 1969 года (Тукумцев 2000, с. 6). Как вспоминает стоявший также в начале зарождения самарской социологии и долгие годы проработавший вместе с Е.Ф. Молевицем Б.Г. Тукумцев: *«Нельзя не отметить огромную роль, которую сыграл в деятельности самарской лаборатории ее непосредственный организатор и постоянный куратор... профессор Е.Ф. Молевич. Делегируя научному коллективу максимум возможных полномочий, он в то же время постоянно заботился о расширении поля его деятельности и укреплении его статуса»* (Тукумцев 2000, с. 4).

В дальнейшем именно Евгений Фомич инициирует открытие в Куйбышевском государственном университете (куда он перешёл на работу в 1972 году) в 1989 году отделения «Социология», преобразовавшегося в 1993 году в один из лучших социологических факультетов страны. А сам он становится заведующим кафедрой социологии и политологии.

И всегда лекции Молевича в любой аудитории – студенческой или взрослой – это событие. На Молевича идут, зная, что такого уровня глубины, интереса и вместе с тем абсолютной доступности лекции – большая редкость даже в университетской среде.

А наряду с этим – яркая общественная и публичная деятельность, причём молодёжная аудитория имеет для Евгения Фомича особое значение. Достаточно вспомнить, что в конце 70-х на базе Куйбышевского Дома молодёжи он организует дискуссионный клуб, где обсуждает с молодёжью города самые острые и животрепещущие проблемы. Дискуссионный клуб был невероятно популярен в городе на протяжении ряда лет. Актовый зал Дома молодёжи во время заседаний дискуссионного клуба был забит «под завязку». Молодёжь стояла в проходах и даже висела на стенах (!), чтобы не только увидеть и услышать, но и поспорить с Молевицем!

Основные направления научных интересов Е.Ф. Молевича

Научные интересы Е.Ф. Молевича достаточно разнообразны, но, тем не менее, автор всегда тяготел к теоретическому осмыслению структуры социологического знания, стремился создать собственную логику и реализовать свой новаторский подход. В 1990-х годах им была предложена концепция *трехаспектной структуры современного*

социологического знания с выделением ее содержательного, формального и функционального срезов. При этом обращалось внимание на типичные ошибки познания, связанные с игнорированием многоаспектности структуры социологического знания (Молевич 1997). Результатом научного поиска стал знаменитый курс лекций Е.Ф. Молевича «Общая социология», изданный в 1997 г. в Самарском государственном университете. В этой книге в систематическом и ретроспективном порядке рассматривалась общая теория социальной жизни общества, которая понималась как сфера непосредственного производства и воспроизводства человека – индивида и личности. В этой связи анализировались – функционально и исторически: 1) основные социальные связи и процессы, ответственные за непосредственное обеспечение жизни человека; 2) формирующаяся на их основе групповая и институциональная структура общества; 3) основные формы жизнедеятельности личности и общества. При этом впервые для учебной социологической литературы вниманию читателя предлагался детальный анализ ряда актуальных сторон общественной жизни: возрастной, половой и социально-трудовой структур общества, родства и родительства как социальных институтов, основных форм жизнедеятельности (труд, быт, досуг, сексуальность), социальной регуляции естественного движения населения, его трудовой и территориальной мобильности. Можно отметить, что в дальнейшем в дополненном виде этот курс лекций выдержал еще 2 переиздания уже в центральном московском издательстве УРСС (Молевич 2003а; Молевич 2011а).

Развивая и конкретизируя положения своей *трехаспектной структуры современного социологического знания*, Е.Ф. Молевич в своих статьях обращался к различным аспектам человеческой жизни и деятельности. Так, например, поднимались вопросы о социологическом подходе к анализу сущности и формы социальной старости (Молевич 1999). При этом «старость» рассматривалась как явление человеческой жизни, представленное двумя качественно различными аспектами своего существования и научного анализа: *«Во-первых, биологическим. Он выражается в прогрессирующем с возрастом снижении функциональных отпавлений различных морфофизиологических систем органов человеческого организма... Во-вторых, старость представлена еще и социальным аспектом своего существования, "социальной старостью"»* (Молевич 2001а).

Также Е.Ф. Молевич уделял внимание анализу ролестатусных отношений полов на разных стадиях истории общества (Молевич 1998) и гендерными взаимоотношениями, отмечая, что становление *«во всех развитых странах в последней трети XX века новых, в основе своей равноправных, социаль-*

ных отношений между полами («гендерная революция») обусловило рождение и качественно новых ситуаций во всей системе отношений брака и семьи. И в основании этих перемен – кардинальные сдвиги в роле-статусных позициях обоих полов как структурообразующих начал институтов брака и семьи» (Молевич 2002).

Еще один аспект исследований ученого: межнациональные отношения (Молевич 2014а), в частности, «русский вопрос» (Молевич 2014б).

Наконец, еще одна важная тема для Е.Ф. Молевича: состояние аграрных отношений и социологии села. Отметим, что в этом случае Е.Ф. Молевич выступал еще и как практикоориентированный исследователь, являясь с 1995 по 2009 гг. директором НИИ социальных технологий и научным руководителем исследований социально-трудовой сферы коллективных хозяйств Самарской области, в т. ч. выполнявшихся по программе «Труд и жизнь фермера». Такое положение исследователя-практика позволило сформулировать рекомендации по реализации основных направлений государственной политики на селе, направленных на поддержку коллективных хозяйств, фермеров и в целом на развитие АПК Самарского региона (Боковенко, Молевич 2009), и по итогам многолетних мониторинговых исследований принять участие в издании коллективной монографии «Социально-трудовая сфера сельского хозяйства Самарской области: состояние, тенденции, перспективы» (Боковенко, Бочаров, Молевич и др. 2010).

И все же одним из центральных вопросов для Е.Ф. Молевича стал вопрос теоретического осмысления природы трудовой деятельности в целом.

Критерии выделения трудовой деятельности и ее структура

Согласно точке зрения Е.Ф. Молевича, «специфика социологического подхода к исследованию труда состоит в "изучении социальных аспектов общественного труда". Анализ изучения труда в социологии обнаруживает, что оно ведется почти исключительно на двух уровнях научной абстракции: на уровне раскрытия социально единичного в ходе многочисленных социографических (конкретно-эмпирических) исследований труда и на уровне познания социально особенного в рамках сложившегося в XX в. комплекса частных социологических теорий труда "среднего ранга": индустриальной социологии, социологии труда, организаций, профессий, производственных коллективов и т. д.» При этом критике подвергается «узость сложившихся предметов исследования частных социологических теорий труда: все они сосредоточены на анализе социальных проблем наемного труда в промышленности, с редкими экскурсами в области аграрного и служебного труда» (Молевич 2001b, с. 38).

Развернутая трактовка труда в его наиболее общей форме дается Е.Ф. Молевичем следующим образом: «труд может быть определен как такая осмысленная деятельность людей, которая направлена на создание необходимых для них материальных и нематериальных продуктов и услуг» (Молевич 2003а, с. 256). Далее развивая это определение труда, Е.Ф. Молевич говорит о существовании «всеобщих сущностных черт трудовой деятельности, выступающих объективными критериями труда при его выделении из общего массива человеческой деятельности» (Молевич 2003а, с. 256). Речь идет о следующих чертах:

- 1) трудовая деятельность человека всегда осмысленно рациональна по своей природе;
- 2) субъектом или «носителем трудовой деятельности» может быть только человек;
- 3) трудовая деятельность всегда созидательна, т. е. приводит к каким-то выраженным результатам, отвечающим поставленным целям, – разнообразным «продуктам труда»;
- 4) трудовая деятельность всегда утилитарна, связана с какой-то полезностью, важностью, необходимостью получаемого результата для человека. При этом трудовая деятельность всегда общественно приемлема, но не всегда общественно полезна;
- 5) трудовая деятельность не ограничена только сферой материально-производственной деятельности, она присуща всем формам человеческой деятельности (к таковым Е.Ф. Молевич относит, помимо трудовой, бытовую, досуговую и сексуальную) (Молевич 2003а).

При этом в концепции Е.Ф. Молевича рассматриваются:

- 1) «содержательная структура труда», определяемая многообразием его конкретных типов, видов и родов и, соответственно, многообразием конечных результатов – «продуктов труда»;
- 2) «формальная структура труда»;
- 3) «социально-психологическая структура труда» (Молевич 2003а).

В содержательную структуру труда включаются следующие его типы:

- «материальный труд», состоящий из производственных видов («промышленный (с историческим предшественником – ремесленным трудом), сельскохозяйственный, строительный и т. д. и многочисленные виды непроизводственного материального труда: конструктивный, экспериментальный, медицинский, домашний (бытового самообслуживания), любительский и т. д.);
- «духовное производство» (разнообразные духовные продукты, объективизируемые в специальных формах социального опыта – письменности, символике, формулах, художественных образах, мифологии, поведенческих установках и т. д.);

- «организаторский» труд (предпринимательство, посредничество, менеджмент, госуправление, самоуправление и т. д.);
- «услуги» (общественно-организованная трудовая деятельность по обслуживанию потребностей населения).

Также в рамках «содержательной структуры труда» Е.Ф. Молевич выделяет «родовое сечение», представленное двумя «качественно своеобразными родами трудовой деятельности»: 1) «общественно организованным», объединяющим все типы и виды труда, которые включены в «систему общественного разделения труда», и 2) «трудом по бытосуговому самообслуживанию личности и семьи» (Молевич 2003а, с. 259).

Формальную структуру труда Е.Ф. Молевич рассматривает с точки зрения нерасчлененного единства антропологической и социальной форм. При этом в антропологическом плане всякая трудовая деятельность представлена каким-то сочетанием физического и умственного труда, а в социальном реализуется на основе трех всеобщих форм (Молевич 2003а, с. 259):

- труда самостоятельного работника (предпринимательство, посредничество, мелкое собственное хозяйство, свободные профессии, домашний и досуговый труд);
- наемного труда, представленного продажей рабочей силы человека в любых ее конкретных вариантах;
- зависимого труда, обеспечиваемого внеэкономическими способами принуждения (рабство, крепостничество, трудовые мобилизации, труд заключенных).

Наконец, «*социально-психологическая структура труда*» содержит четыре основных элемента, а именно:

- процедуру целеполагания трудовой деятельности;
- отношение конкретного человека к труду как таковому (может быть сведено к трем трудовым ориентациям: инструментальная, этическая и ценностная);
- мотивацию труда;
- специфическое эмоциональное состояние человека, возникающее по итогам его труда (здесь может быть весь спектр эмоций: от радости и гордости до неудовлетворенности и сожаления) (Молевич 2003а, с. 259–261).

Безусловно, есть и другие теории труда, но они, на наш взгляд, все же не столь детально определяют типы, виды и формы трудовой деятельности. Тем более, в своей концепции Е.Ф. Молевич пытается не только дать статичное описание явления, но и прогнозировать развитие, говоря о характеристиках наступившего постиндустриального и будущего социально-информационного общества.

Постиндустриальное глобальное общество: меняющийся характер трудовой деятельности человека

В своих статьях Е.Ф. Молевич рассматривал различные аспекты постиндустриального общества и происходящей глобальной социальной революции (Молевич 2005). Например, изменения в сфере образования, связанные с адаптацией этой системы к новым реалиям формирующегося постиндустриального общества, – информационной революции и глобализации общества (Молевич 2003b) или изменения в сфере культуры и реализующиеся в ней практики мультикультурализма (Чичева, Молевич 2010). Отметим, что авторству Е.Ф. Молевича принадлежит одно из первых в отечественной учебной литературе учебное пособие, в котором предлагается системное обобщение научного знания в быстро формирующейся инновационной области социологической науки, – «Введение в социальную глобалистику» (Молевич 2007).

И все же центральное место в рассуждениях о будущем постиндустриализма, как и во всей социологической концепции этого автора, занимает анализ трудовой деятельности человека.

Согласно концепции Е.Ф. Молевича, новая технологическая основа производства (прежде всего компьютеризация) потребовала нового качества рабочей силы, ее профессионально-квалификационного уровня, мобильности, самостоятельности в принятии решений на рабочем месте. Подобные работники уже в последние десятилетия XX в. стали доминировать в экономически развитых странах над традиционно «индустриальным работником». При этом определяющая роль знания в современных технологиях потребовала массовой интеллектуализации и гуманизации самих процессов труда. Отсюда: приоритет умственного труда (США: 1990 г. – 17 %, 2000 г. – около 60 % занятых, в странах Европейского союза – 50 %). Такая интеллектуализация труда обусловила профессиональную индивидуализацию, сменившую типичную для индустриализма высокую обобщественность труда и, как следствие, наблюдается стабильный рост самозанятости и сокращаются объемы наемного труда. В современной динамике квалификационных показателей наблюдается определенная двойственность: высокие технологии потребовали должной квалификации работников, но упростившееся обслуживание процесса производства в промышленности, как и в сфере услуг, наоборот, понизило квалификационные требования. В целом же доминирует устойчивый рост показателей высококвалифицированного труда и общей его производительности: за вторую половину XX в. она выросла в развитых странах втрое, а в обрабатывающей промышленности США – в пять раз (Молевич 2006, с. 334–335).

Таким образом, в настоящее время большинство крупных индустриальных предприятий с высокой концентрацией рабочей силы, требовавшейся в соответствии с фордистской организацией труда и конвейерной системой производства, остались в прошлом. Информатизация производственных процессов потребовала прямо противоположной организации труда – «повышения автономизации и индивидуализации трудовой деятельности конкретных работников, имеющих дело с техникой, предполагающей во многом индивидуальное обслуживание», и с организацией труда, ориентированной «на значительную самостоятельность работника – дистанционные формы труда, гибкие графики рабочего времени, повременную работу» (Молевич 2011b, с. 165).

В своей концепции Е.Ф. Молевич переосмысливает «рабочий вопрос», утверждая, что фактически современный рабочий класс представлен двумя резко отличными по характеру труда доходам, условиям и образу жизни социальными слоями:

- 1) рабочие, занятые квалифицированным трудом в еще сохранившихся секторах индустриального производства, имеющие, как правило, серьезные социальные гарантии и стабильную зарплату;
- 2) «неопролетариат», давно утративший стабильную занятость и живущий случайными заработками. При этом на смену промышленным рабочим, занятым физическим трудом («синие воротнички»), приходит «когнитариат», высокообразованные профессионалы, не связанные с физическим трудом (Молевич 2011b, с. 75).

При этом доля «широко понимаемого массива услуг – сервиса – в общей занятости населения развитых стран выросла с 40 % в 1900 г. до 70 % в 2000 г., а вклад сферы услуг в национальный ВВП этих стран сегодня составляет от 2/3 до 3/4 показателя» (Молевич 2011b, с. 158).

Тем не менее, Е.Ф. Молевичем делается вывод, что при всей масштабности состоявшихся качественных перемен в капиталистическом обществе конца XX века, в частности, транснационализации и корпоративизации, фундаментальные основания капитализма – частнособственническая прибыль и накопление капитала как цель хозяйственной деятельности, рыночная конкуренция как её основной механизм, товарный характер экономики (производство для продажи, а не для собственного потребления) и т.д. – остаются неизменными и в настоящее время (Молевич 2011b, с. 160).

Оставаясь в строю (вместо заключения)

Сегодня Е.Ф. Молевич – действующий профессор кафедры социологии и культурологии. Ему всегда присуще движение вперед, огромная любовь и интерес к жизни, он увлекает за собой

коллег, студентов, всех, кто попадает под его невероятное обаяние и влияние.

Совсем недавно он разработал новый курс «Современное развитое общества как новая социальная реальность», в рамках которого читает лекции в Самарской областной универсальной научной библиотеке, поддержав совместный проект библиотеки и социально-гуманитарного института Самарского университета «Понятная наука». На лекциях как всегда аншлаг! Потому что никто (по крайней мере, в Самаре) лучше Молевича не расскажет о том, в каком обществе мы живем и в каком будем жить в перспективе.

Само общение с Евгением Фомичем для каждого, кто его знает, – это подарок судьбы. Он человек редких качеств: предельно внимательный к людям, чуткий и заботливый, понимающий и, что самое редкое в наше время, абсолютно честный перед собой и окружающими. Признание этого факта приходит не только со стороны самарских коллег, неоднократно посвящавших юбилеям Е.Ф. Молевича сборники своих трудов (Сборник научных трудов... 2001; Актуальные проблемы социального... 2006), но и со стороны всего социологического сообщества России. Так, редакция центрального российского социологического журнала «Социологические исследования» посвятила Е.Ф. Молевичу следующие слова: «Созданное Евгением Фомичем достойно самой высокой оценки как в общении с властью предрержащими, так и со своими коллегами и с благодарными студентами. Все, кто имеет возможность общаться с ним, знают его простую и доступную для понимания мудрость, которая была выкована потому, что реальности нашей жизни были ему близки, он их знал и постигал, беззаветно стремясь соединить высокую научность и нужную для людей практику» (Молевичу Е.Ф... 2016, с. 148).

В заключении следует сказать, что и в дни своего 90-летнего юбилея Евгений Фомич находился в центре научной жизни. 28–30 апреля 2021 г. с Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королёва (Самарский университет) состоялась международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе», посвящённая 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. И на пленарном заседании этой конференции состоялось не только торжественное чествование юбиляра, но и он сам выступил с докладом «Современное развитое общество как новая социально-информационная реальность». В своем докладе **Е.Ф. Молевич**, помимо констатации общественных изменений, рассматривал перспективы будущего «пост-трудового» и «пост-человеческого» общества, а также вероятные социальные проблемы во взаимоотношениях человека и искусственного интеллекта – «мыслящих роботов». В итоговом слове Е.Ф.

Молевич обратился ко всем своим коллегам-преподавателям и ученым: «Поздравляю всех, кто работает в вузе и закладывает в головы студентов знания! Только образованные люди смогут быть на плаву в новом обществе и, сосуществуя с мыслящими роботами, сохранять свое место в жизни, быть конкурентными с искусственным интеллектом».

Постараемся соответствовать этому пожеланию замечательного человека, нашего земляка, ученого, коллеги и Учителя – Евгения Фомича Молевича.

Библиографический список

Актуальные проблемы социального знания: сб. науч. трудов преподавателей и аспирантов кафедры социологии и политологии социологического факультета. К 75-летию профессора Евгения Фомича Молевича / отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 307 с.

Боковенко А.Ф., Молевич Е.Ф. Условия эффективного развития агропромышленного комплекса Самарской области // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 5 (71). С. 41–49.

Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2007. 159 с.

Молевич Е.Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2–3. С. 38–42.

Молевич Е.Ф. Глобальная социальная революция современности // Контексты социального знания: сб. науч. статей к 15-летию социологического факультета Самарского государственного университета. Самара: «Универс-групп», 2005. С. 5–13.

Молевич Е.Ф. Историческая эволюция роле-статусных отношений полов // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1 (7). С. 44–48.

Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 61–64.

Молевич Е.Ф. К вопросу о социологическом подходе к анализу сущности и формы социальной старости // Вестник самарского государственного университета. 1999. № 3 (13). С. 18–41.

Молевич Е.Ф. К вопросу о структуре современного социологического знания // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 3–9.

Молевич Е.Ф. Межнациональные отношения в современной России: специфика и многоплановость // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 12–21.

Молевич Е.Ф. Общая социология: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: УРСС, 2003. 328 с.

Молевич Е.Ф. Общая социология: Курс лекций. 3-е изд. Москва: УРСС, 2011. 328 с.

Молевич Е.Ф. Общество как система и процесс: социально-философское введение в социологию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011b. 200 с.

Молевич Е.Ф. Реформа образования как мировая проблема // Вестник Самарского государственного университета. 2003. № 1 (27). С. 20–26.

Молевич Е.Ф. Русский вопрос в России // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 65–72.

Молевич Е.Ф. Труд в постиндустриальном обществе // Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. Санкт-Петербург: Наука, 2006. С. 334–335.

Молевич Е.Ф. Труд как объект и предмет исследований общей социологии // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 38–41.

Молевичу Е.Ф. – 85 лет // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 148–148.

Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета: к юбилею профессора, академика РАН Е.Ф. Молевича / отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 214 с.

Социально-трудовая сфера сельского хозяйства Самарской области: состояние, тенденции, перспективы: монография / под ред. А.Ф. Боковенко, В.Ю. Бочарова, Е.Ф. Молевича. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 527 с.

Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 39 с.

Чичёва С.Е., Молевич Е.Ф. Формы адаптации культуры в условиях глобализации // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 1 (75). С. 76–82.

References

Actual problems of social knowledge: collection of scientific works of teachers and postgraduates of the Department of Sociology and Political Science of the Sociological Faculty. To the 75th anniversary of Professor Yevgeny Fomich Molevich (2006), V.Ya. Machnev (ed.), Samara University, Samara, Russia.

Bokovenko, A.F. and Molevich, Ye.F. (2009), Conditions for the effective development of the agro-industrial complex of the Samara region, *Bulletin of the Samara State University*, no. 5 (71), pp. 41–49.

Molevich, Ye.F. (2007), *Introduction to Social Globalistics*, BAKHRAKH-M, Samara, Russia.

Molevich, Ye.F. (2002), Gender shifts in modern marriage and family relations: changing the

paradigm, *Woman in Russian society*, no. 2–3, pp. 38–42.

Molevich, Ye.F. (2005), Global social revolution of modernity, *Contexts of social knowledge*, «Univers Group», Samara, Russia, pp. 5–13.

Molevich, Ye.F. (1998), The historical evolution of role and status relation of sexes, *Bulletin of the Samara State University*, no. 1 (7), pp. 44–48.

Molevich, Ye.F. (2001a), To the analysis of the essence and form of social old age, *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 4, pp. 61–64.

Molevich, Ye.F. (1999), On the question of a sociological approach to the analysis of the essence and form of social old age, *Bulletin of the Samara State University*, no. 3 (13), pp. 18–41.

Molevich, Ye.F. (1997), On the question of the structure of modern sociological knowledge, *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 6, pp. 3–9.

Molevich, Ye.F. (2014a), Interethnic relations in modern Russia: specificity and diversity, *Jubilee collection of scientific works of teachers, postgraduates and undergraduates of the sociological faculty of Samara State University*, Samara University, Samara, Russia, pp. 12–21.

Molevich, Ye.F. (2003a), *General sociology: A course of lectures*, 2nd edition, revised and supplemented, URSS, Moscow, Russia.

Molevich, Ye.F. (2011a), *General sociology: A course of lectures*, 3rd edition, URSS, Moscow, Russia.

Molevich, Ye.F. (2011b), *Society as a System and process: a socio-philosophical introduction to sociology*, Samara University, Samara, Russia.

Molevich, Ye.F. (2003b), Education reform as a global problem, *Bulletin of the Samara State University*, no. 1 (27), pp. 20–26.

Molevich, Ye.F. (2014b), Russian question in Russia, *Bulletin of the Samara State University*, no. 9 (120), pp. 65–72.

Molevich, Ye.F. (2006), Labor in postindustrial society, *Theoretical and Applied Explanatory Dictionary*, V.A. Yadov (ed.). Nauka, St. Petersburg, Russia. p. 334–335.

Molevich, Ye.F. (2001b), Labor as an object and subject of research in general sociology, *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 7, pp. 38–41.

Molevich Ye.F. is 85 years (2016), *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*, no. 8, pp. 148–148.

Collection of scientific works of scientists and graduate students of the sociological faculty: for the anniversary of professor, academician of RASN Ye.F. Molevich (2001), V.Ya. Machnev (ed.), Samara University, Samara, Russia.

Social and labor sphere of agriculture of the Samara region: state, trends, prospects (2010), A.F. Bokovenko, V.Yu. Bocharov, Ye.F. Molevich (eds.), Samara University, Samara, Russia.

Tukumtsev, B.G. (2000), *Essays on the history of the first Samara Sociological Laboratory*, Samara University, Samara, Russia.

Chichova, S.Ye. and Molevich, Ye.F. (2010), Forms of culture adaptation in the context of globalization, *Bulletin of the Samara State University*, no. 1 (75), pp. 76–82.

Submitted: 12.04.2021

Revised: 07.06.2021

Accepted: 15.06.2021

УДК 101

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-15-21

Дата: поступления статьи: 13.04.2021
после рецензирования: 10.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021

Научная статья
Scientific article

В.Т. Фаритов

Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск,
Российская Федерация
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Смерть философии: на краю мысли (полемический очерк)

Аннотация: статья посвящена проблеме маргинализации философии в современном мире. Отправным пунктом исследования служит положение Освальда Шпенглера об утрате понимания смысла и значения философии в ситуации гибели европейской цивилизации. В статье выделяются основные признаки вырождения философской мысли в современном обществе, к числу которых автор относит атомизацию философского дискурса, стирание границ между философской мыслью и научными исследованиями, утрату философией трансцендентного измерения, маргинализацию философского дискурса и феномен «поворота». Особое внимание в исследовании уделяется антропологическому и лингвистическому повороту. В частности, автор обосновывает тезис, что современная философия не просто обращается к проблеме языка, но осуществляет замену бытия, как основной категории философии, знаком и его структурными компонентами. В статье осуществляется критика позитивизма и постструктурализма в качестве кризисных и пограничных явлений современной философской мысли. Обосновывается тезис, что трансформация философского дискурса в постметафизических направлениях современной мысли приводит к искажению и утрате исконного смысла философии. Автором осуществлена попытка реконструкции исконного смысла философии. В исследовании используются методологические принципы и установки историко-философской реконструкции, дискурс-анализа и семиотики.

Ключевые слова: философия, дискурс, наука, трансценденция, граница, знак, поворот.

Цитирование: Фаритов В.Т. Смерть философии: на краю мысли (полемический очерк) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 2. С. 15–21. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-15-21>.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Фаритов В.Т., 2021 – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Российская Федерация, г. Ульяновск, Северный Венец, 32.

V.T. Faritov

Ulyanovsk State Technical University,
Ulyanovsk, Russian Federation
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Death of philosophy: on the edge of thought (polemical essay)

Abstract: the article is devoted to the problem of the philosophy marginalization in the modern world. The starting point of the present study is the thesis of Oswald Spengler regarding the understanding gap of the meaning and significance of philosophy in the situation of the death of European civilization. The article highlights the main signs of the degeneration of philosophical thought in modern society. The author points out the following degeneration signs: atomization of the philosophical discourse, the boundaries' blurring between philosophical thought and scientific research, the loss of transcendental dimensions by philosophy, the marginalization of philosophical discourse and the phenomenon of «the turn». The study pays special attention to the anthropological and linguistic turn. The author also justifies his position that modern philosophy does not just addresses the problem of language, but replaces «being» as the main category of philosophy with «sign»

and its structural components. The article criticizes positivism and poststructuralism as crisis and boundary phenomena of modern philosophical thought. The author explains the thesis that the transformation of philosophical discourse in / via the post-metaphysical directions of the modern thought leads to the distortion and loss of the original meaning of philosophy. The author has made an attempt to reconstruct the original meaning of philosophy. The study uses the methodological principles and concepts of historical and philosophical reconstruction, discourse analysis and semiotics.

Key words: philosophy, discourse, science, transcendence, border, sign, turn.

Citation: Faritov, V.T. (2021), Death of philosophy: on the edge of thought (polemical essay), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 15–21, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-15-21>.

Acknowledgments: the publication has been prepared within the framework of the RFBR-supported scientific project No. 19-011-00910 «Marginal Phenomena of Human Existence (Anthropology ad Marginem)».

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Faritov V.T., 2021 – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of Philosophy Department, Ulyanovsk State Technical University, 32, Northern Venets, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation.

XX столетие в истории европейской философии отмечено всевозможными «поворотами»: лингвистический поворот, исторический поворот, коммуникативный поворот (Микешина 2016), пространственный поворот (Балаклеец 2018)... XX век – эпоха глобальных поворотов. Но XX век – это еще и эпоха всевозможных смертей. На излете XIX столетия Ницше провозгласил смерть Бога (Хайдеггер 2006). За этим событием последовали смерть автора, смерть субъекта. И наконец – смерть философии, дополнившая коллекцию постмодернистских некрофильских трендов: «Умерла ли философия вчера, после Гегеля, Маркса, Ницше или Хайдеггера – так что ей еще только предстоит направиться к смыслу своей смерти, – или же она всегда только тем и жила, что чувствовала свое приближение к смерти...» (Деррида 2000, с. 124). Уже в начале прошлого века Освальд Шпенглер дает, пожалуй, одну из наиболее пессимистических оценок состояния современной философии: «Очевидно утрачено понимание конечного смысла философской деятельности. Ее смешивают с проповедью, агитацией, фельетоном или специальной наукой. Перспективу птичьего полета заменили перспективой лягушки. Речь идет о деле величайшей серьезности: возможно ли вообще сегодня или завтра существование настоящей философии? В противном случае было бы благоразумнее стать плантатором, или инженером, чем-нибудь настоящим и подлинным, вместо того, чтобы пережевывать затасканные темы, под предлогом «нового подъема философского мышления», и лучше построить мотор для летательного аппарата, чем новую и столь же излишнюю теорию апперцепции. Действительно, жалкое содержание жизни, посвященной тому, чтобы еще лишний раз и немножко по-иному, чем это делала сотня предшественников, формулировать понятие воли и психофизического параллелизма. Допускаю, что это может быть «профессией», но это отнюдь не философия. О том, что не охватывает и не изменяет всей жизни эпохи вплоть до ее сокровенных глубин, лучше было бы не говорить.

И то, что вчера было возможно, сегодня является по меньшей мере не нужным» (Шпенглер 2000, с. 65– 66). Причину столь безнадежного состояния философской мысли в современную эпоху Шпенглер усматривает в неотвратимых закономерностях истории культуры: «Век чисто экспансивной деятельности, лишенный высшей художественной и метафизической продуктивности – скажем короче – век иррелигиозности, что вполне покрывается понятием об укладе жизни мирового города, – есть эпоха упадка. Несомненно. Но не мы выбрали это время. Мы не властны изменить того положения, что родились людьми начинающейся зимы полной цивилизации, а не на солнечных высотах зрелой культуры времени Фидия или Моцарта. Все сводится к тому, чтобы уяснить себе это положение, эту судьбу, и понять, что, как бы мы ни обманывали себя относительно действительного состояния вещей, мы не можем перешагнуть через него. Кто не сознает этого, не имеет места среди своего поколения. Он останется глупцом, шарлатаном или педантом» (Шпенглер 2000, с. 67). Фридрих Ницше предвидел грядущее вырождение всех форм европейской культуры, Шпенглер уже констатирует факт: «Целый мир уже отделяет время Ницше, когда еще витало последнее дыхание романтики, от современности, окончательно порвавшей со всякой романтикой» (Шпенглер 2000, с. 67). Западная философская мысль вступила в ту самую пору упадка и разложения, которой некогда завершилась философия античности: «Систематическая философия получила свое завершение в исходе XVIII столетия. Кант заключил ее крайние возможности в величественные и – для западноевропейского духа – во многих случаях окончательные формы. Вслед за ней следовала, подобно тому как это было после Платона и Аристотеля, специфически городская, не спекулятивная, а практическая, иррелигиозная, этико-общественная философия» (Шпенглер 2000, с. 68).

Со времени пессимистических констатаций и прогнозов Шпенглера прошло уже сто лет. За этот

период философия из стадии агонии, сопровождающейся предсмертными судорогами, перешла в стадию клинической смерти. Пульс не прощупывается, последние следы мозговой активности угасают... Однако философия в состоянии клинической смерти – весьма интересный и поучительный объект для научных наблюдений. Зафиксируем основные признаки этого современного состояния философской мысли. Нужно успеть сделать это именно сейчас – ибо совсем скоро начнется разложение мертвого организма...

1. Атомизация философского дискурса

Это один из самых ярких и достоверных признаков – утрата единства, распад на составные элементы, обособление отдельных частей... Основной чертой философии является монументальная целостность, сочетающаяся с широтой и полнотой умственного горизонта. Философия занимается осмыслением мира в целом, во всей полноте и в единстве проявлений его бытия. Только это соответствует исконному смыслу и содержанию философии. Философ по своему определению не может быть разработчиком какой-либо отдельной, частной области бытия, какого-либо региона сущего. Онтология как учение о бытии мира в целом всегда составляет ядро философского дискурса. Из этого фундамента вырастают все разделы учения: о праве и государстве, о религии и искусстве и т.п. Достаточно вспомнить хотя бы наследие Гегеля, включающее детально разработанные учения о религии, искусстве, праве, истории, природе, сознании и логике. И все эти разделы выступают в качестве проявления целостной онтологии. И вот находятся люди, у которых поворачивается язык называть философом какого-нибудь Томаса Куна, за всю свою жизнь разработавшего одну теорию научных революций... Попробуем представить Томаса Куна на фоне такого титана, как Гегель... Но, возможно, Гегель – слишком большой масштаб для сравнения. Не всем же быть подобным Гегелю. Хорошо, возьмем Ницше. И здесь сопоставление окажется не в пользу Томаса Куна. Прежде всего, для учения Ницше характерна оригинальная, тщательно разработанная онтология (Фаритов 2017). Недаром осмыслению и интерпретации наследия Ницше посвящены объемные и фундаментальные труды таких фигур, как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ф. Юнгер. Более того, сама философия названных авторов немислима без учета рецепции учения Ницше. Кто из великих мыслителей писал о Томасе Куне? На кого он оказал существенное влияние? Именовань Куна философом можно только при условии полного забвения того, что такое философия.

Но это болезнь всей современной философии: едва ли не каждый нынешний «философ» – специалист в каком-нибудь отдельном разделе, а то и в какой-нибудь отдельной теме... Кто-то занима-

ется социальной философией, кто-то философией науки, кто-то – техникой... Каждый выполняет муравьиную работу, каждый все больше становится похож на того персонажа из «Так говорил Заратустра», который познает мозг пиявки... Прав Шпенглер: перспективу птичьего полета заменили перспективой лягушки... Кантов и Гегелей в современной философии не видно. Уже К. Ясперс на фоне великих философов прошлого видел себя гномом, а Хайдеггер – зрителем картинных галерей... (Хайдеггер 2001). Это Ясперс и Хайдеггер... Необходимо называть явления своими именами. Вебер, Шюц, Бурдьё – социологи, Кун, Лакатос – методологи, Фуко – социолог и историк идей, Барт – семиотик. Это значимые фигуры в своих областях. Но называть их философами можно только в силу глобального недоразумения. Философ исчез как тип, как вид. Философ, специализирующийся на отдельной области, на отдельной теме, философ-специалист – это оксюморон, сапоги всмятку.

2. Стирание границ между философией и философскими научными исследованиями

Другой значимый признак утраты понимания смысла философии – смешение, а точнее – подмена философии научными исследованиями в области философии. Сегодня различия между этими двумя видами интеллектуальной и культурной деятельности практически стерто. И стерто оно в пользу гегемонии научного дискурса, полностью вытеснившего философию в ее исконном значении. Философия подменяется научными исследованиями. Особенно ревностно данную установку воплощают представители так называемой «аналитической философии». Но не следует забывать, что «аналитическая философия» представляет собой продукт позитивизма и, следовательно, кризиса философской мысли (Соловьев 1999). Позитивизм во всех своих ответвлениях есть сознательный отказ от философии, от ее языка и проблематики в пользу эмансипированной науки. Позитивизм есть заболевание философии, и заболевание это смертельно...

В действительности, философия относится к научным исследованиям так же, как тексты художественной литературы к литературоведению. К чести последнего следует отметить, что в этой сфере различие сохранено, границы не нарушены. Поэт или прозаик – автор художественных текстов. Никто, находясь в здравом уме, не станет называть литературоведа писателем. Литературовед – ученый, исследователь художественных текстов и истории литературного процесса. Один человек может совмещать эти ипостаси (как Ю. Тынянов, например), но это не приводит к их смешению. Аналогичное разграничение должно быть установлено и в философии. Философ – создатель философских текстов. Тот, кто занимается

научным исследованием философских текстов и историко-философского процесса – не философ. Почему-то именно здесь русский язык изменил своему богатству и проявил крайнюю скудость. И тех и других, и создателя философских текстов и исследователя, в силу какого-то недоразумения именуют одним словом: философ. Даже выдают дипломы философа... (Попробуем представить дипломированного поэта...) Но причину следует искать глубже: понимание того, что такое вообще философия, сегодня полностью утрачено и подмечено ложным толкованием. «Аналитическая философия», невзирая на свой младенческий возраст, уверенно диктует всем и вся, что должно называться сегодня философией... Но исследования в области лингвистики и искусственного интеллекта не имеют никакого отношения к философии. Это самостоятельная область научных исследований, и философией она именоваться не должна. Как мы уже отмечали выше, философия и специализация на отдельных областях – вещи несовместимые.

3. Утрата трансцендентного измерения

В этом пункте мы затрагиваем самый очаг патологического процесса в сфере философской мысли. За остановкой сердца должна последовать и гибель мозга. За «смертью Бога» должна последовать и смерть философии. Современная философия (или то, что сейчас называют философией последователи Витгенштейна и Фуко) полностью утратила перспективу *sub specie aeterni*. Нынешние «философы» все больше становятся похожи на газетных писак в своей маниакальной погоне за актуально-злободневным и сенсационным. Точка зрения вечности последовательно изгоняется из философской мысли. Оно и понятно: с вечностью значительно сложнее получить грантовую поддержку, например... Но дело не только в этом. И величайшие философы (собственно, философы) не пренебрегали осмыслением насущных проблем современности. Однако и актуальные вопросы современной жизни они рассматривали с точки зрения вечности. Так было у Платона, так было у Гегеля, так было даже у Ницше. Но нынешние газетно-журнальные «философы» увязли в актуальности, не просветленной вечностью. Вместо поиска вечных смыслов – сбор фактов... Вот она перспектива лягушки вместо перспективы орла! Впрочем, нельзя никого винить в происходящем... Мы не виноваты, что живем именно в такое время... «Посмотрите же на этих лишних людей! Они крадут произведения изобретателей и сокровища мудрецов: культурой называют они свою кражу – и все обращается у них в болезнь и беду!» (Ницше 1998, с. 36).

4. Маргинализация философского дискурса

В сложившейся ситуации философия в ее исходном и собственном смысле все больше перемещается с центра интеллектуальной и культурной

жизни на периферию. Центр начинают занимать квазифилософские образования: аналитическая философия, социальная философия, философия науки и т.п. Все эти разношерстные направления объединяет общая тенденция: стремление создать философию без метафизики, философию, подчиненную научному дискурсу. Представителей всех этих течений следовало бы называть не философами, а интеллектуалами. То обстоятельство, что в американской традиции термин «философия» приобрел чрезвычайно широкое и максимально удаленное от исконного значение, есть в действительности следствие незаконной операции подмены смысла. Связано это с тем, что в оправленный момент центр и периферия начали меняться местами. Побочная партия становится главной. Обратимся к истории философской мысли. Вспомним, с чего начиналось философствование в античности, что было истоком философских поисков. Мощный импульс умозрения в философии Парменида и Гераклита получает свою филигранную разработку в величественных учениях Платона и Аристотеля. Метафизическая линия составляет центр, главную линию античной мысли. Антиметафизические тенденции в учениях скептиков и софистов – это побочная партия, движение, направленное против изначального умозрительного посыла философии. Эта линия вторична и послужила она преимущественно усилению метафизики: в противостоянии софистическому движению греческая умозрительная философия достигла своего высшего расцвета, своей максимальной силы. Разложение и гибель античного мира характеризуются выдвиганием побочных направлений на передний план.

Аналогичная ситуация наблюдается и в средневековой мысли. Метафизическая, спекулятивная линия здесь получает однозначный и не вызывающий сомнения перевес. Напротив, воплощающий антиметафизические тенденции номинализм исследователи связывают с кризисом и разложением средневековой мысли: «Подобно софистам, сократическим школам и эллинистическим течениям, расцвет средневековой номиналистической философии был связан с глобальными духовными и социальными потрясениями. Выступая как теологическое учение, призванное ограничить притязания разума во имя веры, номинализм в действительности способствовал упадку средневековой философии и христианской религии. В широком плане результатом номинализма стало завершение христианства и его постепенная замена возрожденными разновидностями иудаизма. Ярко выраженный номиналистический характер постмодернизма указывает на то, что он скрыто опирается на схожие с позднесредневековой теологией принципы» (Филиппович 2007, с. 797).

И в Новое время высшие образцы философской мысли представлены метафизической ли-

нией: от Декарта, Спинозы, Лейбница до Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. На фоне этих титанов европейской философии Бэкон, Юм, Локк и им подобные оставляют весьма жалкое впечатление. Это – побочная партия, периферия философского дискурса эпохи Нового времени.

Однако после смерти Гегеля ситуация в западной философии начинает коренным образом трансформироваться. Главная и побочная линии меняются местами. Антиметафизические по своему пафосу позитивизм и материализм становятся магистральными направлениями мысли. Философия новейшего времени получает устойчивую характеристику «постметафизической» (Глухво 2014; Думин 2016; Малкина 2015). Метафизическая философия, философия в своем первоначальном, исконном смысле, оттесняется на периферию, становится маргинальным феноменом. В этой ситуации кризиса европейской метафизики происходит событие пробуждения русской философской мысли. Характерно в этом плане заглавие одного из первых философскихopusов В.С. Соловьева: «Кризис западной философии (против позитивистов)» (Соловьев 1999). Свое метафизическое учение Соловьев выстраивает в качестве ответа на засилье позитивизма в западной философии. Метафизика здесь уже не первичный импульс мысли, как это было в античности, но продукт реакции. В древности было иначе: скептицизм и софистика выступали в качестве реакции на первичный умозрительный импульс учений Парменида и Гераклита и привели лишь к усилению метафизического направления. В русской философии метафизическая линия изначально вторична. И просуществовала эта реакционная метафизика сравнительно недолго и, что особенно характерно, преимущественно в эмигрантской среде, где она, в конце концов, и задохнулась. Позитивизм и материализм восторжествовали и в русской (советской) философии.

Конечно, и во второй половине XX столетия в западной философии можно при желании отыскать отдельные примеры метафизических учений. Но их надо именно отыскивать, на них нужно специально указывать. На переднем плане, у всех на слуху, как раз представители антиметафизической философии: Витгенштейн, Фуко, Гваттари, Ваттимо. Философ-метафизик в пространстве современной мысли неизбежно становится маргиналом – подобно тому, как в Европе маргиналами становятся люди, создающие традиционную семью. Напротив, всевозможные «меньшинства», некогда представлявшие маргинальные пласты культуры, теперь уверенно шествуют пышными парадами по центральным улицам европейских столиц. Утрата метафизического измерения в философии и легализация однополых браков – это взаимообусловленные явления.

5. Трансформации философского дискурса: феномен поворота

Нужно отдавать отчет в подлинном смысле, скрывающемся за термином «поворот». Философия никуда не поворачивается: на какую бы предметную область она ни была направлена, она всегда обращена к вечности. Феномен поворота – прямое следствие и ярчайшее свидетельство кризиса метафизики. Человек, утративший ориентиры в пространстве, начинает поворачиваться в разные стороны, чтобы отыскать направление. Нечто подобное происходит и в современной философии. Поворот – явный признак того, что философская мысль сбилась с пути. Потеря трансцендентного измерения приводит к такому явлению, которое К. Ясперс характеризует как «замену трансценденции и ее несостоятельность» (Ясперс 2004, с. 568). Любая попытка найти вечное в конечном заведомо несостоятельна. Поворот есть не что иное, как такая попытка замены трансценденции. Бога пытаются заменить человеком (антропологический поворот). В.А. Конев отмечает: «В 1916 году русский философ С.Л. Франк публикует свою книгу «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию», в которой отмечает отсутствие какого-либо определенного и признанного учения о сущности человеческой души и о месте человека и его духовной жизни в общей системе сущего», «об отношении души к иным областям бытия». Таким учением, по его мнению, должна стать философская психология, которую он трактует как философскую антропологию. Эти утверждения предвосхищали идеи доклада «Положение человека в космосе», опубликованного в 1928 году М. Шелером, признанного основателя философской антропологии, который раскрывает специфику философского взгляда на человека и на его место в системе бытия. А годом раньше доклада Шелера выходит трактат М. Хайдеггера «Бытие и время», который говорит не просто о человеке, а об онтологическом принципе его существования» (Конев 2016, с. 7). И далее ставится характерный вопрос: «Чем вызван этот антропологический бум? Чем вызвано это постоянное обращение к человеческому фактору жизни? Разве философия не занималась человеком, как отмечал Кант, и тогда, когда она искала ответы на вопрос «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?»?» (Конев 2016, с. 8). Да, человек всегда входил в сферу философских поисков, но его осмысление было укорено в исконной сфере вопросов о бытии и познании. Хайдеггер и Франк еще пытаются сохранить, а точнее, возобновить, реанимировать эту укоренность постановки вопроса о человеке в бытии. Но в целом антропологический поворот осуществляет разрыв с метафизической традицией. Человек последовательно ставится на место трансценденции и, в конце концов, вытесняет последнюю.

Аналогичные тенденции проявляются в «лингвистическом повороте». Одна из основных характеристик лингвистического поворота состоит в переходе от категориально-понятийного аппарата метафизической философии к категориально-понятийному аппарату лингвистики. Тем самым осуществляется переориентация философских поисков с проблем бытия и сознания на проблемы языка, в котором и посредством которого получают свое выражение проблемы бытия и сознания. Язык начинает выступать в качестве приоритетной области онтологических исследований. Это происходит в концептуальных разработках Л. Витгенштейна, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида и их последователей. И метафизическая философия обращалась к проблеме языка. Однако здесь язык трактовался как сфера обнаружения и проявления бытия, т.е. осуществлялся переход от конечного (язык) к бесконечному (бытию). В лингвистическом повороте язык фактически замещает собой бытие. В деконструкции Деррида бытие представляет собой трансцендентальное означаемое, которое оказывается лишь означающим, возведенным в привилегированное положение. Вся онтология сводится к игре и комбинаторике означающих. Знак перестает быть сферой репрезентации бытия, он замещает и вытесняет бытие. У таких авторов, как Л. Витгенштейн и Р. Карнап, вся проблематика философии начинает сводиться к проблематике использования языка. Категории онтологии и метафизики объявляются бессмысленными «псевдопонятиями». Вспомним хрестоматийные положения «Логико-философского трактата» Витгенштейна: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка. (Они относятся к такого рода вопросам, как: является ли добро более или менее тождественным, чем красота?) И не удивительно, что самые глубочайшие проблемы на самом деле не есть проблемы. Вся философия есть "критика языка"» (Витгенштейн 1994).

Приведенных примеров достаточно, чтобы понять, что феномен «поворота» является вовсе не проявлением устремленности философии к новым горизонтам, но очевидным свидетельством ее вырождения и гибели.

Библиографический список

Балаклеец Н.А. Пространство, тело и власть в концепции А. Лefевра // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы. Сборник материалов Всероссийской на-

учной конференции с международным участием. Отв. ред. Ю.А. Разинов. 2018. С. 129–138.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. Москва: Гнозис, 1994. 612 с.

Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и пост-ницшеанское преодоление платонизма. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.

Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. 238 с.

Деррида Ж. Письмо и различие. Москва: Академический проект, 2000. 495 с.

Конев В.А. Смысл культуры. Самара: Самарский университет, 2016. 276 с.

Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2015. 268 с.

Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 463 с.

Ницше Ф. Сочинения. В двух томах: Т. 2. Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 864 с.

Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999. 912 с.

Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г. В. Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб.: Алетейя, 2017. 442 с.

Филиппович А.В., Семенов В.Н. Против позитивизма // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 791–812.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. 604 с.

Хайдеггер М. Переписка 1920–1963. Москва: Ad Marginem, 2001. 416 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, 2000. 1376 с.

Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. Санкт Петербург: Владимир Даль, 2004. 630 с.

References

Balacleets, N.A. (2018), Space, body and power in the concept of A. Lefebvre, *Diagnostika sovremennosti: global'nye vyzovy – individual'nye otvety. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ju.A. Razinov (ed.), Samarskaja humanitarnaja akademija, Samara, pp. 129–138.

Wittgenstein, L. (1994), *Philosophical works*, Part 1, Gnosis, Moscow, Russia.

Glukhov, A.A. (2014), *Wave overlap. Plato's political logic and the post-Nietzschean overcoming of Platonism*, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

- Demin, I.V. (2016), *Metaphysics and post-metaphysical thinking in the mirror of historiosophy*, Samara Academy of Humanities, Samara, Russia.
- Derrida, J. (2000), *Letter and distinction*, Academic project, Moscow, Russia.
- Konev, V.A. (2016), *The meaning of culture*, Samara University Samara, Russia.
- Malkina, S.M. (2015), *Post-metaphysical configurations of ontology*, Saratov University Press, Saratov, Russia.
- Mikeshina, L.A. (2016), *Modern epistemology of humanitarian knowledge: interdisciplinary syntheses*, Political Encyclopedia, Moscow, Russia.
- Nietzsche, F. (1998), *Works*, In two volumes: Vol. 2, RIPOL CLASSIC, Moscow, Russia.
- Soloviev, V.S. (1999), *Philosophical beginning of integral knowledge*, Kharpvest, Minsk, Belarus.
- Faritov, V.T. (2017), *Ontology of transgression: G.V.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical teachings)*, Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Filippovich, A.V., Semenov, V.N. (2007), *Against positivism, The latest philosophical dictionary. Post-modernism*, Contemporary writer, Minsk, Belarus, pp. 791–812.
- Heidegger, M. (2006), *Nietzsche*, Vol. 1, Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia.
- Heidegger, M. (2001), *Correspondence 1920-1963*, Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Spengler, O. (2000), *Decline of Europe*, Harvest, Minsk, Belarus.
- Jaspers, K. (2004), *Nietzsche: An introduction to understanding his philosophizing*, Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia.
- Submitted: 13.04.2021
Revised: 10.06.2021
Accepted: 25.06.2021

УДК 165 + 177.7 + 304 + 316.7 + 81.37

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 16.04.2021
после рецензирования: 17.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Обобщенное описание и референциальное значение типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы о том, в чём состоит реальность типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, а также чем отличаются наименования и описания типов поведения от самих этих типов как таковых. Описание лексических значений на семантическом метаязыке и описание типичных языковых и других культурных форм на основе прототипов не противоречат друг другу, так как решают разные задачи. Соответственно, обобщенные описания типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, — это сконструированные на метаязыке на основе интуитивного понимания сходства лексические значения кратких наименований типичных ситуаций, существующие в качестве артефактов анализа текстов, а сами аналогичные жертвоприношению типичные ситуации и формы детского поведения — это реально существующие объективные формы поведенческих ситуаций и биологические, культурные и социальные предрасположенности к определённым типичным формам поведения.

Ключевые слова: культура, общество, жертвоприношение, формы поведения, типичные ситуации, семантика, значение, метаязык, реальность.

Цитирование: Сериков А.Е. Обобщенное описание и референциальное значение типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 22–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30>.

Благодарности: автор выражает благодарность РФФИ за финансовую поддержку в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сериков А.Е., 2021 – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

A.E. Serikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Generalized description and referential meaning of typical childlike situations comparable to sacrifice

Abstract: the article discusses the issues regarding the essence of what the reality referring to typical childlike situations similar to sacrifice, and the ways the names and descriptions of behavior types differ from these types as per se. The description of lexical meanings via the semantic metalanguage and the description of typical linguistic and other cultural forms based on prototypes do not contradict each other, since they solve different problems. Consequently, generic descriptions of typical childlike situations comparable to sacrifice are lexical meanings of the short names of typical situations, constructed in metalanguage on the basis of an intuitive understanding of their similarity, existing as artefacts of text analysis, while the typical situations and forms of childlike behavior comparable to sacrifice are real-life objective forms of behavioral situations and biological, cultural and social predispositions to certain typical forms of behavior.

Key words: culture, society, sacrifice, patterns of behavior, typical situations, semantics, meaning, metalanguage, reality.

Citation: Serikov, A.E. (2021), Generalized description and referential meaning of typical childlike situations comparable to sacrifice, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 22–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30>.

Acknowledgments: the author gratefully acknowledges the support of the Russian Foundation for Basic Research under Grant No. 19 011 00872 «Philosophical Anthropology of Victim: Sacralization, Management, Design».

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Serikov A.E., 2021 – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Проблема реальности типов поведения

Современная дискуссия о реальности типичного – это новое воплощение старого спора об универсалиях. Основной вопрос заключается в том, являются ли описываемые наукой типы объективными свойствами нашего мира, реально существующими независимо от научных исследований, или они – просто артефакты, возникающие вследствие применения некоторого исследовательского метода. Дэвид Дойч так формулирует данную проблему применительно к математическим объектам: «Подлинный вопрос состоит в следующем: как мы должны понимать такие сущности? Какие из них являются всего лишь удобными словесными конструкциями, ссылающимися, в конечном счете, лишь на обычную физическую реальность? Какие из них – всего лишь преходящие особенности нашей культуры?» (Дойч 2018, с. 370).

На фоне математических истин и законов природы культурные типы кажутся Дойчу эфемерными и тривиальными, но применительно к ним можно задать все те же вопросы: как понимать их реальность, существуют ли они независимо от нас, не являются ли они просто словесными конструкциями? Ниже я хочу рассмотреть данную проблему применительно к культурным и поведенческим типам, имеющим отношение к жертвоприношению.

Возьмём такой часто описываемый тип поведения, как заместительная (смещённая, переадресованная, перенаправленная) агрессия. Рене Жирар формулирует свою основную гипотезу о сущности жертвоприношения, прямо ссылаясь на Конрада Лоренца:

«Неутолённое насилие ищет и в итоге всегда находит заместительную жертву <...> Лоренц в "Агрессии" говорит о виде рыб, которые, если их лишить обычного противника, то есть самцов того же вида, с которыми они конкурируют за контроль над определенной территорией, непременно обращают свои агрессивные тенденции против собственной семьи и в итоге ее уничтожают.

Имеет смысл спросить, не основано ли ритуальное жертвоприношение на замещении того же типа, но в обратном направлении» (Жирар 2000, с. 8).

Дмитрий Анагольевич Жуков приводит такие примеры переадресованной агрессии: «Переадресованное поведение может выражаться и в ударе кулаком по столу, и во враждебном отношении к тем, кто только косвенно причастен к вреду или оскорблению, нанесённому субъекту, и во внешне немотивированных враждебных актах по отношению к случайным людям» (Жуков 2014, с. 231). Роберт Сапольски пишет, что агрессия может быть связана с указанием «на кого-то послабее, на кого можно перенести агрессию в случае испуга, подавленности, боли. <...> Когда увеличивается безработица, тут же подскакивает число случаев домашнего насилия» (Сапольски 2020, с. 223).

Эти цитаты показывают, что, несмотря на существующую сегодня критику некоторых идей классических этологов, реальность смещённой агрессии в качестве типа поведения принимается современными исследователями как что-то само собой разумеющееся. Очевидность сходства между приводимыми выше примерами – от поведения рыбок до поведения человека – мало кем оспаривается. Биологи могут оспорить выдвинутую Лоренцом гидравлическую модель накопления агрессии, антропологи могут не согласиться с Жираром, что основная функция жертвоприношения – это перенаправление агрессии, но никто не сомневается в самом по себе сходстве и типичности сравниваемых форм поведения.

Мне эти примеры тоже кажутся сходными и типичными, но я вижу здесь повод задуматься над рядом вопросов. В чём состоит реальность этого типа поведения, так похожего на принесение жертвы отпущения? В чём состоит реальность других типов поведения и типичных ситуаций, аналогичных жертвоприношению, таких как типичное детское испытание? Почему сходство некоторых ситуаций и форм поведения кажется настолько очевидным, что их без каких-либо сомнений хочется отнести к одному типу? Что такое сходство вообще? Чем детерминировано поведе-

ние, соответствующее тому или иному типу? А также чем отличаются наименования и описания типов поведенческих ситуаций и форм поведения от самих этих типов как таковых?

Самоочевидность и изначальность сходства

Рассмотрим два рассказа о поведении детей, которые мне кажутся совершенно очевидно похожими друг на друга. Их сходство и реалистичность просто поражает, и всякий читатель понимает: это правда, так и бывает с ребёнком, оказавшимся в подобной ситуации. Даже ничего не зная о типах и не задумываясь об их существовании, читатель бессознательно отнесёт эти две истории к одному типу.

Я привожу эти рассказы с моей разбивкой на фрагменты, соответствующие отдельным последовательным ситуациям, что будет разъяснено ниже.

Первая история – это рассказ Н.Н. Носова «Леденец». Он начинается с того, что мама уходит из дома и велит сыну Мише не шалить и ничего не трогать, за что обещает дать леденец, когда вернётся. Сначала Миша ничего не трогал, но его всё больше и больше влекло именно то, что запрещено:

«//Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

"Я ведь ничего не трогаю, только смотрю".

// А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

"Я только посмотрю, а ничего трогать не буду", – думает.

// Открыл крышку, видит – там что-то красное сверху.

– Э, – говорит Миша, – да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

// Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

– Ого, – говорит, – большущий! И сладкий, должно быть.

// Миша лизнул его и думает:

"Пососу немножко и положу обратно".

// И стал сосать. // Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется – много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. // Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. // Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

"Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю"

// Миша достал леденец, сунул в рот, // а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам – и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

// Мишенька испугался:

"Что теперь мама скажет?"

// Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся.

Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет» (Носов 1988).

Вторая история – воспоминания Андрея Макаревича о том, как в детстве он нашёл спрятанную мамой большую плитку иностранного шоколада:

«Как кот, я перевёл дух, понюхал шоколадину чрез обёртку и нашёл в себе силы положить её на место, решив, что хватит мне и владения этой тайной – мама не знает, что я знаю, какое у нас спрятано сокровище. // Пару раз я этот клад со вздохом навещал, // а потом по телевизору показали фильм "Повесть о настоящем человеке". Мересьев полз по заснеженному лесу с перебитыми ногами, и плитка шоколада из боевого запаса практически спасала ему жизнь.

// Фильм произвёл впечатление. Все последующие дни, оставаясь дома один, я играл в Мересьева. Я ползал по квартире и какое бы ни выбирал направление – неизбежно утыкался в шкаф с заветным шоколадом. // Поскольку к этому моменту я уже детально изучил плитку снаружи и знал, что обёртка довольно плотная, я решил однажды, что если её развернуть аккуратно, отломить один квадратик и снова завернуть, не помяв – видно не будет.

// К тому же правила игры в Мересьева просто требовали есть шоколад. // Я развернул, отломил, завернул – видно не было.

// Дни летели незаметно, игра в Мересьева, подкреплённая заморским шоколадом, не кончалась, и опомнился я примерно через месяц, когда плитка вдруг оказалась вся пустая внутри. // Обмерев, я положил пустоту в обёртке на место» (Детский мир 2015, с. 278).

Можно попытаться проанализировать, почему эти истории кажутся похожими, найдя в них общие свойства, структурные элементы: ребёнок дома один; находит спрятанную сладость; знает, что есть её нельзя; находит оправдания, чтобы её только попробовать; постепенно съедает её всю; прячет следы своего преступления. Обе ситуации можно обобщённо охарактеризовать как ситуации испытания ребёнка соблазном, перед которым он не смог устоять и не прошёл испытание. В контексте жертвоприношения эти испытания можно рассматривать как аналогичные будущим более серьёзным тестам и инициациям, которые нужно научиться проходить успешно, чтобы не стать жертвой.

Но, во-первых, сам этот поиск осуществлялся вследствие совершенно очевидной уверенности в том, что истории похожи и типичны. Во-вторых, схожесть структурных элементов в конечном счё-

те основана лишь на интуитивной уверенности в том, что эти элементы похожи, а также на интуитивном понимании того, что значит быть похожим. Что значит быть похожим? Ну, например, вот это: один ребёнок находит спрятанный леденец, другой ребёнок находит спрятанную шоколадку. В данном случае сходство конкретных примеров интуитивно понятно, и уже на нём основано истолкование идеи сходства и идеи типа как множества сходных предметов. Сходство объясняет многое другое, но само объяснения не требует. Как пишет Людвиг Витгенштейн, «объяснения где-то наступает конец» (Витгенштейн 1994, с. 81). Он наступает в том смысле, что вместо них появляется привычка: «Обучение языку в этом случае состоит не в объяснении, а в тренировке» (Витгенштейн 1994, с. 82).

Узнавание сходства также может существовать как врождённая предрасположенность. Лучший пример врождённой способности человека распознавать сходство – это умение распознавать улыбку как улыбку. Даже такой известный критик универсальности эмоций и их выражений, как Анна Вежбицкая, признаёт основу улыбки – уголки рта приподняты вверх – в качестве универсального выражения универсального состояния «я сейчас чувствую что-то хорошее» (Wierzbicka 1999, р. 190). Что же касается понятия сходства, Вежбицкая пришла к выводу, что оно является культурной универсалией и семантическим примитивом, для которого в каждом человеческом языке существует лексическое воплощение. Это понятие, выражаемое словами «подобный/как» на русском (Вежбицкая 1996, с. 331), «like» на английском, «como» на испанском, «masam» на малайском (Wierzbicka 1999, р. 36–38), входит в список семантических примитивов в его последней редакции и является элементом «естественного семантического метаязыка», на котором Вежбицкая описывает значения лексических единиц всех человеческих языков.

Физиологической основой способности распознавания сходства разных улыбок, а также различных других базовых движений и положений тела могут быть зеркальные нейроны. Когда человек совершает некоторое движение, зеркальные нейроны другого человека реагируют точно так же, как если бы это было его собственное движение. Новорожденный ребёнок высовывает язык, когда видит, как это делает мать. «Улыбка ребёнка, отражающая улыбку матери, появляется немного позднее, но, опять-таки, она не может быть основана на обучении, поскольку младенец не может видеть своего собственного лица. Это свойство мы должны считать врождённым» (Рамачандран 2014, с. 151).

Итак, когда я вижу улыбку другого человека, мои зеркальные нейроны предположительно реа-

гируют так же, как когда я улыбаюсь сам. И так они реагируют на улыбку любого человека, т.е. распознают улыбки разных людей как похожие и принадлежащие к одному типу выражений лица. И подобное универсальное интуитивное понимание сходства может быть основой для формирования более сложных привычек распознавания сходства, специфических для различных культур и языков.

Другой пример врожденной предрасположенности к восприятию сходства – субитация, т.е. врождённая способность к распознаванию дискретных объектов и элементарным арифметическим операциям с ними, на существование которой опираются в своём исследовании основ математики Джордж Лакофф и Рафаэль Нуньес (Lakoff and Núñez 2000, р. 15). Например, два человека похожи на два дерева, два камня, два удара в барабан, и это сходство способны распознавать новорожденные дети, поскольку обладают врожденным пониманием числа два, а значит, и врожденным пониманием сходства.

Проблема злоупотребления прототипами и различие между Sinn и Bedeutung по Фреге

Вежбицкая поднимает вопрос о том, что ссылка на прототипы иногда является формой ухода исследователя от точности описания. Она не против теории прототипов как таковой, но против злоупотребления ею в тех случаях, когда понятие прототипа «используется в качестве волшебного ключа для отпирания любых дверей без малейших усилий, есть опасность, что оно принесет больше вреда, чем пользы» (Вежбицкая 1996, с. 224).

Поскольку теория прототипов во многом является развитием идеи Витгенштейна о семейном сходстве, Вежбицкая критикует идею семейного сходства и конкретно тезис Витгенштейна о том, что игру нельзя определить путём указания на общие свойства всех игр. Используя разработанный ею семантический метаязык, она определяет значение слова «игры» следующим образом:

«ИГРЫ

- а) многое, что делают люди
- б) люди делают это в течение долгого времени
- в) люди делают это ради удовольствия (т. е. они хотят испытать какие-то хорошие чувства)
- г) когда они делают это, они хотят, чтобы что-то произошло
- д) если бы они не делали это, они бы не хотели, чтобы что-то произошло
- е) когда они делают это, они должны знать, что им можно делать
- ж) когда они делают это, они должны знать, чего им нельзя делать
- з) прежде чем люди делают это, кто-то должен им сказать это» (Вежбицкая 1996, с. 214).

Я хочу занять в этом споре сторону Витгенштейна: в приведенном определении Вежбицкой

удалось охарактеризовать общие свойства далеко не всех игр. Например, в настольные игры не обязательно играть в течение долгого времени, в настольные и спортивные игры играют не только ради удовольствия, но также ради денег или установления социальных контактов, и иногда вопреки тому, что игра вызывает отвращение, и т. п. Это как раз то, что имел в виду Витгенштейн. Но это всего лишь один из аспектов более существенной проблемы, состоящей в том, что Вежбицкая, с одной стороны, и опирающиеся на идеи позднего Витгенштейна представители когнитивистики, с другой стороны, не слышат друг друга, так как говорят на языках разных научных парадигм.

Описывать лексические значения можно на основе метаязыка Вежбицкой или на основе одного из вариантов теории прототипов – вероятностной точки зрения Элеоноры Рош (Rosch 1978), (Rosch et al. 1976), экземплярной точки зрения Эдварда Смита и Дугласа Медина (Smith and Medin 1981, 2002), представления Лоуренса Барсалу об ad hoc категориях (Barsalou 2010) и его теории ситуативной симуляции (Barsalou 2003), когнитивной теории категоризации Лакоффа (Лакофф 2004). Но дело не столько в том, какой из этих подходов дает более «истинные» результаты, сколько в том, какую цель и вытекающие из неё задачи ставят перед собой исследователи.

Основной целью большинства исследований Вежбицкой было получение строгих и точных семантических формулировок лексических единиц различных языков, выраженных на «естественном семантическом метаязыке». Интересно, что Вежбицкая называет свой метаязык естественным. Она имеет в виду, что его элементами являются категории естественных языков, которые естественным образом являются универсальными семантическими примитивами. Но, несмотря на это, метаязык Вежбицкой не является естественным. Во-первых, список примитивов не просто естественно существует, но является результатом научных эмпирических исследований. Во-вторых, в данном языке используется определённый синтаксис, который также является результатом исследовательского отбора из некоторого количества возможных вариантов.

Что же касается представителей прототипического подхода, их исследовательский интерес и цели несколько иные. Например, Лакофф с соавторами ставят перед собой цель описать механизмы формирования повседневных и, в случае с математикой, научных категорий, которые могут быть неточны и группироваться вокруг плохо определённых прототипов, но при этом соотносятся с реальными свойствами культуры. Речь здесь идёт не о том, что исследователи позволяют себе быть неточными, а о строгом описании неточных оснований объективно существующих понятий и идей.

И здесь мы возвращаемся к классическому различению Готлоба Фреге между *Bedeutung* (значением, денотатом, референтом) и *Sinn* (смыслом, определением, лексическим значением). Дело в том, что основным результатом исследований Вежбицкой являются описания лексических значений, сконструированные на специальном метаязыке, которые однозначны и универсальны, но при этом являются *артефактами применения научного метода*. А Лакофф и другие когнитивисты, работающие с теорией прототипов, описывают не столько лексические значения, сколько их денотаты (референциальные значения), то есть предположительно *существующие независимо от научных исследований типичные формы языка и культуры*.

Обобщённые описания ситуаций

Ранее я предложил метод ситуативного анализа нарративов (Сериков 2018), согласно которому текст непрерывно разбивается на сегменты, содержащие *необобщённые описания* отдельных поведенческих ситуаций. Далее на основании анализа каждого такого сегмента для каждой описанной в нём ситуации даётся *обобщённое описание нулевого уровня*, характеризующее социальный статус персонажа, его психофизиологическое состояние, обстоятельства и форму его поведения. Описание делается, по возможности, теми же словами, что были использованы автором в изначальном тексте, с минимальными обобщениями, такими как замена имени персонажа на его социальный статус. На следующем этапе похожие обобщённые описания нулевого уровня обобщаются с помощью обобщённых описаний первого уровня. Понятие сходства в данном случае не формализуется, исходя из его семантической первичности и интуитивной очевидности. Далее похожие описания первого уровня обобщаются в *обобщённых описаниях второго уровня*, похожие описания второго уровня обобщаются в *обобщённых описаниях третьего уровня* и т. д. Хотя обобщённые описания, по существу, делаются на метаязыке, он не конструируется предварительно. Для этих описаний берутся максимально близкие по стилю к обобщаемым словам и словосочетаниям слова естественного языка. Например, «мальчик» и «девочка» могут обобщаться как «ребёнок», а «леденец» и «шоколад» – как «сладости».

В качестве примера приведу обобщённые описания, сделанные на основе процитированных выше отрывков из рассказов про леденец и шоколад. Отрывок первого рассказа, записанный в виде последовательных обобщённых описаний первого уровня, выглядит следующим образом:

Мальчик, которому запрещено что-либо трогать в буфете, рассматривает содержимое буфета, оправдывая себя тем, что ничего не трогает, а только смотрит.

Мальчик, которому сказано ничего не трогать, берет сахарницу только для того, чтобы посмотреть, оправдывая себя тем, что смотреть – это не то же самое, что трогать.

Мальчик, которому запрещено трогать сахарницу, открывает ее крышку, заглядывает внутрь и видит там леденец.

Мальчик, любящий сладкое, достает из сахарницы запретный леденец, проговаривая вслух то, что делает.

Мальчик, доставший запретный леденец, оправдывает свое желание его попробовать тем, что пососёт его немножко и положит обратно.

Мальчик, нашедший оправдание, чтобы пососать запретный леденец, начинает его сосать.

Мальчик, начавший сосать запретный леденец, не может остановиться и останавливается только тогда, когда леденец становится совсем маленьким.

Мальчик, съевший часть запретного леденца, кладет остаток в сахарницу.

Мальчик, который хочет доесть запретный леденец, придумывает для этого оправдание, состоящее в том, что он ведёт себя хорошо и мама всё равно этот леденец отдаст ему.

Мальчик, который придумал оправдание для того, чтобы доесть запретный леденец, сунул его в рот.

Мальчик, который достал запретный леденец из сахарницы, случайно разбил её на две половинки и рассыпал сахар.

Мальчик, который разбил сахарницу, испугался, что об этом узнает мама.

Мальчик, который боится, что мама узнает о разбитой сахарнице, складывает её из обломков и осторожно ставит назад в буфет.

Отрывок второго рассказа, записанный в виде последовательных обобщённых описаний первого уровня, выглядит так:

Мальчик, нашедший спрятанную мамой шоколадку, понюхал ее и положил на место, зная, что её нельзя есть.

Мальчик, который знает, где лежит запретный шоколад, время от времени его достает и кладёт на место.

Мальчик смотрит по телевизору фильм про Мересьева, в котором шоколад спасает жизнь герою.

Мальчик, который хочет попробовать запретный шоколад, находит оправдание в виде игры в Мересьева.

Мальчик, который хочет попробовать запретный шоколад, придумал, что, если его развернуть аккуратно, отломить один квадратик и снова завернуть, это будет незаметно.

Мальчик, придумавший оправдание для того, чтобы попробовать запретный шоколад, ест маленький кусочек.

Мальчик, съевший кусочек запретного шоколада, заворачивает обертку обратно так, чтобы скрыть следы своего проступка.

Мальчик, который съел маленький кусочек запретного шоколада, постепенно съедает незаметно для себя весь шоколад.

Мальчик, съевший запретный шоколад, кладет на место пустую обертку, чтобы скрыть следы своего проступка.

Схожие описания первого уровня из этих рассказов обобщаются следующими описаниями второго уровня: *ребёнок, знающий про спрятанную запретную сладость, достает её, чтобы на неё посмотреть; ребёнок, который хочет попробовать запретную сладость, ищет и находит для этого оправдание; ребёнок, придумавший оправдание, чтобы попробовать запретную сладость, пробует ее; ребёнок, съевший часть запретной сладости, укрывает остатки так, чтобы скрыть следы своего проступка; ребёнок, начавший по чуть-чуть есть запретную сладость, постепенно съедает ее целиком; ребёнок, съевший запретную сладость, скрывает следы своего проступка.*

Чтобы привести пример обобщённого описания третьего уровня, добавлю к анализу фрагмент рассказа Н.Н. Носова «Мишкина каша»:

« – Пстой, – говорю я. – А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

– Чего там варить! – говорит Мишка. – Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть» (Носов 1988).

Представленная в этом фрагменте ситуация получает следующее обобщённое описание первого уровня: *ребёнок, обещавший сварить обед, но которому лень это делать, находит для этого оправдание.* Обобщённое описание второго уровня будет следующим: *ребёнок, которому трудно сдержать обещание, находит этому оправдание.* Сравнивая это описание с одним из перечисленных выше описаний второго уровня – *ребёнок, который хочет попробовать запретную сладость, ищет и находит для этого оправдание,* – получаем следующее обобщённое описание третьего уровня: *ребёнок, который хочет нарушить правила, находит этому оправдание.*

Так же как семантические описания значения слов на метаязыке Вежбицкой являются лексическими значениями и артефактами исследования, мои описания тоже являются лексическими значениями и артефактами исследования, сконструированными на моём метаязыке. Сама же та или иная типичная поведенческая ситуация предположительно существует как объективное свойство природы, культуры или общества, относительно независимое от исследовательских инструментов и методов.

Типичные ситуации также могут получать краткие наименования. Например, тип ситуации

из рассказов про леденец и шоколад я бы назвал «ситуация соблазна». Эти наименования, конечно, также формулируются исследователем, но нельзя сказать, что они целиком им конструируются. Скорее, они выбираются из более-менее устойчивых словосочетаний, существующих в данном языке и культуре. С учётом этого семиотические отношения между кратким наименованием типичной ситуации, её обобщённым описанием и самой типичной ситуацией являются следующими: обобщённое описание типичной ситуации – это лексическое значение её краткого наименования, а сама типичная ситуация (тип ситуации) – это референциальное значение её краткого наименования.

Типичные детские ситуации, аналогичные жертвоприношению

Ранее на основе анализа детских рассказов мной были выявлены следующие типы детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению: 1) ситуации испытания, в которые детей вовлекают взрослые; 2) ситуации испытания, в которые детей вовлекают другие дети; 3) ситуации испытания детьми самих себя вследствие влечения к запретному и страшному; 4) ситуации отбора потенциальных жертв; 5) ситуации самопожертвования; 6) ситуации принятия жертвы другого (Сериков 2021). Здесь как раз работает теория прототипов. Некоторые описания ситуаций и форм поведения являются прототипическими, т.е. легко узнаваемыми и понимаемыми носителями данной культуры. Принадлежность к типу определяется сходством с прототипами. Выше проанализированные ситуации из рассказов Н.Н. Носова «Леденец» и «Мишкина каша» попадают в тип ситуаций испытания, в которые детей вовлекают взрослые, и вполне могут рассматриваться в качестве прототипов данного типа ситуаций. А рассказ А. Макаревича про шоколад может быть понят как разновидность ситуации испытания детьми самих себя, однако при желании его можно также интерпретировать как историю испытания, в которую сына вовлекла мама, спрятавшая шоколад.

Типичные ситуации являются таковыми, поскольку периодически воспроизводятся, так как существуют биологические, культурные и социальные предрасположенности к узнаванию этих ситуаций и определённому поведению в них. То есть типичные ситуации существуют объективно, потому что объективно существуют генетические и эпигенетические, культурные и социальные коды, позволяющие распознать ситуацию и реализовать наиболее оптимальную для неё форму поведения.

Трудно однозначно сказать про каждую конкретную ситуацию, какие коды в ней доминируют. По этому поводу Сапольски пишет, что «бессмысленно выделять в поведении аспекты "биологиче-

ские" в противовес, скажем, "психологическим" или "культурным". Они теснейшим образом переплетены и взаимосвязаны» (Сапольски 2020, с. 12). Тем не менее, многие исследователи дифференцированно описывают биологическую, культурную и социальную детерминацию поведения.

Например, применительно к агрессии Уолтер Гаррисон Рансиман различает биологически вызванное поведение молодых мужчин, которое определяется биологическими реакциями тела; культурно приобретённое поведение, приобретаемое в детстве путем подражания военным героям; и социально наложенное поведение призывников, навязываемое властями и контролируемое путём стимулов и санкций (Runciman 2009, p. 8). При этом биологически детерминированная склонность к насилию очень сильно может модифицироваться на культурном уровне. Так, в известном эксперименте Дова Когена, Ричарда Нисбетта, Брайана Баудла и Норберта Шварца было показано, что от культуры и воспитания могут зависеть не только внешние поведенческие реакции на оскорбление, но и такие биологические составляющие агрессивного поведения, как уровень определенных гормонов (Cohen et al. 1996). С другой стороны, результаты исследования, проведенного Мариной Львовной Бутовской и её коллегами, демонстрируют возможную генетическую обусловленность уровня человеческой агрессии (Бутовская 2014).

Таким образом, научные исследования показывают, что существуют объективные детерминанты определённых форм агрессивного поведения, но в большинстве случаев биологические, культурные и социальные причины поведения тесно переплетаются. Очевидно, то же самое можно сказать и о других типичных формах поведения.

Заключение

Итак, обобщённые описания типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, – это сконструированные на метаязыке на основе интуитивного понимания сходства лексические значения кратких наименований типичных ситуаций, существующие в качестве артефактов анализа текстов, а сами аналогичные жертвоприношению типичные ситуации и формы детского поведения – это реально существующие объективные формы поведенческих ситуаций и биологические, культурные и социальные предрасположенности к определённым типичным формам поведения.

Библиографический список

Barsalou L.W. Ad hoc categories // The Cambridge encyclopedia of the language sciences / Ed. by P.C. Hogan. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 87–88. URL: <http://psychology.emory.edu/cognition/>

barsalou/papers/Barsalou_entry_2010_ad_hoc_categories.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Barsalou L.W. Situated simulation in human conceptual system // *Language and Cognitive Processes*. 2003. Vol. 18. P. 513–62. URL: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_LCP_2003_situated_simulation.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Cohen D., Nisbett R.E., Bowdle B.F., Schwarz N. Insult, Aggression, and the Southern Culture of Honor: An "Experimental Ethnography" // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. No. 5. P. 945–960. URL: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/92155/InsultAggressionAndTheSouthernCulture.pdf> (дата обращения: 18.01.21).

Lakoff G., Núñez R. E. Where mathematics comes from: how the embodied mind brings mathematics into being. NY: Basic Books, 2000. 492 p.

Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48. URL: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Rosch E., Mervis C., Gray W.D., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. Vol. 8. P. 382–439. URL: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf> (дата обращения: 15.01.21).

Runciman W. G. The Theory of Cultural and Social Selection. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Smith E.E., Medin D.L. The exemplar view // *Foundations of Cognitive Psychology: Core Readings* / Ed. by D. Levitin. MIT Press, 2002.

Smith E.E., Medin D.L. Categories and Concepts. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. URL: <http://www.cs.indiana.edu/~port/teach/sem08/Smith.Medin.1983.ch1.2.3.pdf> (дата обращения: 15.01.21).

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. N.Y.: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1999. 349 p.

Бутовская М.Л. Истоки человеческой агрессии. 24.09.2014. URL: <http://postnauka.ru/video/32641> (дата обращения 18.01.2021).

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Сост., вступ. статья и примеч. М.С. Козловой. Москва: Гнозис, 1994. 612 с.

Детский мир: [рассказы] / сост. Д. Быков, А. Портнов. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 432 с.

Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных / Пер. с англ.; 3-е изд. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. 614 с.

Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.

Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т.1. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 428 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Носов Н.Н. Тук-тук-тук. Сборник рассказов. (Рисунки Г.И. Огородникова). Москва: Детская литература, 1988 // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=165629> (дата обращения: 07.03.20).

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / Пер. с англ. Елены Чепель. Москва: Карьера Пресс, 2014. 422 с.

Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / Пер. с англ. Е. Наймарк, Ю. Аболиной. Москва: Альпина Нон-фикшн, 2020. 766 с.

Сериков А.Е. Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ // *История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера* / отв.ред. И.В. Демин. Самара: Сам. гуманитар. акад., 2018. С. 255–261. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (дата обращения: 17.01.21).

Сериков А.Е. Типичные формы предрасположенности детей к принятию и принесению жертвы // *Mixtura Verborum* 2019-2020: пограничное время: сборник научных статей / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самарама, 2021. С. 65–94.

Трава была зеленее, или Писатели о своём детстве: [сборник]. Москва: Издательство «Э», 2016. 672 с.

References

Barsalou, L.W. (2010), Ad hoc categories, *The Cambridge encyclopedia of the language sciences*, ed. by P.C. Hogan. N.Y.: Cambridge University Press, New York, pp. 87–88, [Online], available at: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_entry_2010_ad_hoc_categories.pdf (accessed 15.01.21).

- Barsalou, L.W. (2003), Situated simulation in human conceptual system, *Language and Cognitive Processes*, vol. 18, pp. 513–62, [Online], available at: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_LCP_2003_situated_simulation.pdf (accessed 15.01.21).
- Cohen, D., Nisbett, R.E., Bowdle, B.F. and Schwarz, N. (1996), Insult, Aggression, and the Southern Culture of Honor: An "Experimental Ethnography", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 70, No. 5, pp. 945–960, [Online], available at: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/92155/InsultAggressionAndTheSouthernCulture.pdf> (accessed 18.01.21).
- Lakoff, G. and Núñez, R. E. (2000), *Where mathematics comes from : how the embodied mind brings mathematics into being*, Basic Books, New York, USA.
- Rosch, E. (1978), Principles of Categorization, Rosch, E. and Lloyd, B. (eds), *Cognition and Categorization*, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ, pp. 27–48, [Online], available at: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf (accessed 15.01.21).
- Rosch, E., Mervis, C., Gray, W.D., Johnson, D. and Boyes-Braem, P. (1976), Basic Objects in Natural Categories, *Cognitive Psychology*, vol. 8, pp. 382–439, [Online], available at: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf> (accessed 15.01.21).
- Runciman, W. G. (2009), *The Theory of Cultural and Social Selection*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Smith, E.E. and Medin, D.L. (2002), The exemplar view, D. Levitin (ed.), *Foundations of Cognitive Psychology: Core Readings*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Smith, E.E. and Medin, D.L. (1981), *Categories and Concepts*, Harvard University Press, Cambridge, MA, [Online], available at: <http://www.cs.indiana.edu/~port/teach/sem08/Smith.Medin.1983.ch1.2.3.pdf> (accessed 15.01.21).
- Wierzbicka, A. (1999), *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Butovskaya, M.L. (2014), *The origins of human aggression*, [Online], available at: <http://postnauka.ru/video/32641> (accessed 18.01.2021).
- Wierzbicka, A. (1996), *Language. Culture. Cognition*, Russkie slovari, Moscow, Russia.
- Wittgenstein, L. (1958), *Philosophical Investigations*, 2nd edition, Basil Blackwell.
- Children's world: short stories* (2015), AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi, Moscow, Russia.
- Deutsch, D. (1997), *The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications*, Penguin Books.
- Girard, R. (1977), *Violence and the Sacred*, Hopkins University Press.
- Zhukov, D.A. (2014), *Wait, who is leading? Biology of human and other animal behavior*, in 2 vol., Vol. 1, Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*, University of Chicago Press.
- Nosov, N.N. (1988), *Knock-Knock. Storybook*, Detskaya literatura, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.litmir.me/br/?b=165629> (accessed 07.03.20).
- Ramachandran, V.S. (2010), *The Tell-Tale Brain: A Neuroscientist's Quest for What Makes Us Human*, W.W. Norton & Company, New York.
- Sapolsky, R.M. (2017), *Behave. The Biology of Humans at Our Best and Worst*, Penguin Press.
- Serikov, A.E. (2018), Interpretation of fictional narrative character's behavior: parsing and situational analysis, *History. Semiotics. Culture: Proc. of the Int. Sci. Conf. dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher*, Samara Academy of Humanities Press, Samara, pp. 255–261, [Online], available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (accessed 17.01.21).
- Serikov, A.E. (2021), Typical forms of children's disposition to accept and make sacrifice, *Mixtura Verborum' 2019-2020: Marginal time: collection of sci. articles*, Samarama, Samara, pp. 65–94.
- The grass was greener, or Writers about their childhood: collection* (2016), «E» Publ., Moscow, Russia.

Submitted: 16.04.2021

Revised: 17.06.2021

Accepted: 28.06.2021

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 26.04.2021
после рецензирования: 14.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021

Гунтер Шольц

Рурский университет, г. Бохум, Германия
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

Рост потока информации как проблема энциклопедий

Аннотация: на основании анализа понятия «энциклопедия» показано, как постоянный и все более быстрый рост знания, создаваемый всемирной коммуникацией, приводит к совершенно новым проблемам: наука как коллективное предприятие отделяется от людей и обедняет их образование; больше ни один ученый не владеет всем знанием, накопленным в рамках его дисциплины; количество знания затрудняет его обзор и систематизацию. В результате традиционные энциклопедии все быстрее устаревают. Данный процесс становится понятным при помощи тезиса Георга Зиммеля об отчуждении объективной и субъективной культуры. Кратко упоминаются реакции на данную проблему.

Ключевые слова: энциклопедия, знание/наука, культура, образование.

Цитирование: Шольц Г. Рост потока информации как проблема энциклопедий // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 2. С. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-31-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Гунтер, 2021 – имеретированный профессор Рурского университета, г. Бохум, Германия.

Gunter Scholtz

Ruhr-Universität Bochum, Germany
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

The rising tide of information as problem of encyclopedias

Abstract: while using the “encyclopedia” concept as a guide, it has been shown the way in which the increasingly rapid growth of knowledge, created by the worldwide communication, leads to entirely new problems. The science as a collective enterprise is splitting off from the individuals and leveling down their education. There doesn't exist a single scientist, being acquainted with the whole knowledge accumulated in the discipline. The knowledge quantity rate proves that there are problems while carrying out the knowledge overview and systematization. As a result, traditional encyclopedias are becoming increasingly outdated. This process may be understood by the means of Georg Simmel's thesis on the alienation of objective and subjective culture. The present article presents some brief reactions to this problem.

Key words: encyclopedia, knowledge / science, culture, education.

Citation: Scholtz, G. (2021), The rising tide of information as a problem of encyclopedias, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 31–37, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-31-37>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Gunter Scholtz, 2021 – Professor emeritus, Ruhr-Universität Bochum, Germany.

Введение

Современное общество принято считать «обществом знаний» (Engelhardt, Kajetzke 2010), поскольку оно базируется на естественных, социальных и гуманитарных науках. Рост объема знаний порождает новые неопределенности и проблемы в обществе и культуре. Справедливо утверждение, что благодаря прогрессу знаний будущее становится все более неопределенным, поскольку знание изменяет мир, а будущее знание не может быть предсказано. Из-за роста объема знаний трудно достижимым становится и социальный консенсус

(Neuner 1999, p. 6). Спорным, например, является вопрос, что понимать под «общим образованием» и какие стратегии необходимо выстроить в системе образования. Самое примечательное, что наряду с науками, занимающимися рациональными исследованиями, возрастает иррациональная составляющая в культуре и обществе. Вы удивитесь и даже испугаетесь, узнав, насколько невероятными убеждениями, страхами и ожиданиями одержимы многие люди. Если ранее науки были настроены против религии, то теперь они вынуждены высказываться против новых измышлений, распростра-

няемых анонимными пользователями, например представителями движения QAnon. (Q – это анонимный пользователь, заявляющий о своем доступе к секретным материалам в США по вопросам «глубинного государства».) Складывается впечатление, что во многих областях общества науки и личные убеждения людей теперь совершенно отделены друг от друга.

Можно указать на многие основания этой ситуации. Одной из значимых причин является экспоненциальный рост объема имеющихся знаний, который никто больше не может усвоить. Сегодня объем доступного знания настолько велик, что уже ни один ученый не в состоянии овладеть всем богатством знаний своей специальности, а само знание настолько сложно, что доступно пониманию лишь узкого круга специалистов. Этот рост – естественный результат коммуникации: чем больше участников коммуникации, тем больше знания они получают в целом; и чем лучше функционируют средства передачи информации, тем быстрее происходит обмен информацией. Благодаря цифровой технике этот обмен непрерывно совершенствуется, так что и сами науки постоянно расширяют и улучшают способы увеличения и распространения научного знания.

От *egkyklios paideia* до кризиса энциклопедии

Прогресс науки делает и само знание проблематичным. Это можно наглядно показать на примере истории термина «энциклопедия». Сначала я обозначаю основные этапы изменения значения этого термина, потом продемонстрирую, как эти перемены подтверждают критический тезис Георга Зиммеля (*Georg Simmel*) о культурном развитии, затем кратко сформулирую возможные реакции на ситуацию роста объема знаний (Fuchs 1962a, pp. 365), (Fuchs 1962b pp. 504), (Dolch 1982), (Henningsen 1966, pp. 271), (Johann 1976), (Dierse 1977), (Tomkowiak 2002).

- 1) В Древней Греции под термином *egkyklios paideia* понималось «общее воспитание» свободных граждан, главным образом через музыкальное обучение (*mousike*), то есть через связь ритма и танца, мелодии и слова. Эта форма воспитания не предполагает передачу знаний, поскольку музыкальное воспитание относится к вопросам формирования нравственных качеств отдельного человека. Значение *egkyklios paideia* в древних текстах было спорным, таковым оно остается и сегодня. Ранее *egkyklios* означало повторяющееся, общее, обычное, а выражение *egkyklios paideia* – общеобразовательное воспитание. Из самого слова не следует возможность того, что *egkyklios paideia* превратится в «энциклопедию».
- 2) В Древнем Риме греческое выражение *egkyklios paideia* означало процесс получения знаний и развития интеллектуальных способностей, а также формирование круга преподаваемых дисциплин

orbis disciplinarum. Учитель риторики Квинтилиан понимал под греческим термином *orbis* («круг») те дисциплины, которые давали человеку необходимое общее образование. Этот круг не был воплощением всех знаний. Он включал в себя как математические дисциплины – арифметику, геометрию, музыку и астрономию, которые еще Платон считал значимыми для философского образования, так и языковые дисциплины – грамматику и риторику, которые Аристотель рекомендовал в качестве базовых для дальнейшего образования. Из них позднее выделились *Artes liberales*, то есть гуманитарные науки, к которым потом примкнула и диалектика. Искусство, как *Ars*, предполагало не только знание, но и умение делать что-то хорошее и правильное. Круг этих гуманитарных дисциплин был предназначен для обучения молодых людей.

- 3) В средневековых университетах эти семь свободных искусств обеспечивали пропедевтическое общее образование в качестве основы для всех других, более специальных штудий, таких как теология, юриспруденция и медицина. Около 1200 года мы находим, например, у Гуго Сен-Викторского (Hugo von Sankt Viktor), попытку систематизировать все знания. Ведь, во-первых, несистемное знание не согласуется с единством души и тела человека, а, во-вторых, упорядоченность знания должна по возможности облегчать путь его усвоения. Уже Платон в шестой книге «Государства» сформулировал метафору линейного упорядочивания знания таким образом, чтобы отдельные области знания служили одновременно ступенями, по которым душа человека совершает восхождение от просто мнения к идеям, лежащим в основе всего действительного знания.
 - 4) Ренессансный гуманизм актуализировал латинское выражение *encyclopaedia*. Появились авторские произведения, содержащие в названии это слово, например, объемный текст «Энциклопедия» Дж.Х. Алстедта (*Encyclopaedia von J.H. Alsted*). В издании 1630 года эта Энциклопедия включает семь томов, то есть в общей сложности около 2400 напечатанных мелким шрифтом страниц. Этот труд носит дидактический характер и претендует на методическое обобщение всего того, чему человек может научиться в течение своей жизни и что следует усвоить универсальному ученому. В 38 таблицах перечислены все дисциплины в определенном порядке. Доступный материал по отдельным дисциплинам настолько огромен, что Алстеду приходится сосредоточиться лишь на «принципах» систематизации материала.
- В XVII веке на такого рода ограничениях особо настаивал Ян Амос Коменский (J.A. Comenius). Он полагал, что энциклопедии не следует стремиться к

полиматии, многознанию. Она должна демонстрировать целое в его взаимосвязях, быть пансофией, её главенствующий принцип – систематический порядок. Хорошая энциклопедия подобна дереву, ветви которого растут из одного ствола и из одного корня. Это требование имело как дидактический, так и метафизический смысл. Тотальность знания может быть познана, в ней может быть распознана красота творения лишь тогда, когда энциклопедия представляет собой обозримое целое.

5) Философ Лейбниц (Leibniz) в своих рассуждениях об энциклопедии разделяет эту метафизическую точку зрения, но вместе с тем он отстаивает принцип рациональной систематизации всего, что вообще можно знать. Педагогический аспект в его трудах полностью уходит на второй план. Энциклопедия призвана не только систематизировать полученные знания, но и служить расширению познания. Именно поэтому проект Энциклопедии Лейбница адресован, главным образом, ученым, сообществам исследователей. Создание новых энциклопедий тесно связано с требованием Лейбница к академиям, занимающимся коллективной работой по систематизации знаний, где подразумевается, что написание энциклопедии не может быть делом одного автора, а её содержание не может уместиться в одной отдельно взятой голове.

6) В Большой Французской Энциклопедии (1751–1772), ставшей грандиозным культурным событием того времени, это требование было учтено в полной мере. Энциклопедия написана 170 сотрудниками, составлена в 28 томах и содержит почти 72 000 статей. Понятно, что освоить такой объем знаний одному человеку не представляется возможным. Энциклопедия обнаруживает систематический порядок, однако он формулируется в отдельной таблице, в отдельной части произведения. Обильный материал представлен в алфавитном порядке, то есть имеет вид Словаря (Dictionnaire) или Лексикона. Системное целое отделилось от суммы частей, от совокупности знания. При этом объем материала настолько велик, что отдельные статьи можно рассматривать как своего рода географические карты, представляющие лишь часть определенной территории. Как пишет редактор Дени Дидро (Denis Diderot), основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1751), энциклопедия должна служить делу образования и воспитания отдельного человека и даже обретению счастья и добродетелей. Однако нигде не указано, какие именно статьи следует для этого изучать. Подразумевается, что пользователь сам свободно выбирает то, что он желает познать. Прежняя цель – предложить человеку основной круг необходимых знаний – сменяется более масштабной задачей: через до-

ступные знания содействовать распространению просвещения и реформированию общества в целом. Теперь целевой аудиторией становится все образованное гражданское сословие.

7) Начиная с XVIII века, сформировались в основном три типа энциклопедий, в которых дидактический аспект все более отступает на второй план. Это Общие Энциклопедии (die allgemeinen Enzyklopädien), охватывающие в алфавитном порядке все области знаний и делающие эти разрозненные знания доступными для максимально широкого круга читателей. Это «лексиконы для коммуникации». Знаменитой стала Энциклопедия Британника (Encyclopaedia Britannica), впервые вышедшая в 1768–1771 гг. в трёх томах. «Энциклопедический» означает здесь всеобъемлющий, а качество этих томов заключается в богатстве материала. Поэтому не имеет значения, называются ли эти труды «Энциклопедией» или Универсальным Лексиконом (Universal-Lexikon), как, например, Большой Справочник первой половины XVIII века польского автора Иоганна Генриха Зедлера (J.H. Zedler), состоящий из 68 томов.

Позднее появляются *философские энциклопедии* (philosophische Enzyklopädien) и соответствующая литература об энциклопедии как системе наук. Слово «энциклопедический» используется в значении *упорядоченный, систематический*, поскольку эти произведения предлагают обзор упорядоченной целостной совокупности знания. Основное внимание в этих трудах уделяется классификации наук. Знаменитый пример XIX века – «Энциклопедия философских наук» (Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften) Гегеля (Hegel) или известные рассуждения Огюста Конта (August Comtes) об «энциклопедическом законе» позитивных наук. Третий тип – это *Специальные Энциклопедии* (Spezialenzyklopädien) по отдельным отраслям науки. Первоначально они представляли собой вводные университетские лекции, которые давали обзор определенной области знаний, позднее они превратились в специальные лексические справочники, называемые энциклопедиями.

Во всех трех типах энциклопедий мы все еще находим дидактические аспекты, которые в большинстве случаев отходят на задний план. *Общие Энциклопедии* и лексиконы адресованы широкому кругу читателей. Здесь дидактическая составляющая направлена на то, чтобы по возможности перевести научную терминологию отдельной дисциплины на понятный большинству читателей язык и в краткой форме дать наиболее важную информацию. Однако базового курса знаний, руководства по всестороннему образованию и взаимосвязи дисциплин они не предлагают. *Философские энциклопедии*, упорядочивающие и систематизирующие знания, редко обнаруживают «дидактическое из-

мерение». В понимании Гегеля энциклопедия призвана служить делу образования: человеческий ум не должен теряться в узкой области знания, и само знание не может оставаться внешним и чуждым человеку. Человеческому духу необходимо вновь обрести свое единство именно в многообразии знаний. Целостность систематического знания должна коррелировать с единством человеческого духа. Позитивист Огюст Конт, напротив, своим «энциклопедическим законом» о связи наук преследует иную педагогическую цель, причем очень высокую. Он предлагает человечеству выстроить стратегию движения к достойному обществу, используя так называемые позитивные науки, то есть естественные науки и науки об обществе как целостной системе (социология). Некоторое сходство с этими намерениями обнаруживает в дальнейшем и проект энциклопедии из круга венских неопозитивистов. Все реальные знания необходимо перевести на точный и единый язык описания, что послужит на благо большинству людей.

Однако все это кануло в прошлое. Проблема здесь заключена в том, что философские энциклопедии достигали систематического единства знания лишь путем редукции. Например, Конт исключал из рассмотрения некоторые дисциплины, а именно: все гуманитарные или культурологические науки. Если философские энциклопедии «конструировали» единую систему обозрения всех отраслей знания без учета реального многообразия развивающихся наук, то общие энциклопедии и лексиконы предлагали именно многообразие научных знаний. Лишь в обзорных лекциях и специальных энциклопедиях долгое время присутствовало и то, и другое, поскольку в рамках определенной дисциплины они давали обзорный, практико-ориентированный материал. Здесь идея старых энциклопедий сохранялась, как мне представляется, максимально продолжительное время.

Со временем слово «энциклопедия» исчезает из академических вводных лекций. Само это выражение обещает больше, чем сегодня кто-то может предложить. *Общие энциклопедии* по мере роста объема знаний устаревают всё быстрее, так что, вероятно, они останутся в информационном пространстве в цифровом виде, как, например, *Википедия*, чтобы их тексты можно было постоянно корректировать и уточнять. В Германии *Энциклопедия Мейера* (*Meyers Enzyklopädie*) больше не появится в бумажном варианте, а *Энциклопедия Брокгауза* (*Brockhaus Enzyklopädie*) если и продолжит свое существование, то лишь в цифровом виде. Об *Энциклопедии философских наук* речи не идет с тех пор, как философия утратила системный характер и не может претендовать на то, чтобы быть основоположением всех наук. Философские энциклопедии сегодня – это всего лишь лексиконы, никак не системы (Sandkühker 2010). Отсюда понятен рост

числа литературы об истории термина и о самой «проблеме» энциклопедии.

Таким образом, педагогическая значимость энциклопедии все более утрачивается, размывается ее системный характер, а само понятие «энциклопедия», теряя свою выразительность и четкость, в дальнейшем уйдет из культурного и научного обихода, как и фигура «универсального ученого». Создание энциклопедического труда, учитывающего совокупность всего знания, оказывается сегодня проблематичным: объем информации в мире удваивается каждые пять лет. Горизонт знания становится необозримым, поэтому весьма сомнительно говорить о «всеобщем образовании» как цели энциклопедии. Возможно, что и само это выражение «всеобщее образование» со временем исчезнет из языка.

Георг Зиммель: диагностика современной культуры

Для понимания и оценки данной ситуации, мне кажется, будет полезным обратиться к философии культуры Георга Зиммеля (*Georg Simmel*). В ряде трактатов и лекций, вышедших около 1900 года, Зиммель пытается дать определение понятию «культура» (Simmel 1989a), (Simmel 1989b), (Simmel 1989c), (Simmel 1989d), (Simmel 1989e), (Simmel 1989f). Первое противоречие он фиксирует в традиционном ключе: «культура – природа». Второе противоречие он видит уже в сфере самой культуры, а именно между «объективной культурой» общества и «субъективной культурой», культивированием или образованием индивида. Вторая оппозиция вытекает из различия между коллективно созданными образованиями и системами общества (религия, право, обычай, искусство, наука, техника и т. д.) и субъективной душой с ее установками, устремлениями и интересами. В то время как жизнь индивидуальной души ограничена и непрерывно изменяется в потоке времени, коллективные продукты культуры обнаруживают определенное постоянство и устойчивость. Зиммель акцентирует взаимосвязь этих сфер человеческой жизни: системы культуры сохраняются и развиваются лишь благодаря продуктивной деятельности индивидов, их содержание и богатство восходит к этой активности. С другой стороны, субъективная душа нуждается в системах «объективной культуры», чтобы иметь возможность реализовать свои индивидуальные установки. Обе стороны проявляют себя как язык и как носитель языка, они взаимозависимы. Лишь с помощью объективной культуры индивид может формировать свою «субъективную культуру», культивировать свою личность, образование себя. Культивирование – это путь души человека к самому себе, говорит Зиммель, и этот путь всегда обходной: душа, как еще не развернутое единство, открывается навстречу многообразным формам объективной культуры, перерабатывает и интегрирует их в развернутое, содержательное единство.

Зиммель говорит о «культуре» в полном смысле этого слова тогда, когда культивация индивидов успешна, «культура» для него неотделима от индивидуального образования отдельных людей. Однако это образование всё более затрудняется или вообще уничтожается: согласно тезису Зиммеля, объективная культура по мере своего роста отделяется от индивидуумов, выступая по отношению к ним как нечто всё более чуждое и неуправляемое, так что опосредование не удаётся и индивидуальное образование съёживается. Эволюция культуры в обществе и культивирование отдельного человека идут разными путями. Выражаясь языком Гегеля, индивидуальный дух уже не возвращается к себе из своего отчуждения, то, что он делает и знает, остается внешним для него самого. Таким образом, развитие культуры и рост культурного богатства в обществе связаны с обеднением культивируемой жизни отдельного человека. Этот процесс отчуждения Зиммель в своем наиболее известном трактате называет «трагедией культуры» (Simmel 1911, 1923), (Simmel 1968), отчуждение не может быть снято, поскольку оно заключено в самой сущности культуры.

Первая и важнейшая область, в которой Зиммель ясно выражает свои позиции, – это деньги, в 1900 году он опубликовал объемный труд «Философия денег» (Simmel 1989g). Изобретение денег является одним из самых значительных достижений человеческой культуры, считает Зиммель. Деньги значительным образом облегчают обмен товаров, служат удовлетворению потребностей, препятствуют получению товаров за счёт подарка или кражи, предоставляют индивидуальную свободу. Деньги дают возможность разнообразного выбора решений, обеспечивают доступность товаров, выставленных на продажу. Однако по мере развития социума деньги обретают самостоятельность, собственную динамику и в конечном итоге подчиняют себе человека. Со временем к деньгам начинают стремиться не как к средству обмена, но как к самоцели, изначальные человеческие устремления отодвигаются на задний план, деньги обедняют человека духовно, и даже в социальном плане. На фондовом рынке движение финансов приобретает характер природной закономерности. Деньги теперь могут угрожать свободе и возможностям удовлетворения потребностей. Характерно, что Зиммель написал это, не имея никакого опыта переживания всемирных экономических кризисов.

На примере техники Зиммель разъясняет, каким образом средства становятся целями. Машины все более совершенствуются и становятся в конце концов умнее человека. Но, во-первых, ни один человек уже не знает технический продукт как произведение собственного труда, целое часто остаётся для него непостижимым, потому что он всегда работает только над какой-то частной об-

ластью; а во-вторых, совершенные в техническом отношении устройства не всегда служат человеческим потребностям и уже точно не процессу нашего совершенствования. Отсюда возникает чувство неудовлетворенности и неодобрения, типичное для современного человека. Стоит признать, что в настоящее время компьютерная индустрия ежедневно стремится навязать продукты, которые нам совсем не нужны и которые ни в малой степени не служат нашему счастью.

Корень проблемы Зиммель видит в человеческой жизни, постоянно производящей продукты, которые впоследствии её осложняют и затрудняют. Эта проблема усугубляется специализацией и разделением труда в современном обществе, за счёт которых объективная культура обособливается, возвышаясь над отдельными людьми. Конечно, можно скептически относиться к жизненной философии Зиммеля и его идеалистической ориентации на субъекта, достигающего в процессе образования более высокого, развёрнутого единства. Однако трудно оспорить тезис о том, что в развитии цивилизации осуществляются анонимные процессы, отделившиеся от воли отдельных индивидов, которыми никто не управляет. И хотя эти процессы активно вовлекают силу человека, они часто оставляют его опустошённым душой и телом.

Именно в области знания находит свое подтверждение тезис Зиммеля. Историк Альфред Хойс (*Alfred Heuß*) считал, что интенсивная и точная работа в академической исторической науке и отсутствие исторического сознания у населения – это всего лишь две стороны одного и того же процесса. Историческая наука не в состоянии создавать воспоминания, она скорее делает их проблематичными. Исторические процессы в результате исследований предстают ещё более сложными, поэтому необходимо выстроить определенную дистанцию по отношению к этому обильному исследовательскому материалу (Heuß 1959). Если Зиммель полагал чувство неудовлетворенности типичным для современного человека, то Макс Вебер (*Max Weber*) связывал его с прогрессом эмпирических наук. Прогресс бесконечен, каждый ученый работает лишь для своих последователей, и никому не дано увидеть результаты и последствия всего процесса целиком. Современный культурный человек уже не умирает старым и насытившимся жизнью, подобно Аврааму, смерть осознается им как бессмысленное событие, поскольку слишком многие вопросы остаются открытыми (Weber 1988, p. 594).

Покажем на примере понятия «наука», что имел в виду Зиммель. У Платона и Аристотеля *episteme* (знание) было добродетелью и, как таковое, – *hexis*, позицией человека. Еще в XVIII веке *scientia* (знание/наука) рассматривалась как «навык рассудка» и как *Habitus* конкретного человека. Немецкое слово «наука» (*Wissenschaft*) обозначало тогда нечто, чем

можно обладать подобно добродетели. Так, Йозеф Гайдн (*Joseph Haydn*) мог сказать о Моцарте, что тот обладает «величайшей наукой композиции». Со временем наука стала чем-то таким, чем ни один индивид *обладать* уже не может, она стала анонимным коллективным предприятием, которому индивид теперь лишь *служит*. Произошло разделение науки и знания (Meier-Oeser 2004, p. 909). Схлопывание субъективной культуры проявляется в том числе и в том, что в отличие от традиционной философии сегодня уже никто не знает, что такое «знание» вообще. Если заглянуть в современные справочники по теории науки, то станет очевидным: вопрос о знании обходят стороной, пытаясь дать определение только термину «наука» (Scholtz 1999, p. 260, p. 268).

Наш краткий обзор пути от *egkyklios paideia* к новым типам энциклопедий хорошо вписывается в эти выводы. Ибо изначально это выражение обозначало душевно-нравственное воспитание свободных граждан, а затем квинтэссенцию базовых знаний, необходимых для ратора или юриста. В Новое время из этого возникла энциклопедия как систематический обзор всех областей знания, который должен быть изучен и усвоен учеными, особенно если они стремятся стать универсальными учеными. В конце концов энциклопедии стали содержать самое важное из всего доступного знания и всё более освобождались от дидактических установок, никто уже не мог претендовать на статус универсального ученого. Закономерно возник вопрос, что именно из множества знаний считать важным для индивида, что такое «образование» вообще в свете множественности знания. В настоящее время ни один многотомный труд не стремится представить наиважнейшие знания, а само понятие энциклопедии как справочника грозит уйти из употребления. С приращением наук, объективной культуры, как говорил Зиммель, таким образом проблематизируется субъективная культура, культивирование или образование индивида.

Попытки решения проблемы

Данная ситуация может привести к тому, что человек повернется к объективной культуре спиной, перестанет заботиться о науках, прислушиваясь лишь к собственным чувствам, усвоенным пред-рассудкам или к новым гуру. Поэтому Зиммель рекомендовал усиливать философию и искусство. Это разумно. Ни в акте художественного производства, ни в акте эстетического восприятия эти две сферы культуры не разделяются. Произведение искусства изготавливается не путём разделения труда, но отдельным художником. Оно удерживает реципиента в своём мире и не принуждает его к поиску других произведений. В то время как науки постоянно движутся вперёд, их результаты со временем устаревают, всякое удачное художественное произведение уже достигло цели, оно не может стать более совер-

шенным, чем оно есть, даже древнейшие произведения сохраняют свое очарование.

В философии или, точнее, в живом философствовании культура также не распадается на две составляющие. В самостоятельном мышлении объективная культура как уже обретенное знание всегда присваивается и перерабатывается человеком самостоятельно. Со времен Гераклита философское мышление неизменно выступало не только против невежества и мифов, но и против полиматии или пустого многознания (*Vielwisserei*). Подлинное философское знание опирается не на множество отдельных фактов, но на их причины и закономерности, благодаря которым в многообразии могут быть познаны единство и взаимосвязи. Старейшие энциклопедии следовали этой цели с эпохи Ренессанса и потому смогли разработать наиболее убедительные системы наук. Лишь во взаимосвязи обнаруживает отдельное знание свое значение, лишь взаимосвязь знаний служит пониманию действительности, в то время как безграничное разнообразие изолированных единичных сведений лишь перегружает память человека. Именно по этой причине Фридрих Шлейермахер (*Friedrich Schleiermacher*) и Вильгельм фон Гумбольдт (*Wilhelm von Humboldt*) в 1810 году основали в Берлине университет, где науки должны были практиковаться в философском духе. Задача заключалась в том, чтобы «агрегаты» отдельных знаний перевести в максимально общую «систему».

Эта тенденция ушла на второй план, поскольку прогресс знания достигается только за счёт растущей специализации. Поскольку всякая специализация означает односторонность, погружающую в темноту прочие области действительности, постольку философский импульс к взаимодействию сохранился. Отсюда возникло, с одной стороны, новое ругательство «узкоспециальный идиот» (*Fachidiot*), с другой стороны, высокий идеал «междисциплинарности», на который сегодня ориентируются многие исследовательские проекты. Растущая специализация, таким образом, сопровождается усилиями по её преодолению в исследованиях и преподавании. Растущее число обзорной литературы стремится сделать обозримым полученное в тех или иных областях знание. А в некоторых университетах предлагаются так называемые общеобразовательные курсы (*Studium Generale*). Таковы сегодня остатки тех задач, исполнению которых раньше служили энциклопедии. И если сам жанр «энциклопедии» исчезает из человеческой культуры, то стремление к обозримости и взаимосвязанности не устареет, но, наоборот, остаётся вполне актуальным.

Если вводная и обзорная литература пытается сориентировать человека в определенной области знаний, то для перевода сложных положений дел на более простой язык возникает отдельная про-

фессиональная область – научная журналистика. Специалисты передают результаты узкоспециальных исследований в средства массовой информации на максимально понятном языке, наводя мосты между науками и широкой общественностью. Таким образом научная цивилизация стремится, с одной стороны, к расширению и углублению круга знаний, с другой, к преодолению отчуждения между все более объёмными и сложными науками и отдельным индивидом с его все более ограниченными возможностями понимания. Правда, это удастся лишь частично.

В данной ситуации самым важным, вероятно, является то, что во всех системах образования обучают разумному обращению с капиталом знаний, поощряют критическое мышление и умение осмысленно рассуждать. Сегодня в научной цивилизации существуют такие области знания, которые можно оставить специалистам, другие же области должны быть усвоены каждым человеком. Не все люди обязаны обладать, к примеру, точными знаниями о черных дырах, полученными астрофизикой, но каждый должен знать право и конституцию государства, в котором он живёт, должен знать, что вредит природе и ближнему, а что нет. Сегодня важно таким образом построить всеобщее образование, чтобы оно было соединяющим мостом между специальными науками и жизненным миром индивида.

References

- Engelhardt, Anina, Kajetzke, Laura (Hg.) (2010), *Handbuch Wissensgesellschaft. Theorien, Themen und Probleme*, Bielefeld.
- Neuner, Gerhard (1999), *Allgemeinbildung – unzeitgemäß? Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät*, Bd. 31, Jg. 1999, Heft 4, S. 6.
- Künzel, Klaus (Hg.) (2002), *Allgemeinbildung zwischen Postmoderne und Bürgergesellschaft, Internationales Jahrbuch der Erwachsenenbildung, International Yearbook of Adult Education*, 30, Köln, Weimar, Wien.
- Sparn, Walter (2012), Aufstieg und Fall der Idee „Bildung“, ihr religiöser und kultureller Kontext, ihre aktuelle Herausforderung, *PHILOTHEOS*, 12, Sp. 36–44.
- Fuchs, H. (1962a), *Enkyklios Paideia, Reallexikon für Antike und Christentum*, Bd. 5, Stuttgart, Sp. 365–398.
- Fuchs, H. (1962b), *Enzyklopädie, Reallexikon für Antike und Christentum*, Bd. 5, Stuttgart, Sp. 504–515.
- Dolch, Josef (1982), *Lehrplan des Abendlandes. Zweieinhalb Jahrtausende seiner Geschichte*, Darmstadt.
- Henningsen, Jürgen (1966), „Enzyklopädie“. Zur Sprach- und Bedeutungsgeschichte eines pädagogischen Begriffs, *Archiv für Begriffsgeschichte*, 10, Sp. 271–362.
- Johann, Horst-Theodor (Hg.) (1976), *Erziehung und Bildung in der heidnischen und christlichen Antike*, Darmstadt.
- Dierse, Ulrich (1977), *Enzyklopädie. Zur Geschichte eines philosophischen und wissenschaftstheoretischen Begriffs*, *Archiv für Begriffsgeschichte, Supplementheft 2*, Bonn.
- Tomkowiak, Ingrid (Hg.) (2002), *Populäre Enzyklopädien. Von der Auswahl, Ordnung und Vermittlung des Wissens*, Zürich.
- Sandkühker, Hans-Jörg (Hg.) (2010), *Enzyklopädie Philosophie*, 3 Bde., Hamburg.
- Simmel, Georg (1989a), *Persönliche und sachliche Kultur (1900)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 5, Sp. 560–582.
- Simmel, Georg (1989b), *Vom Wesen der Kultur (1908)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 8, Sp. 363–373.
- Simmel, Georg (1989c), *Der Begriff und die Tragödie der Kultur (1911)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 14, Sp. 385–416.
- Simmel, Georg (1989d), *Die Krisis der Kultur (1916)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 13, Sp. 190–201.
- Simmel, Georg (1989e), *Wandel der Kulturformen (1916)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 13, Sp. 217–223.
- Simmel, Georg (1989f), *Der Konflikt der modernen Kultur (1918)*, Gesamtausgabe, hg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt a.M., Bd. 16, Sp. 181–207.
- Simmel, Georg (1911, 1923), *Der Begriff und die Tragödie der Kultur*, *Philosophische Kultur. Gesammelte Essays*, Leipzig, Potsdam, Sp. 236–267.
- Simmel, Georg (1968), *Der Begriff und die Tragödie der Kultur, Das individuelle Gesetz. Philosophische Exkurse*, hg. von Michael Landmann, Frankfurt a.M., Sp. 116–147.
- Simmel, Georg (1989g), *Die Philosophie des Geldes*, hg. von David P. Frisby, Klaus Christian Köhnke, Gesamtausgabe, Bd. 6, Frankfurt a. M.
- Schlitte, Annika (2012), *Die Macht des Geldes und die Symbolik der Kultur. Georg Simmels Philosophie des Geldes*, München.
- Heuß, Alfred (1959), *Verlust der Geschichte*, Göttingen.
- Weber, Max (1988), *Wissenschaft als Beruf (1919), Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, hg. von Johannes Wickelmann, Tübingen, S. 594.
- Meier-Oeser, S. (2004), *Wissenschaft I, Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Bd. 12, Basel, Sp. 909.
- Scholtz, G. (1999), *Sokrates und die Idee des Wissens, Das Lächeln des Sokrates. Sokrates-Studien IV*, hg. von Herbert Kessler, Kusterdingen, S. 260, 268.

Submitted: 26.04.2021

Revised: 14.06.2021

Accepted: 25.06.2021

УДК 1751

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-38-46

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 19.04.2021
после рецензирования: 14.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

М.С. Андриухин
Европейская гимназия, г. Москва,
Российская Федерация
E-mail: maxandrux@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4756-6194>

Смысловое единство книги Вл. Ходасевича «Тяжелая лира»

Аннотация: статья посвящена внутренним закономерностям книги Вл. Ходасевича «Тяжелая лира». Главный вопрос, на который отвечает данная работа, звучит так: почему стихотворения в книге «Тяжелая лира» расположены так, а не иначе? Автор ставит своей целью сравнить первое и последнее стихотворение книги, обозначить и сопоставить их главные темы и изменение лирического субъекта. Для этого в статье проводится подробный имманентный анализ первого стихотворения «Музыка», доказывающего недостаточность существующих интерпретаций, затем с опорой на другие исследования проводится разбор стихотворения «Баллада» и приводится сравнительная таблица двух текстов. В качестве вывода выделяются четыре главные темы, объединяющие оба текста, и прослеживается динамика их изменений.

Ключевые слова: Ходасевич, «Тяжелая лира», символизм, циклизация, имманентный анализ, Серебряный век.

Цитирование: Андриухин М.С. Смысловое единство книги Вл. Ходасевича «Тяжелая лира» // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 2. С. 38–46. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-38-46>.

Благодарности: автор выражает благодарность Е.С. Абельюк за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Андриухин М.С., 2021 – учитель литературы, Европейская гимназия, 107014, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сокольнический вал, 28.

M.S. Andryukhin
European gymnasium, Moscow,
Russian Federation
E-mail: maxandrux@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4756-6194>

Conceptual unity of Vl. Khodasevich's book «Heavy lyre»

Abstract: the article is devoted to the consistent patterns of the book “Heavy Lyre” by Vl. Khodasevich. The main issue of the article refers to the structural subsequence of the arranged poems in the book “Heavy Lyre” and the factors that may have influenced such structural subsequence. The author aims to compare the first and the last poems of the book so as to identify and compare their main themes and the change of the lyrical subject. In order to archive this goal the author carries out an immanent analysis of the poem “Music”. As a result, there has been proved the insufficiency of existing interpretations. Finally the author analyzes the poem “Ballade” in accordance with the other research studies, and there has been provided a comparative table of the two texts. The author concludes that there exist four main themes that unite both texts, and he provides the development of their change.

Key words: Khodasevich, Heavy lyre, symbolism, cyclization, immanent analysis, Silver Age.

Citation: Andryukhin, M.S. (2021), Conceptual unity of Vl. Khodasevich's book «Heavy lyre», *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 38–46, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-38-46>.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude E.S. Abelyuk for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Andryukhin M.S., 2021 – Teacher of Literature, European gymnasium (grammar school), 28, Sokolnicheskiy Val (St.), Moscow, 107014, Russian Federation.

Введение. Роль книги стихов в творчестве Вл. Ходасевича

Наследие поэта, мемуариста, пушкиниста Владислава Фелициановича Ходасевича долгое время было лишено исследовательского внимания. Его книга «Тяжелая лира» рассматривается в исследованиях либо в качестве этапа всей эволюции поэта (Бочаров 1996, с. 5–56 и сл. Богомолов 1988, с. 23–61), либо как один из трех важных источников для анализа последней его книги стихов 1927 года (Левин 1998, с. 209–268). Работы, посвященные внутренней логике сборника, остались нам неизвестны. Однако в этой области исследования содержится огромный потенциал для понимания поэтики самого Ходасевича и понимания поэзии того времени.

Отдельно стоит выделить монографию П.Ф. Успенского (Успенский 2014), в которой сборники Ходасевича «Молодость» и «Счастливый домик» рассматриваются как особый, самодостаточный акт в житнетворческой стратегии поэта, уходящий своими корнями в символизм. В этой работе исследователь ставит вопрос о цельности сборника, в котором воплощается определенная стратегия существования. Он доказывает, что сборники имеют лирический сюжет, ведущий лирического субъекта книги через события мысли и чувства от точки А к точке Б. Под влиянием этих событий лирический субъект сборника меняется, меняется его отношение к миру и к себе. Последнее стихотворение книги завершает сюжет и своеобразное приключение-превращение.

Особая роль книги стихов для поэтов XX века подтверждается несколькими исследователями. Например, Н.А. Богомолов пишет: «Для Ходасевича вообще издание книги было событием. Литературоведы пишут о том, как много для поэтов XX века значит само это понятие "книга стихов". Она не складывается произвольно, по прихоти самого автора, а является отражением целого большого периода его развития, выливается в повесть о жизни. И Ходасевич был одним из тех поэтов, для которых книга составляла важнейшую ступень творческой биографии. Его путь можно представить как восхождение от одной книги к другой, причем каждая из них является замкнутым и самодостаточным феноменом. Совершая круг внутри сборника, душа поэта замыкает его с тем, чтобы, на миг прервав сквозное развитие, перейти к следующему этапу, к следующей книге» (Богомолов 1988, с. 33). В упомянутой выше монографии П.Ф. Успенский пишет, что уже «дебютная книга отличается композиционной продуманностью и выверенностью основной сюжетной линии (что лишним раз подчеркивает житнетворческий сюжет, лежащий в ее основе)» и далее подробно доказывает твой тезис (Успенский 2014, с. 33).

Для Ходасевича самыми убедительными примерами слияния жизни и творчества были, конечно, Брюсов и Блок. Всем известно определение Блоком трех своих книг как «трилогии вочеловечивания». Для нашего исследования будет достаточно утверждения, что Ходасевич осознанно строил сюжетную композицию своих сборников. Об этом же он пишет в письме Чулкову, комментируя рецензию на свою книгу «Счастливый домик»: «До сих пор я видел о ней (книге “Счастливый домик” – Н. Б.) довольно много заметок – и все хвалебные, кроме написанной Пястом, которая меня огорчила, – не потому, что ему, очевидно, не нравятся мои стихи, а потому, что он ничего во мне не понял. Пусть бы он понял – и бранился бы. А так – он меня обидел своей незоркостью, особенно упреком в презренье к “невинному и простому”. Я всю книгу писал ради второго отдела, в котором решительно принял “простое” и “малое” — и ему поклонился. Это “презрение” осуждено в той же книге, — как можно было этого не понять?» (Богомолов 1991, с. 171). Стихотворение следует рассматривать как этап в развертывании сюжета и его смысл до конца ясен лишь в контексте сборника.

Главный вопрос такого исследования звучит так: «Почему стихотворения в сборнике расставлены так, а не иначе?» В случае с «Тяжелой лирой» мы имеем очень удачный для исследователей факт: после первого издания книги в конце 1922 года Ходасевич практически тут же решает ее переделать, сильно изменив порядок стихотворений, убрав три стихотворения и добавив целых пять. В третье издание, которое вышло в 1927 году, в одной книге с «Путем зерна» и «Европейской ночью», добавилось еще два стихотворения. Сравнение композиций, несомненно, является продуктивным шагом для воссоздания замысла сборника.

Данная работа является первым шагом на пути к изложенной цели. Мы сравним первое и последнее стихотворения, начало и конец пути.

Ход исследования. Сравнение стихотворений «Музыка» и «Баллада»

Мы увидели, что для Ходасевича, как и для символистов, сборник не являлся формальным собранием стихотворений, но имел свою законченную смысловую структуру. Система связей сборника могла формироваться разными способами. Несомненно, что состав сборника, его композиция, название играли важную роль в создании его цельности.

Особенное значение для выявления этой цельности имеют первое и последнее стихотворения, открывающее и закрывающее книгу. Как для понимания сути путешествия важно знать, откуда вышел путник и куда он пришел, так и для понимания поэтического сборника символистского типа первое, на что мы должны обратить внимание, это начало и конец.

Анализ стихотворения «Музыка»

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
 Еще воскресная по телу бродит лень,
 У Благовещенья на Бережках обедня
 Еще не отошла. Я выхожу во двор.
 Как мало все: и домик, и дымок,
 Завившийся над крышей! Сребророзов
 Морозный пар. Столпы его восходят
 Из-за домов под самый купол неба,
 Как будто крылья ангелов гигантских.
 И маленьким таким вдруг оказался
 Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
 Он в полушубке, в валенках. Дрова
 Вокруг него раскиданы по снегу.
 Обеими руками, напрягаясь,
 Тяжелый свой колун над головою
 Заносит он, но – тук! тук! тук! – не громко
 Звучат удары: небо, снег и холод
 Звук поглощают... «С праздником, сосед». –
 «А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
 Свои дрова. Он – тук! Я – тук! Но вскоре
 Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
 И говорю: «Постойте-ка минутку,
 Как будто музыка?» Сергей Иваныч
 Перестает работать, голову слегка
 Приподымает, ничего не слышит,
 Но слушает старательно... «Должно быть,
 Вам показалось», – говорит он. «Что вы,
 Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»
 Он слушает опять: «Ну, может быть –
 Военного хоронят? Только что-то
 Мне не слышать». Но я не унимаюсь:
 «Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
 И музыка идет как будто сверху.
 Виолончель... и арфы, может быть...
 Вот хорошо играют! Не стучите». –
 И бедный мой Сергей Иваныч снова
 Перестает колоть. Он ничего не слышит,
 Но мне мешать не хочет и досады
 Стараются не выказать. Забавно:
 Стоит он посреди двора, боясь нарушить
 Неслышную симфонию. И жалко
 Мне наконец становится его.
 Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
 За топоры беремся. Тук! Тук! Тук!.. А небо
 Такое же высокое, и так же
 В нем ангелы пернатые сияют.

15 июня 1920

Стихотворение, открывающее сборник, является для него исключительным как по форме, так и по содержанию. Уже то, что оно единственное написано белым стихом, резко выделяет его среди остальных. Это связывает его с закрывающим стихотворением сборника, в котором большая часть строф состоит из четырех строк, только две из которых рифмуются. Больше столько бросающихся в глаза формальных особенностей среди

других текстов нет. С одной стороны, мы находим в «Музыке» те темы, которые будут раскрываться в последующих стихотворениях (я и другой, раздвоенность поэта, роль и источник искусства, взаимоотношения земного и небесного, слух и глухота к нездешнему), но решаются, раскрываются они необычным для «ТЛ» образом.

Позволим себе обширную цитату: «Сборник открывается стихотворением "Музыка", а заканчивается первой "Балладой" – стихотворениями о человеке-творце, подчиненном "заботам каждого дня" и все-таки выполняющем свой долг. Первое стихотворение выглядит едва ли не идиллией, с его описанием морозного московского утра, увиденного в рисунках и красках гениального художника", "И в это утро, в удары топоров, в безмятежные разговоры двух соседей по дому врывается музыка, слышная одному и не воспринимаемая другим. То, что для поэта совершенно ясно: "Виолончель... и арфы, может быть...", – то для его соседа закрыто совершенно: "Только что-то Мне не слышать..." Есть своя правда и у обычного человека, которому действительно "не слышать" небесной музыки. Но большая правда – у поэта, преображающего мир в особое царство, живущее своими законами, где "ангелы пернатые" не менее реальны, чем он сам, чем его сосед, чем дрова и топоры. В этом стихотворении поэзия рождается хотя и неожиданно, но все же в обстановке, благоприятствующей ее появлению» (Богомоллов 1988, с. 51). Из этой большой цитаты видно, что исследователь приравнивает способы раскрытия тем в «Музыке» и в «Балладе». Приведем еще одну цитату: «Специфично у Х. преобразование мира творчеством. Сниженный вариант – как произвольная выдумка от скуки (Надоедает мне колоть) и розыгрыш «дородного соседа» – в «Музыке». Но и здесь эта выдуманная «неслышная симфония», возникающая на фоне обыденной картины колки дров во дворе и сниженно объясняемая собеседником (Ну, может быть — Военного хоронят?), мотивирована реальной красотой зимнего утра, возводимой произволом воображения в неземной ранг. Ключевой образ, включающий работу воображения, излюбленные Х. ангелы, вводимые сравнением: Сребророзов Морозный пар. Столпы его восходят ... Как будто крылья ангелов гигантских. И при всей эксплицитной выдуманности «неземного» плана, в конце стихотворения эти ангелы выступают уже самостоятельно, вне сравнения (А небо Такое же высокое, и так же В нем ангелы пернатые сияют), утверждая, что преобразование свершилось». Это цитата из другой, важной для понимания творчества поэта, книги Ю.И. Левина (Левин 1998, с. 250–251). Как видно, оба исследователя согласны в том, что «Музыка» открывает тему преобразования мира творчеством, которая найдет свое последнее воплощение в фи-

нальной «Балладе». Обратимся к самому стихотворению.

Действительно, в «Музыке» присутствует тема преображенного мира. Самым убедительным доказательством тому будет сравнение двух строк: «Как будто крылья ангелов небесных» и «В нем ангелы пернатые сияют». В этом переходе от «как будто» к прямому утверждению видится путь от сомнений к несомненному восприятию. Избавление от сомнений происходит благодаря музыке. В этом и есть смысл главного события в стихотворении, согласно Н.А. Богомолу и Ю.И. Левину. Аргумент действительно сильный, так как поэтика Ходасевича, наследуемая у Пушкина, очень чувствительна к мельчайшим сдвигам смысла. Однако присмотримся к другим преобразованиям в тексте:

- 1) Как мало всё: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей.

Так может сказать только человек, который увидел обыденные вещи по-новому. Далее:

- 2) И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иванович.

То же самое. Лирический субъект увидел знакомого соседа иначе. Всегда он казался ему дородным, а сейчас маленьким. После констатации изменений в привычном поэт как бы вглядывается. Сначала в пейзаж:

- 3) Как мало все: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Сребророзов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
Затем, в соседа:
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он...

«Напрягаясь» должно продолжать линию удивления, подчеркивая, как дородный сосед еле справляется с колуном.

К тому момент, как звучит топор, музыка, начинается разговор, мир уже преображен и увиден заново. Но какое событие его преобразило? Далее в «ТЛ» событийность понимания и преобразования будет ярко выделена и усилена. Событие переоткрытия мира станет центральным для многих стихотворений сборника. Вершины яркости оно достигнет в той же «Балладе», которая, в свою очередь, отличается от большинства стихотворений торжественностью и нескрываемой грандиозно-

стью. В «Музыке» событие не то чтобы не подчеркнуто. Его в принципе нелегко найти.

Строкам о домике и дымке предшествует строка: «... Еще не отошла. Я выхожу во двор».

Становится яснее. Лирический субъект выходит во двор и видит его по-новому. Значит, что-то с ним произошло, и для понимания стихотворения нам важно знать, откуда он вышел. Однако это не сказано напрямую. Так мы подошли к первым четверем строкам:

- 4) Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.

У нас есть два варианта: поэт вышел из дома во двор или поэт пришел во двор из храма. Рассмотрим оба варианта.

1. Поэт вернулся во двор с церковной службы. В таком случае многое встает на места. Сам опыт праздничной службы «перенастроил» поэта, и он увидел привычные вещи по-новому. Слова «мало», «маленький» говорят о том, что он испытал что-то значительное, перед чем уменьшается все остальное. Если это верно, то лирический субъект переносит зрительные и слуховые восприятия из храма во двор и как бы продолжает их видеть и слышать. Небо становится куполом, столпы пара — опорами храма, нарисованные ангелы видятся ему в небе, в ушах продолжает звучать церковная музыка, морозный пар замещает кадильный дым. Любопытно, что белый стих может быть выбран специально как подобие словесной формы церковной службы. Отношение лирического субъекта к ближнему — исключительное для сборника, в котором главенствует презрение, отрицание, и если любовь, то парадоксальная, связанная со смертью и разрушениями. Здесь же мы видим вполне уважительное и внимательное отношение к ближнему. Нет ни осуждения, ни тем более презрения. Есть отношения равных. Оба героя заняты одним делом. Поэт называется соседа «дородный мой сосед», и «бедный мой сосед». В интонации слышится сочувствие, даже нежность. Сосед «ничего не слышит», но «мешать не хочет». Можно сказать, что в контексте сборника первое стихотворение самое христианское, если иметь в виду христианскую мораль, исповедующую терпение и уважение к ближнему.

Поэт поздравляет соседа с праздником, очевидно, церковным. Сосед отвечает без поздравлений обычным приветствием. Это противопоставление должно еще раз подчеркивать разницу в отношении героев к событию.

Церковное христианство не свойственно «ТЛ», но именно в исключительной позиции, в открывающем сборник стихотворении проявление подобного взгляда на мир может иметь свой смысл.

В качестве гипотезы скажем, что основная тема «Музыки» – это преобразование человека во время христианского праздника, но утраченное им в заботах о хлебе насущном (дрова, чтобы согреть дом). Второй персонаж стихотворения предстает неверующим и поэтому изначально не способным услышать «иную» музыку, кроме стука топора. В этой версии наблюдаются несостыковки. Строка

5) У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла.

скорее свидетельствует, что человек не ходил в храм (это указание, что обедня была где-то там, на Бережках, а не здесь). Или он вышел оттуда раньше времени, то есть до окончания обедни? Это может иметь смысл в рамках противопоставления обыденного и сакрального. Герой вышел со службы раньше, потому что ему нужно было заботиться о протопке своего дома. Он идет к своему двору, видит продолжение службы, но уже в пейзаже, но и здесь не отдает себя ей полностью, а жалея соседа, продолжает колоть дрова. Главным, на наш взгляд, является статус музыки — она заемная. Она была дана поэту.

2. Второй вариант: герой вышел во двор из дома.

Тогда мотором преобразования служит успокоившаяся природа: «...мела метель, но утро ясно». Также на роль преобразителя подходит праздник, с которым герой поздравляет соседа. И хотя поэт не ходил в церковь, но в праздничный день служба идет как бы всюду. Продолжение службы во дворе (см. выше) может быть не следствием того, что поэт вышел из храма, но следствием того, что праздничная служба вездесуща. И тогда те аргументы, которые мы приводили в пользу предыдущей версии, здесь тоже имеют свою силу (купол неба — купол храма, столпы, ангелы, музыка, белый стих). Становится ясна главная разница между поэтом и его соседом — для второго этот день не является праздником, соответственно и музыка для него скрыта.

«Еще воскресная по телу бродит лень» есть указание, что герой только-только встал, не был в церкви и первым делом идет колоть дрова, чтобы затопить дом.

«Новый мир» оказывается для героя неожиданностью: «Как мало всё», «И маленьким таким вдруг оказался дородный мой сосед». Состояние нового и удивительного мира подчеркивается, поддерживается сменой состояния природы «Всю ночь мела метель, но утро ясно».

Сравнивая аргументы двух вариантов, мы должны сказать, что в конце концов они не сильно отличаются. То, что двор сближается с храмом, верно в обоих случаях, но в пользу второго варианта говорят «лень» и строка «У Благовещенья на Бережках

обедня», которая указывает на удаленность храма.

Подведем промежуточный итог. Лирический субъект встает в воскресенье утром, выходит во двор. Он видит, что ночная метель улеглась, утро ясно. Неожиданно для него мир является ему новым, а именно меньшим, чем обычно. Он узнает в обычном дворе черты храма. Дородный сосед тоже видится ему меньшим по размеру, чем обычно. Поэт поздравляет его с праздником, в ответ слышит обычное приветствие.

Далее в стихотворении следует место, которое должно было быть важнейшим смысловым ядром стихотворения. Повторим его здесь.

6) Я тоже расставляю
Свои дрова. Он – тук! Я – тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?»

Этот момент открывает сквозную тему ТЛ – узнавание музыки в мире и в себе. Постараемся посмотреть на это место прямо, без заранее заготовленных линз. Мы видим четкую связь «появления музыки» и усталости от работы. Это действие описывается в одном предложении, связывается союзом «и». Выглядит так, будто поэт устал и, чтобы отдохнуть, начинает разговор о музыке. Подчеркнем, что в стихотворении не написано «я услышал музыку и сказал», но есть «я устал и сказал, что услышал музыку». Дальнейшая сцена почти комична. Нам явлены лишь реплики персонажей, один из которых говорит (!), что слышит музыку, а другой прямо отвечает, что ничего не может различить, но дружелюбно ждет. Истинность переживаний скрыта за драматургической формой стихотворения — нам даны реплики, но не переживания.

Сцена заканчивается, когда поэту становится жалко соседа, и он объявляет «кончилось». Снова мы видим крепкую связь:

7) И жалко
Мне наконец становится его.
Я объявляю: «Кончилось».

Нам не сказано, что поэт слышал музыку или перестал ее слышать. Он начал разговор о музыке, потому что ему надоело, и закончил его, когда стало жалко соседа. Его действительный опыт от нас закрыт. В этом состоит еще одно исключительное отличие «Музыки» от всех других стихотворений сборника, в которых внутреннее всегда выражено эксплицитно. В «Музыке» эстетический опыт носит скрытый, почти иллюзорный, обманчивый характер. Следы преобразования просматриваются только в конце стихотворения, в уже приведенных строках:

- 8) Такое же высокое, и также
В нем ангелы пернатые сияют.

Да, ангелы сияют, однако интонация строк ближе к разочарованию: чудо не свершилось. Мы показали, что событие преображения совершается до возникновения музыки, оно происходит помимо воли лирического субъекта. Преображенное пространство предвещало возникновение музыки. Явилась ли она поэту или нет, сказать трудно. Его слова и мотивировки говорят об обратном. Главным остается то, что даже если она явилась, была услышана, то она никак не изменила поэта. Более того, он сам остановил ее и вернулся к насущному. Получается, что название стихотворения можно было бы продолжить так: «Музыка, которая не была услышана» или «Бесполезная музыка».

Посмотрим, какими словами поэт характеризует то, что слышит:

- 9) И музыка идет как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите».

Ясно, что ничего не ясно. Она идет как будто сверху, то ли виолончель, то ли арфа. Это инструменты разного класса. Виолончель – смычковый, а арфа – щипковый. А главное – «Вот хорошо играют». В этом есть удовольствие слушателя, эстетическая радость, но нет и следа трансформирующей силы, которая будет в «Балладе».

Не может быть случайным, что реальность «неслышной симфонии» затемняется драматургической формой повествования. Нам остается не понятным, была ли симфония. Мы полагаем, что это авторский сознательный ход, особенно важный для смыслового единства сборника. Здесь, в первом стихотворении сборника музыка заемная.

Слово «Музыка» употребляется в трех стихотворениях сборника. Помимо первого и последнего стихотворения, она упоминается в стихотворении «День»:

- 10) Здесь хорошо. Грозы раскаты
Над ясной улицей ворчат,
Идут под музыку солдаты
И бесы юркие кишат:

Музыка здесь маршевая. В «открывающем» тексте сосед отвечает:

- 11) «Ну может быть –
военного хоронят? Только что-то
Мне не слышать».

Для него, если и может быть какая-то музыка, то с похорон военного. В обоих случаях музыка

связана с войной. В мире, в котором существует поэт, музыка осталась либо маршевая (солдаты уходят на войну, на смерть), либо похоронная (связанная с наступившей смертью). Внешняя, военная музыка противостоит внутренней, поэтической, преображающей поэта и мир.

Анализ стихотворения «Баллада»

Генезис стихотворения «Баллада» убедительно и достаточно подробно показан в статье П.Ф. Успенского (Успенский 2014, с. 450). Позволим себе выделить в ней то, что важно для нашего исследования:

1. Название «Тяжелая лира» имеет как минимум два смысла.

а) Это образ тяжелого поэтического труда, который среди прочего отсылает нас к словам Державина: "Державин уже собирался в свою Званку и выражал Жихареву намерение заняться на досуге описанием сельской своей жизни, что он потом и исполнил в своем стихотворении, посвященном Евгению. «Лира мне больше не по силам», говорил он: «хочу приняться за цевницу».

б) Это и знак тяжести как весомости, значительности поэтического труда, образ, восходящий к Фету:

Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

2. Стихотворение, а следом за ним и сборник полемичны по отношению к современникам и актуализирует поэтическую связь с литературной традицией XVIII–XIX веков. Книга «Тяжелая лира» выстраивает поэтическую иерархию. Поэт прослеживает свою преемственность к Державину, Пушкину, Баратынскому, Фету, Тютчеву. Лиру, которую кто-то дает ему «сквозь ветер» («И кто-то тяжелую лиру Мне в руки сквозь ветер дает»), П.Ф. Успенский находит у Державина. Передача лиры – акт инициации и закрепления преемства. Эту лиру Державин отдал Жуковскому, затем он посвятил в поэты Пушкина. Жуковский сам передал лиру Пушкину. А теперь эту лиру передают Ходасевичу в момент преображения. Связь с пророком прослеживается исследователем с очевидностью. Ходасевич после смерти Блока воспринимался как первый поэт, продолжатель высокой традиции поэзии-служения.

Добавим, что в последней строфе об Орфее, в которого будто бы превращается герой, говорится в третьем лице. Странность в том, что за три строки до этого тяжелую лиру дают «мне» и тут же единый образ расслаивается на Орфея и того, кто смотрит на него и говорит. Этот ход напоминает место в стихотворении «Из дневника», в котором единый человек раздваивается на того, кто остается лежать, и нечто, летящее в ночь.

Для удобства сравнения приведем таблицу 1.

Сравнительная таблица

Таблица 1

Категория	«Музыка»	«Баллада»	Комментарий
Пространство	Поэт выходит из дома на открытое пространство, которое представляется ему новым, священным. Оно имитирует храм. Пространство само преобразовано и создает условия для преобразования лирического субъекта.	Поэт находится в довольно замкнутом пространстве, которое описывается сниженным, как жалкое подобие большого пространства. В процессе творчества пространство преобразовывается. Мифологическая картина — способ описания этого пространства.	Главным отличием является то, что в одном случае пространство преобразовано, но оно не влияет на поэта. Во втором случае поэт сам выступает как преобразователь пространства, «поднимая» его значение.
Источник музыки	Музыка заемная, исходит из внешнего источника и не проникает вовнутрь.	В рожденные стихи вплетается музыка и остается в них. Источник ее — тоже внешний, но здесь она находит себе форму для сохранения.	Ключевая разница состоит в том, что в «Балладе» герой готов к восприятию музыки. Он не пассивно созерцает, но бесстрашно впускает ее в себя и перерождается. Сравнение с Пушкинским «Пророком» очевидно.
Преобразования	Пространство явлено преобразованным, поэт не участвует в трансформации. Он пассивный созерцатель и слушатель. Преобразования героя нет.	Сначала преобразовывается поэт, начиная с телесных движений, которые «будят» бессвязные стихи. Состояние похоже на бред. Но в этот момент он впускает в себя музыку, которая пронзает его как лезвие. Из человека в комнате поэт превращается в мифологического героя в космическом пейзаже. Он получает новое имя.	На наш взгляд, тема «Музыки» — это несостоявшееся преобразование или обманчивая музыка. Мы так до конца не понимаем, правду говорит поэт или только отвлекает соседа от работы. С другой стороны, в «Балладе» главная тема — превращение человека в поэта. Она описана очень подробно.
Я и Другой	Исключительное для сборника уважение к другому. Нам дано имя и отчество соседа, поэт ни раз называет его «мой», поздравляет с праздником, жалеет его. Мы видим самый продолжительный в ТЛ диалог между человеком и человеком, который, однако, основан на непонимании. В «Музыке» уже заложен будущий путь поэта в ТЛ — замыкание в себе и углубленная саморефлексия, разрыв с внешним миром.	Кроме поэта, нет других людей. Перерождение происходит в одиночестве, однако сквозь ветер «кто-то дает лиру» (кто это может быть, мы писали выше).	Другой невольно, но препятствует поэту слышать музыку. Перерождение происходит в одиночку. Можно было бы подумать, что, будь в круглой комнате Сергей Иванович, Орфей бы не родился. Это наталкивает нас на мысль, что в ТЛ поэт проходит через необходимое презрение к миру, чтобы обрести настоящую любовь и переродиться.

Продолжение таблицы 1

Категория	«Музыка»	«Баллада»	Комментарий
Биографичность	Стихотворение имеет известную биографическую основу. За соседом стоит реальный прототип. По сравнению с первой редакцией, церковь Благовещенья на Бережках, реально существовавшая рядом с домом Ходасевича, заменила храм Троицы, данные о котором найти не удалось.	Стихотворение можно было бы назвать внебиографическим, если бы не описание помещения, в котором происходит событие, и перечисление вещей, его окружающих.	Первое стихотворение подчеркнуто биографично. «Балладу» же мы можем рассматривать как детальное описание преодоления реального пространства и земной жизни (в этом смысле биографической) и выход в пространство мифологическое, вневременное.
Форма	Единственное в ТЛ написано белым стихом. Единственное содержит развернутый диалог. Не делится на строфы. По сравнению с четкими ритмами остальных стихов, ясно слышится прозаичность. Фактически представляет собой небольшой рассказ или акт пьесы.	Второе стихотворение, помимо «Музыки», содержит нерифмованные строки. Рифмовка a-b-c-b сменяется двумя строфами a-b-a-b и снова возвращается. Ритм четкий, но выбор рифмовки предполагает, что в большинстве строф последнее слово вдруг и сильно скрепляет строфу рифмой.	Явственное уподобление стиха прозе в «Музыке» и более классическая поэтическая форма «Баллады». Однако важным является наличие в обоих стихотворениях нерифмованных строк.
Предметы	Предметы не играют значительной роли в стихотворении за исключением «тяжелого колуна», с помощью которого сосед и поэт колют дрова.	Обильное перечисление предметов, которые заменяются обобщенным «несчастные вещи», а затем исчезают. Вместо них поэт получает «тяжелую лиру».	Подчеркнем несомненную параллель между «тяжелым колуном» и «тяжелой лирой».
Название	Другие варианты заглавия: «Воск», «Дрова» (Ходасевич 2009, с. 406).	«Баллада» означает «плясовая песнь», что утверждает связь танца и музыки, которую мы несомненно находим в стихотворении.	Оба названия музыкальны. Но в первом случае — это заемная музыка, она идет сверху. В «Балладе» песня лирического субъекта обогащается музыкой извне. Поэт приобретает силу подчинять ей свои вещи.
Раздвоение	нет	В последней строфе об Орфее говорится от третьего лица.	Раздвоение может означать обретение нового мироощущения.

Полученные результаты и выводы

Подведем итог. Символ пути был не чужд Ходасевичу. П. Успенский убедительно показал, что построение ранних сборников Ходасевича основано на постепенном изменении лирического субъекта и его отношения к миру. В решении этой задачи центральная роль отводится композиции. Порядок стихотворений, как монтажные склейки в кинофильме, строят внутренний сюжет книги. Наша гипотеза состоит в

том, что и в сборнике «ТЛ» Ходасевич продолжает использовать этот прием. Таким образом, путь лирического героя проходит от «Музыки» к «Балладе». Название сборника указывает на цель, то есть то, к чему пришел поэт, а не на «инструмент», благодаря которому стихотворения были написаны.

Сравнение двух стихотворений, первого и последнего, позволяет примерно обозначить пункт А и пункт Б:

- От земной жизни (биографии) к мифологическому образу.
- От сотрудничества с людьми к одинокому духовному подвигу.
- От заботы о «хлебе насущном» к преобразению мира, творчеству.
- От заемной музыки к личной песне, обогащенной музыкой.

Источники фактического материала

Ходасевич В.Ф. Державин. Москва: Книга, 1988. 328 с.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1–2. Москва: Русский путь, 2009–2010.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1–4. Москва: Согласие, 1996.

Библиографический список

Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 23–61.

Богомолов Н.А. «Никто этих стихов не понимает» // НЛО. 2005. № 73. С. 212–215.

Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Пушкинские чтения. Ээсти раамат Таллинн, 1991. С. 167–181.

Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. Москва: Издательство Кулагиной, 2011. 329 с.

Бочаров С.Г. «Памятник Ходасевича» // Ходасевич В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. Москва: Согласие, 1996. С. 5–56.

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Язык русской литературы, 1999. 628 с.

Гинзбург Л.Я. О лирике. Ленинград: Советский писатель, 1974.

Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград, 1981. 408 с.

Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва: Язык русской литературы, 1998. 824 с.

Тюпа В.И. Анализ художественного произведения. Москва: Академия, 2009. 336 с.

Сурат И.З. Вчерашнее солнце. Москва: РГГУ, 2009. 652 с.

Успенский П.Ф. «Лиры лабиринт»: почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // Лотмановский сборник. 4. Москва: 2014. С. 450–467.

Успенский П.Ф. Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту: University of Tarty Press, 2014. 214 с.

Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. Москва: Молодая гвардия, 2012. 523 с.

References

Bogomolov, N.A. (1998), The Life and Poetry of Vladislav Khodasevich, *Russian Studies in Literature*, no. 3, pp. 23–61.

Bogomolov, N.A. (2005), No one understands these verses, *NLO*, no. 73, pp. 212–215.

Bogomolov, N.A. (1991), Reception of the poetry of the Pushkin era in the lyrics of V. F. Khodasevich, *Pushkin reading, Jejesti raamat*, Tallin, pp. 167–181.

Bogomolov, N.A. (2011), «*Soprjazhenie dalekovatyh*». About Vyacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich, Kulagina publishing house, Moscow, Russia.

Bocharov, S.G. (1996), «*Pamjatnik Hodasevicha*», *Khodasevich V. Collected works in four volumes. Vol. 1. Poems. Literary criticism 1906-1922*, Soglasie, Moscow, Russia.

Bocharov, S.G. (1999), *Subjects of Russian literature*, Jazyk russkoj literatury, Moscow, Russia.

Ginzburg, L.Ia. (1974), *About the lyrics*, Sovetskij pisatel', Leningrad, USSR.

Maksimov, D.E. (1981), *Al. Blok's poetry and prose*, Sovetskij pisatel', Leningrad, USSR.

Levin, Yu.I. (1988), *Selected works. Poetics. Semiotics*, Jazyk russkoj literatury, Moscow, Russia.

Tjupa, V.I. (2009), *Analysis of a work of art*, Academia, Moscow, Russia.

Surat, I.Z. (2009), *Yesterday's sun*, RSUH, Moscow, Russia.

Uspensky, P.F. (2014), «Liri labirint»: why did V. F. Khodasevich call the fourth book of poems «Heavy Lyre»? *Lotman's collection*, vol. 4, pp. 450–467.

Uspensky, P.F. (2014), *V.F. Khodasevich's Creative Work and the Russian Literary Tradition (1900-1917)*, University of Tarty Press, Tatu.

Shubinskij, V.I. (2012), *Vladislav Khodasevich: Chajushhij i govorjashhij*, Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Submitted: 19.04.2021

Revised: 14.06.2021

Accepted: 28.06.2021

УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-47-54

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 13.04.2021
после рецензирования: 10.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

Г.В. Заломкина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zalomki@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-289X>

Луна как объект освоения в восприятии русской научной фантастики

Аннотация: задача статьи – проследить, как показательные научно-фантастические тексты на русском языке отражают процесс освоения спутника Земли в научно-техническом и социально-философском аспектах. Константин Циолковский, выдающийся основоположник теоретической космонавтики, в 1887 г. в повести «На Луне» в подробностях предположил впечатления наблюдателя, находящегося на её поверхности. Советский писатель-фантаст Александр Беляев развернул гипотезы Циолковского в повести «Звезда КЭЦ», где Луна становится досягаемой благодаря строительству на орбите Земли космической станции, названной в честь ученого – Звезда К(онстантин) Э(дуардович) Ц(иолковский). В Советском Союзе, активно занимавшемся исследованиями Луны, интерес к ней был настолько велик, что отразился даже в детской литературе. Синхронно с развёртыванием советской лунной программы появился роман-сказка Николая Носова «Незнайка на Луне». Роман отражает атмосферу соперничества СССР и США в освоении Луны и разворачивает гипотезу о геологическом устройстве Луны и основаниях ее обитаемости. Научно-фантастический вектор причудливо разворачивается в жанре пикарески. Самым ироничным художественным текстом, размышляющим о возможностях освоения Луны, стал роман В. Пелевина «Омон Ра». В нем ставится вопрос не только об исследовательских перспективах прилунений, но и о духовной цене научного поиска, подразумевающего активное участие государства: возможен ли свободный интеллектуальный и технический поиск астрофизиков, инженеров, космонавтов под давлением острых политических потребностей.

Ключевые слова: Циолковский, лунный проект, детская литература, пикареска, миф, сатира, Пелевин.

Цитирование: Заломкина Г.В. Луна как объект освоения в восприятии русской научной фантастики // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 2. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-47-54>.

Благодарности: автор выражает благодарность д. т. н. А.М. Уланову за консультации в ходе исследования.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Заломкина Г. В., 2021 – доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

G.V. Zalomkina

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: zalomki@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-289X>

The moon as an object of exploration in the perception of russian science fiction

Abstract: the purpose of the article is to trace how the representative Russian science fiction texts reflect the process of the exploration of the Earth's satellite, both in scientific/technical and socio-philosophical aspects. Konstantin Tsiolkovsky, the outstanding rocket scientist and pioneer of the astronautic theory, in his story "On the Moon" conjectured in detail the impression of an observer on its surface. The Soviet science fiction writer Alexander Belyaev developed Tsiolkovsky's hypotheses in the story "The Star KETs" in which the Moon becomes accessible due to the construction of a space station in the Earth's orbit, named after the scientist: Star K(onstantin) E(duardovich) Ts(iolkovsky). In the Soviet Union, which was actively engaged in the research of

the Moon, the interest in it was so great that it was reflected even in children's literature. Simultaneously with the deployment of the Soviet lunar program, a fairy-tale novel by Nikolai Nosov "Dunno on the Moon" appeared. The novel shows the atmosphere of rivalry between the USSR and the United States in the exploration of the Moon. The science fiction vector is unfolded in the picaresque genre. In Victor Pelevin's novel *Omon Ra* the question is raised not only of the research prospects of lunar landings, but also of the spiritual price of scientific search which implies the active participation of the state: is a free intellectual and technical search possible for astrophysicists, engineers, and cosmonauts under the pressure of acute political necessities?

Key words: Tsiolkovsky, extrapolation of the Moon, children's literature, picaresque, satire, Pelevin.

Citation: Zalomkina, G.V. (2021), The moon as an object of exploration in the perception of russian science fiction, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 47–54, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-47-54>.

Acknowledgments: the author expresses her gratitude to Alexander Ulanov, D. Sc. (Technology), for his advice in the course of the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zalomkina G.V., 2021 – D.Sc. (Philology), Associate Professor at the Chair of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Тема лунных исследований разворачивается в русской фантастике в различных вариантах, часто ироничных. Но в целом русская фантастика стремится придать серьезность и научную достоверность разработанным гипотезам. Это позволяет оценить перспективы исследования этого небесного тела. Именно в научной фантастике прослеживаются направления лунных исследований и отражаются настроения ученых.

Задача данной статьи – проследить, как показательные научно-фантастические тексты на русском языке отражают процесс освоения спутника Земли как в научно-техническом, так и в социально-философском аспектах. Актуальность этой задачи связана со значимостью научно-фантастического дискурса для науки как таковой. Исследователь В.М. Маслов убедительно обосновывает эту значимость: «Научная фантастика и новоевропейская наука появляются в одно и то же время; научная фантастика отражала этапные моменты развития науки <...> Скорее всего, любая действительно значимая, неоднозначная, перспективная проблема научно-технической деятельности, так или иначе, затрагивается в научно-фантастических произведениях <...> Сама суть научной фантастики говорит о том, что в ее рамках все науки... могут получить возможность в рамках "мысленно-художественных", всесторонних экспериментов исследовать самые интересные, сложные, едва намеченные научно-технические реалии» (Маслов 2013, с. 181, 183). Е. Прокопенко отмечает те же свойства у поджанра научной фантастики, имеющего непосредственное отношение к тематике лунных исследований: «Космический роман... осуществляет «доводку» и пускает в самый широкий оборот новые идеи и гипотезы. В нем совершается сложный и плодотворный взаимообмен динамичных научных представлений с инерционными бытовыми; те и другие как бы вза-

имно испытываются на истинность. <...> Современный космический роман может служить примером воздействия не только науки на литературу, но и глубокого проникновения художественного творчества в научнотеоретическое» (Прокопенко 2017, с. 1126).

И в отечественном, и в зарубежном литературоведении обозначенная задача до сих пор не ставилась. Единственный подступ к проблеме, который нам удалось обнаружить, – антология «Лунариум», изданная в СССР в 1975 г. В ее состав вошли русские и зарубежные научно-фантастические тексты, так или иначе затрагивающие тематику освоения небесного спутника. Русская литература представлена в антологии всего четырьмя текстами (из шестнадцати): отрывок из рассказа «Письмо к ученому соседу» А. Чехова; рассказы «Лунная бомба» А. Платонова и «Союз пяти» А. Н. Толстого, повесть «Звезда КЭЦ» А. Беляева. В рамках нашего исследования представляется целесообразным добавить к этому списку следующие показательные тексты: повесть «На Луне» К. Циолковского, роман-сказку «Незнайка на Луне» Н. Носова и роман «Омон Ра» В. Пелевина. Обозначенные произведения относятся к различным периодам существования русской литературы и к разным литературным направлениям, что позволяет составить многогранное представление об исследуемой проблеме.

Методология исследования базируется на оптимальном сочетании элементов следующих методов: сравнительно-исторический, мифопоэтический, социально-исторический, герменевтический, метод структурного анализа.

Ход исследования

Важно, что первый русский научно-фантастический текст, посвященный Луне, – это рассказ основателя теоретической космонавтики Константина Циолковского.

Его основные научные работы относятся к аэронавтике, ракетной динамике и космонавтике. Самая известная его работа – «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903). Эта работа считается первым научным трактатом о ракетостроении, она использовалась в советской космической программе и повлияла на ракетостроение всей Европы.

В данной работе Константин Циолковский пишет: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчёт, и уже, в конце концов, исполнение венчает мысль» (Циолковский 1926, с. 3). Поэтому, размышляя о возможностях изучения Луны, Циолковский использует научно-фантастический жанр. В рассказе «На Луне» (1887) он строит детальные предположения об опыте наблюдателя, который находится на спутнике. Лунный пейзаж описывается тщательно, так же, как и вид неба и звёзд, наблюдаемых с поверхности Луны. Убедительно проанализированы феномены малой силы тяжести, отсутствия атмосферы, скорости вращения вокруг Земли и Солнца, постоянной ориентации относительно Земли. Вот как, например, описывается солнечное затмение, видимое с поверхности Луны: «На Луне оно составляет частое и грандиозное явление... Тень покрывает или всю Луну, или в большинстве случаев значительную часть ее поверхности, так что полная темнота продолжается целые часы <...>. Как будто кто-то с одной стороны светила приплюснул невидимым гигантским пальцем его светящуюся массу. Вот уже видна только половина Солнца. Наконец исчезла последняя его частица, и все погрузилось в мрак. Набежала и прикрыла нас огромная тень. Но слепота быстро исчезает: мы видим месяц и множество звезд. Этот месяц имеет форму темного круга, охваченного великолепным багровым сиянием, особенно ярким, хотя и бледным с той стороны, где пропал остаток Солнца» (Циолковский 1988, с. 191).

В рассказе также говорится о предполагаемом поведении газов, жидкостей, измерительных приборов на нашем спутнике, описываются характеристики физических явлений: нагрев и охлаждение поверхностей, испарение и кипение жидкостей, горение и взрывы. Циолковский описывает ситуации, невозможные в реальности, создает воображаемые ситуации, удобные для наблюдения. Например, протагонисты, оказавшись на Луне, обходятся без воздуха, на них не влияет отсутствие атмосферного давления, они не испытывают особых неудобств, находясь на поверхности Луны. Финал условен, как и сюжет в целом: рассказчик просыпается на Земле и обнаруживает, что он был болен и провалился в глубокий сон, и ему привиделось то, о чем он рассказывает своему другу, физику, удивляя его фантастическими подробностями.

Циолковский настаивает на возможности исследований на Луне и в своих литературных произведениях объединяет научно-фантастическую форму и аналитический подход.

Евгений Цветков в статье под примечательным заголовком «Научная фантастика и научное предвидение» замечает: «Трудно переоценить влияние идей К.Э. Циолковского на процесс “космизации” общественного сознания в XX веке» (Цветков, 2008, с. 52). Процесс «осознания» космических феноменов, прежде всего Луны, мог принимать достаточно уродливые формы в неокрепших умах землян, на что обратил внимание Чехов еще в 1880 г., когда, в духе немецких «Писем темных людей», написал письмо от имени обычного русского помещика его соседу-профессору: «Вы пишете, что на луне т. е. на месяце живут и обитают люди и племена. Этого не может быть никогда, потому что если бы люди жили на луне то заслоняли бы для нас магический и волшебный свет ее своими домами и тучными пастбищами. Без дождика люди не могут жить, а дождь идет вниз на землю, а не вверх на луну. Люди живя на луне падали бы вниз на землю, а этого не бывает. Нечистоты и помои сыпались бы на наш материк с населенной луны. Могут ли люди жить на луне, если она существует только ночью, и днем исчезает?» (Чехов 1983, с. 14).

К. Циолковский внес большой вклад в процесс когнитивного освоения Луны, в том числе и в просвещенческом аспекте, поэтому вполне логично, что его имя было дано большому лунному кратеру длиной 184,39 км, расположенному в юго-западной части обратной стороны Луны: кратер Циолковский служит отличным ориентиром на лунных картах и при полетах космических аппаратов вокруг Луны.

Имя Циолковского упоминается в повести Александра Беляева «Звезде КЭЦ» (1936). Здесь советский писатель-фантаст развивает гипотезы Циолковского: Луна становится достигаемой благодаря строительству космической станции на околоземной орбите. Станция названа в честь ученого: Звезда К(онстантин) Э(дуардович) Ц(иолковский). Это искусственный спутник Земли, на котором люди живут и изучают космос. Спутник, как и ракеты и многое другое, создан по проектам Циолковского и именно по этой причине носит такое название.

Со звезды КЭЦ главный герой Леонид Артемьев и его коллеги отправляются на ракете на Луну, где делают удивительные открытия. На обратной стороне спутника они обнаруживают огромную трещину и заключают, что Луна развалится и погибнет, в результате чего по прошествии нескольких сотен лет около Земли на месте Луны будет кольцо, похожее на кольца Сатурна. На поверхности Луны Артемьев также находит

признаки жизни: это ползучие мхи и существо, похожее на камень, но живое, а также кладбище неких животных.

Путешествие на Луну трех специалистов с КЭЦ – кульминация повести Беляева. Высадка на Луну для них – это разведывательная операция по колонизации. Командир звездолета геолог Соколовский объявляет: «Скоро здесь небесные колонии будем строить» (Беляев 1988, с. 327). Константин Иванов в своей статье «Воображаемые космические путешествия в ранней советской фантастике» отмечает, что состав тройцы, прибывшей сделать первый шаг на пути завоевания Луны, весьма символичен. Он связан с тремя базовыми элементами, как они представлены в архаических мифах. На Луну летят геолог, астроном и биолог, представляющие три важные составляющие мироздания: землю, небо и животный мир. Их возраст соотносится с архаическим восприятием мировой хронологии. Старое, «древнее» небо ассоциируется со стариком-астрономом Тюриным; «зрелая» земля ассоциируется с геологом Соколовским, человеком среднего возраста; с ними рядом находится «новая жизнь», это молодой, живой, наивный, спонтанный биолог Артемьев (Иванов 2018, с. 198).

В научно-фантастический текст об исследовании Луны Беляев добавляет мифологический элемент, который придает героические черты образам космических путешественников, и повествование, таким образом, становится эпосом, рассказывающим о титанических возможностях человека. То, что в повести Беляева обнаруживаются черты мифа, объясняет, почему некоторые его прогнозы не очень убедительны с точки зрения астрофизики. Ученые, которые отправляются на Луну, обнаруживают доказательства жизни на спутнике и признаки его разрушения в ближайшем будущем. Один из персонажей воспринимает эту перспективу странно и неожиданно, но, если мы вспомним о мифологических компонентах повествования, мы сможем понять, почему: он утверждает, что обладает божественной способностью изменять мир, даже космические объекты. Старик-астроном Тюрин, излагая свое предположение, что Луне суждено развалиться на куски, предлагает не ждать этого, а взорвать ее, ускоряя естественный процесс: «Да, жалко нашей старушки Луны, – продолжал он, глядя в мрак трещины. – Гм...гм... А может быть, и не ждать неизбежного конца, а ускорить его? Если в эту трещину заложить тонну нашего потентала, то этого, вероятно, будет достаточно, чтобы разорвать Луну на части. Уж если суждено ей погибнуть, то, по крайней мере, пусть это произойдет по нашей воле и в назначенный час» (Беляев 1988, с. 356).

В рассказе А. Платонова «Лунная бомба» (другой вариант названия: «Лунные изыскания

(Рассказ о “кирпиче”)), 1926 г.) тематика освоения Луны также разворачивается в сочетании подробных и убедительных научно-технических описаний и мифологизма, показывающего столкновение человека с неведомыми, непостижимыми, подавляющими стихиями. Инженер Петер Крейцкопф доводит до победной реализации свой проект болида, который может быть запущен в космос: «Предложение касалось “лунной бомбы” – некоего транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде, в атмосфере и вне атмосферы. Металлический шар, начиненный полезным грузом, укреплялся на диске, стационарно установленном на земле. Шар укреплялся на периферии диска; сам диск имел либо горизонтальное земной поверхности положение, либо наклонное, либо вертикальное, – в зависимости от того, куда посылался снаряд: на земную станцию или на другую планету. Дыску давалось достаточное для достижения снарядом со станции назначения вращение; по достижении диском необходимого числа оборотов, в нужном положении диска, соответствовавшем направлению линии полета, шар автоматом отцеплялся от диска и улетал по касательной к диску. Все совершалось по формуле центробежной силы, включив в нее коэффициент сопротивления среды» (Платонов 1975, с. 138). Однако на пути к этому результату он постоянно ощущает воздействие некой страшной судьбоносной силы невезения в духе злых прихотей древнегреческих богов. Он становится невольным виновником смерти многих людей, испытывает физические и моральные страдания, и в конце концов решает отправиться на своей «бомбе» в смертельно опасное путешествие. Научные гипотезы, касающиеся специфики космического пространства и лунной природы (в широком смысле) стилистически оформлены в сказание о трагическом столкновении человека с иным, непостижимым миром. Крейцкопф в полете передает на землю свои наблюдения: «7. Качка продолжается. Звезды физически гремят, несясь по своим путям. Конечно, их движение вызывает раздражение электромагнитной среды, а мой универсальный радиоприемник превращает волны в песни. Передайте, что я у источников земной поэзии... Еще передайте: здесь симфония, а не какофония. <...> Все ясно: Луна в ста километрах. Влияние ее на мозг ужасающее, – я думаю не сам, а индуктируемый Луной. <...> 17. Луна имеет сотни скважин. Из скважин выходит редкий зеленый или голубой газ... <...> 18. Из некоторых лунных скважин газ выходит вихрем: стихия это или разум живого существа?.. Разум, наверное; Луна – сплошной и чудовищный мозг» (Платонов 1975, с. 146).

Герои Платонова и Беляева вступают в условный диалог, предпоследняя запись Крейцкопфа о путешествии на лунной бомбе звучит как ответ

на глобальные притязания Тюрина по переделке мира: «Скажите же, скажите всем, что люди очень ошибаются. Мир не совпадает с их знанием» (Беляев 1975, с. 147). М. Заваркина видит в этом столкновение утопии и антиутопии, характерное как для фантастических рассказов Платонова, так и для его поэтики в целом, говорит о его скептическом отношении к достижениям цивилизации и научно-техническому прогрессу (Заваркина 2016, с. 204) и приводит высказывание Платонова относительно одной из главных тем «Ювенильного моря», позволяющее понять послы и «Лунной бомбы»: «Незнание и непонимание природы, преувеличенное представление о месте человека в ней и о “покорении” природы ведет не только к практическим ошибкам, но и к философскому пессимизму» (Платонов 2000, с. 852).

В рассказе А. Н. Толстого «Союз пяти» (1924) претензии на власть над природными объектами разрабатываются в близком платоновском ключе, но с большим упором на политическую сатиру и социальную прогностику и меньшим – на философию. Финансовые магнаты с помощью новейших ракетных технологий разрушают Луну для того, чтоб вызвать панику в экономической сфере и овладеть большей частью мировых финансов. При этом они используют для прикрытия своей деятельности теорию о вероятном распаде Луны из-за перепадов температур, о чем свидетельствуют многочисленные глубокие трещины, которые «раздирают ее до самого центра» (Толстой 1975, с. 157). А. Беляев, вероятно, использовал эту гипотезу в своей повести: бомбардировка Луны ракетами, приведшая к рукотворной катастрофе, трансформировалась в вышеупомянутые планы Тюрина взорвать небесное тело.

Смелые, а иногда даже гротескные гипотезы отражают не только художественные устремления авторов с бурной фантазией, но и пылкий взгляд землян на ближайшую планету: именно в первой половине XX века (когда Толстой, Платонов и Беляев и писали свои рассказы) были сделаны первые научные шаги, которые привели к осуществлению лунного проекта в шестидесятые–семидесятые годы.

В повести «Звезда КЭЦ» есть и вполне правдоподобные предсказания. Беляев изучил научные тенденции и оценил перспективы космической техники. Например, идеи запуска ракет на Луну не непосредственно с Земли, а с орбитальной станции; или внимание к проблеме автономного снабжения кислородом для исследователей Луны; технологические детали полета на Луну; селенологические теории; описания поверхности и астрономические явления, наблюдаемые в лунном небе.

В Советском Союзе, активно занимавшемся исследованиями Луны, интерес к ней был настолько

велик, что это нашло отражение даже в детской литературе. В 1965 году, синхронно с развертыванием советской лунной программы, был опубликован роман-сказка Николая Носова «Незнайка на Луне». Незадачливый коротышка оказывается на спутнике и там обнаруживает цивилизацию, политико-экономический уклад которой сатирически имитирует капиталистический, характерный для США. В этом отношении сказка Носова перекликается с послы А. Толстого, который в «Союзе пяти» гротескно-аллегорически поднимает вопрос об опасности хищнического капиталистического освоения спутника Земли.

У Носова научно-фантастический вектор причудливо разворачивается в жанре пикарески, что придает размышлениям о вероятности успешного исследования Луны иронический характер в духе Дж. Свифта. Илья Кукулин отмечает, что «первые главы тщательно воспроизводят сюжетные клише классических фантастических романов XIX века» (Кукулин 2005, с. 232). Эти аллюзии, естественно, пародийны и заслуживают отдельного исследования.

В. Мазин и А. Погребняк в работе, которая убедительно показывает многогранность цикла Носова о коротышках, дают широкий диапазон возможных восприятий романа-сказки: «“Незнайка на Луне” – памятник Советскому Союзу как Стране Университета. “Незнайка на Луне” – памятник холодной войне. “Незнайка на Луне” – памятник советским покорителям космоса» (Мазин, Погребняк 2016, с. 80). Книга Носова одновременно отражает атмосферу соперничества СССР и США в исследовании Луны и пристально рассматривает научные аспекты лунной тематики. Детская книга, таким образом, доступно объясняет основные астрофизические явления, технологические и научные подробности, перспективы настоящего лунного проекта. В романе так или иначе рассматриваются теории происхождения Луны и средств преодоления земного притяжения, предпринята попытка логически обосновать обитаемость Луны. И. Кукулин отмечает, что язык романа «в большой степени основан на стилизации научно-популярной и научно-фантастической литературы» (Кукулин 2005, с. 231). В первой главе романа представлен спор научных партий, отстаивающих теории метеорного и вулканического происхождения лунных кратеров, и показано строительство ракеты, которая могла бы достичь Луны. Готовая ракета демонстрирует маленьким читателям новые – для 1965 года – технологические возможности: «Как только ракета поднялась на достаточную высоту, электронная управляющая машина включила механизм поворота, <...> ракета приобрела такой угол наклона, что в поле зрения оптического прибора, оборудованного фотоэлементом, попала Луна. Свет от Луны был преобразован фотоэ-

лементом в электрический сигнал. Получив этот сигнал, электронная управляющая машина ввела в действие самонаводящееся устройство, в результате чего ракета, совершив несколько затухающих колебательных движений, стабилизировалась и полетела прямо к Луне» (Носов 1965, с. 86).

Самым ироничным художественным текстом, размышляющим о возможностях освоения Луны, стал роман В. Пелевина «Омон Ра». Эта книга пародирует теорию «лунного заговора», согласно которой высадка на Луну американцев была сфальсифицирована. Имитацией полета к Луне у Пелевина занимается Советский Союз. Научные цели вытесняются идеологическими и пропагандистскими.

Главного героя Омона Кривомазова отбирают для участия в советской космической программе, для полета на Луну. Начальник полета говорит ему: «Главная цель космического эксперимента, к которому тебя начинают готовить, Омон, — это показать, что технически мы не уступаем странам Запада и тоже в состоянии отправлять на Луну экспедиции. Послать туда возвращаемый пилотируемый корабль нам сейчас не по силам. Но есть другая возможность — послать туда автоматический экипаж, который не потребует возвращать назад» (Пелевин 1996, с. 32).

Полет оказывается обманом, причем двухуровневым. Сначала выясняется, что вместо возвращаемых автоматических лунных зондов посылаются пилотируемые корабли, так как осуществить полную автоматизацию невозможно из-за технологической отсталости. Космонавты, управляющие ракетой, обречены на смерть, к ним относятся как к деталям механизма. Наконец выясняется, что полет и посадка зонда были полностью симитированы в подземельях Москвы.

Несомненно, роман Пелевина — это, прежде всего, сатира на советскую реальность, где благополучие и даже жизнь человека могли быть принесены в жертву технологическому прогрессу, доказывающему превосходство социалистического строя. Иногда невозможность достичь подлинного технологического превосходства приводила к вынужденной имитации его. В романе «Омон Ра» технологическая слабость доведена до гротеска: в луноходе используется велосипедная тяга. Находясь в «ракете», герой питается тушенкой «Великая стена». Примечательно, что эта — одна из многочисленных — насмешливая подробность, очевидно работающая на снижение, на разрушение традиционного космопроходческого пафоса, вызывает в памяти равноценно бытовую подробность из рассказа А. Платонова «Лунная бомба». Инженер Крейцкопф — первый отправленный на Луну землянин — также питается консервами на борту запущенного к Луне болида. «И мне постоянно хочется пить и экономить свои консервы. Я

ем по рыбе, а съесть хочу акулу» (Платонов 1975, с. 147). Однако у Платонова бытовизм нужен для того, чтобы подчеркнуть малость человека перед лицом космической стихии. Непосредственно перед упоминанием консервов Крейцкопф записывает:

«Среда электромагнитных волн, где я нахожусь, имеет свойство возбуждать во мне мощные, неудержимые бесконтрольные мысли <...> Но не могу думать, что хочу и о чем хочу, — я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, разрывы туч, лопающиеся солнца, — все я вспоминаю, как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной» (Платонов 1975, с. 146). У Пелевина деталь с тушенкой доводит насмешку над лунной программой до гомерических степеней.

От сатирического осмысления лунной темы Пелевин переходит на более глубокий уровень. Во-первых, ставится вопрос не только о возможности прилунения, но и о моральной цене научного исследования, которое невозможно без активного участия государства. Возможно ли в России, как и в других странах, свободное интеллектуальное и технологическое исследование астрофизиков, инженеров, космонавтов под давлением политических потребностей?

Во-вторых, в своей аллегорической фантазмагории Пелевин поднимает вопрос фундаментального понимания мира, а также анализирует проблему технологических возможностей его понимания. Советская действительность становится аллегорией тотальной фальсификации действительности как таковой. Ю. Айданова отмечает, что «с языковыми рефлексамии языка советской эпохи писатель работает как с набором симулякров — означающих, замкнутых в своем круге и не отсылающих к реальности» (Айданова 2011, с. 11). Этот базовый механизм выстраивания «советскости» художественного мира разрастается до подозрения в поддельности мира в целом. Очевидны аналогии с теорией лунного заговора, основанной на концепции невозможности полета на Луну. Из этой теории вытекает общий вопрос: возможны ли лунные исследования? Неопределенность подрывает привычную картину мира, которая в романе Пелевина оказывается иллюзорной.

Полученные результаты и выводы

Итак, мы проследили, как показательные научно-фантастические тексты на русском языке отражают процесс освоения Луны. Пророческие и вдохновляющие картины К. Циолковского подтолкнули А. Беляева к детальному рассмотрению и прогнозированию направления лунных исследований. В научно-фантастический текст Беляев добавляет мифологический элемент, сочетание детальных научно-технических описаний и мифологизма характерно и для подхода А. Платоно-

ва к лунной тематике. В близком платоновскому ключе разрабатываются претензии на власть над природными объектами у А. Н. Толстого, но с большим упором на политическую сатиру и социальную прогностику. Н. Носов адаптировал накопленный опыт художественного осмысления темы освоения Луны к восприятию детей, тем самым обеспечив будущее лунного проекта, так как вызвал к нему интерес будущих инженеров и космонавтов. Сказка Носова также перекликается с предшествующими гротескно-аллегорическими посылками об опасности хищнического отношения к спутнику Земли. Пелевин, полностью в духе постмодернистской мысли конца XX века, вспомнил об относительности любого технологического успеха и необходимости сомнения – непременно условия, лежащего в основе любого научного исследования.

Библиографический список

- Айданова Ю.Ф. Функционирование знаков идеологического языка советской эпохи в прозе В. Пелевина и стратегии их перевода (на материале повести «Омон Ра» и перевода «Omon Ra» (переводчик Andrew Bromfield)) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 8–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-znakov-ideologicheskogo-yazyka-sovetskoj-epohi-v-proze-v-pelevina-i-strategii-ih-perevoda-na-materiale-povesti-omon-ra-i> (дата обращения: 28.05.2021).
- Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 848–884.
- Беляев А. Звезда КЭЦ // «У светлого яра Вселенной». Фантастические произведения русских и советских писателей. Москва: Правда, 1988. С. 313–410.
- Заваркина М В. Фантастический мир Андрея Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2016. №4. С. 198–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantasticheskiy-mir-andreya-platonova> (дата обращения: 28.05.2021).
- Иванов К. Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. №2 (123). С.159–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voobrazhaemye-kosmicheskie-puteshestviya-v-ranney-sovetskoj-nauchnoy-fantastike> (дата обращения: 28.05.2021).
- Кукулин И. Игра в сатиру, или Невероятные приключения безработных мексиканцев на Луне // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 224–240.
- Мазин В., Погребняк А. Незнайка и космос капитализма. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016. 320 с.
- Маслов В.М. Научная фантастика в системе современного научного знания // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. №3. С. 180–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-fantastika-v-sisteme-sovremennogo-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 30.05.2021).
- Носов Н. Незнайка на Луне. Москва: Детская литература, 1965. 528 с.
- Пелевин В. Омон Ра // Пелевин В. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Омон Ра: Роман; Бубен Нижнего Мира: Рассказы. Москва: ТЕРА, 1996. С. 5–110.
- Платонов А. Лунная бомба // Лунариум. Сборник. Сост. Е. Парнов, Л. Самсоненко. Москва: Молодая гвардия, 1975. С. 137–147.
- Прокопенко Е. Актуальные проблемы освоения космоса в научной фантастике // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. №13. С. 1124–1126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osvoeniya-kosmosa-v-nauchnoy-fantastike> (дата обращения: 28.05.2021).
- Толстой А. Союз пяти // Лунариум. Сборник. Составители Е. Парнов, Л. Самсоненко. Москва: Молодая гвардия, 1975. С. 151–172.
- Цветков Е.В. Научная фантастика и научное предвидение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. №1. С. 49–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-fantastika-i-nauchnoe-predvidenie> (дата обращения: 28.05.2021).
- Циолковский К. Исследование мировых пространств реактивными приборами. Калуга: 1-я Гостипография ГСНХ, 1926. 128 с.
- Циолковский К. На Луне // «У светлого яра Вселенной». Фантастические произведения русских и советских писателей / Сост., послесл. и комм. Д. Зиберова. Москва: Правда, 1988. С. 175–208.
- Чехов А. Письмо к ученому соседу // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Том 1. Москва: Наука, 1983. С. 11–20.

References

- Aidanova, Yu. F. (2011), The functioning of the signs of the Soviet ideological language in V. Pelevin's prose and strategies of their translation (based on the story "Omon Ra" and the translation "Omon Ra" (translator Andrew Bromfield)), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol 28, pp. 8–12, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-znakov-ideologicheskogo-yazyka-sovetskoj-epohi-v-proze-v-pelevina-i-strategii-ih-perevoda-na-materiale-povesti-omon-ra-i> (accessed 28 May 2021).
- Andrey Platonov in the documents of ОГПУ – НКВД – НКГБ (2000), «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova*, Issue 4, IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 848–884.

Belyaev, A. (1988), Star KETs, «*U svetlogo yara Vselennoi*», *Fantasticheskie proizvedeniya russkikh i sovetskikh pisatelei*, Pravda, Moscow, USSR, pp. 313–410.

Zavarkina, M.V. (2016), The fantastic world of Andrei Platonov, *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 4, pp. 198–210, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantasticheskiy-mir-andreya-platono-va> (accessed 27 May 2021).

Ivanov, K. (2018), Dreams about journeys through space and the underworld in early Soviet science-fiction, *Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos»*, vol. 2 (123), pp. 159–224, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voobrazhaemye-kosmicheskie-puteshestviya-v-ranney-sovetskoy-nauchnoy-fantastike> (accessed 30 May 2021).

Kukulin, I. (2005), Playing at satire, or the incredible adventures of unemployed Mexicans on the Moon, *New Literary Observer*, vol. 76, pp. 224–240.

Mazin, V., Pogrebnyak, A. (2016), *Dunno and space of capitalism*, The Gaydar Institute, Moscow, Russia.

Maslov, V.M. (2013), Science fiction in the system of modern scientific knowledge, *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty*, vol. 3, pp. 180–185, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-fantastika-v-sisteme-sovremennogo-nauchnogo-znaniya> (accessed 30 May 2021).

Nosov, N. (1965), *Dunno on the Moon*, Detskaya literatura, Moscow, USSR.

Pelevin, V. (1996), Omon Ra, *Pelevin V. Sochinenia: in 2 vol.*, vol. 1: Omon Ra: Novel; The Tambourine of the Lower World: Stories, Terra, Moscow, Russia, pp. 5–110.

Platonov, A. (1975), Moon Bomb, *Lunarium. Collection*, E. Parnov, L. Samsonenko (ed.), Molodaya Gvardiya, Moscow, USSR, pp. 137–147.

Prokopenko, E. (2017), Actual problems of space exploration in science fiction, *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*, vol. 13, pp. 1124–1126, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osvoeniya-kosmosa-v-nauchnoy-fantastike> (accessed 31 May 2021).

Tolstoy, A. (1975), The union of five, *Lunarium. Collection*, E. Parnov, L. Samsonenko (ed.), Molodaya Gvardiya, Moscow, USSR, pp. 151–172.

Tsvetkov, E.V. (2008), Science fiction and scientific prediction, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, vol. 1, pp. 49–54, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-fantastika-i-nauchnoe-predvidenie> (accessed 31 May 2021).

Tsiolkovsky, K. (1926), *The Exploration of Cosmic Space by Means of Reaction Devices*, 1-ya Gjstipografiya GSNKh, Kaluga, USSR.

Tsiolkovsky, K. (1988), On the Moon, «*U svetlogo yara Vselennoi*», *Fantasticheskie proizvedeniya russkikh i sovetskikh pisatelei*, Pravda, Moscow, USSR, pp.175–208.

Chekhov, A. (1983), Letter to a learned neighbor, *Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30-ti tomakh*, vol. 1, Nauka, Moscow, USSR, p. 11–20.

Submitted: 13.04.2021

Revised: 10.06.2021

Accepted: 28.06.2021

УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-55-64

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 21.04.2021
после рецензирования: 22.06.2021
принятия статьи: 29.06.2021

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

«Песня о Волге» В. Высоцкого: текст и контекст

Аннотация: в данной статье идёт речь о «Песне о Волге» В. Высоцкого и её месте в разработке волжского сюжета в русской культуре и литературе. С целью обозначения контекста исследуются «волжские сочинения» И. Кондратьева и А. Навроцкого, выявляются основные смыслы, закреплённые в культуре за Волгой в конце XIX и начале XX веков. Далее исследуется трансформация этих смыслов в литературе первых десятилетий XX столетия (А. Ширяевец, Артём Весёлый) и в кино (художественный фильм Г. Александрова «Волга-Волга»). Отдельное место уделяется изучению повести А.Н. Толстого «Необычайные приключения на волжском пароходе», в которой на руинах прежнего разбойничье-бурлацкого волжского мифа возникает и оформляется новый вариант волжского сюжета, подхваченный и развитый другими авторами. Завершает исторический обзор волжских текстов рассмотрение ревизии образа Волги и связанных с ним сюжетов в культуре 1960–70-х годов. Прделанное историко-литературное исследование становится основой для анализа художественной структуры принадлежащей перу В. Высоцкого «Песни о Волге». Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что, восстанавливая некоторые утраченные образом Волги и волжским сюжетом коннотации, В. Высоцкий в то же время стремился к созданию такого текста, который был бы максимально защищён от идеологических и прочих ограничений, оставаясь живым в любое время и при любой идеологии.

Ключевые слова: Волга, «волжский миф», волжский сюжет, Кондратьев, Навроцкий, Ширяевец, Артём Весёлый, «Волга-Волга», А. Толстой, Высоцкий, «Песня о Волге», структура текста.

Цитирование: Перепелкин М.А. «Песня о Волге» В. Высоцкого: текст и контекст // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-55-64>.

Благодарности: благодарим организаторов научной конференции «Классика жанра. Окуджава, Высоцкий, Галич» (Калининград, 2018) – БФУ им. И. Канта, Калининградский Пен-центр и фонд «Русский мир» и лично С.В. Свиридова за возможность поучаствовать в интересном разговоре, а также А.В. Скобелева и Г.А. Шпилевую – за их всегдашнюю дружескую поддержку и дельные советы.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2021 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

«Song about Volga» by V. Vysotsky: text and context

Abstract: this article is devoted to the “Song about Volga” by V. Vysotsky and its place in the development of the Volga plot in Russian culture and literature. In order to indicate the context, the “Volga works” of I. Kondratiev and A. Navrotsky are studied; the main meanings fixed in the culture relating to the Volga in the late XIX and early XX centuries are revealed. Furthermore, we study the transformation of these meanings in the literature of the first decades of the twentieth century (A. Shiryayevets, Artem Vesely) and in the cinema (G. Alexandrov’s feature film “Volga-Volga”). A special place is given to the studying of the story of A.N. Tolstoy “Extraordinary Adventures on the Volga Steamer”, in which a new version of the Volga plot, picked up and

developed by other authors, appears and forms on the ruins of the former robber-Barge Haulers' Volga myth. The historical review of the Volga texts concludes with a review of the revision of the image of the Volga and related subjects in the culture of the 1960s and 70s. The carried out historical and literary research becomes the basis for the analysis of the artistic structure of V. Vysotsky's "Songs about the Volga". This analysis allows us to conclude that, while restoring some of the connotations lost by the image of the Volga and the Volga plot, V. Vysotsky at the same time tried to create a text that would be as protected as possible from ideological and other restrictions, remaining alive any time and on condition of any ideology.

Key words: Volga, «Volga myth», Volga plot, Kondratyev, Navrotsky, Shiryayevets, Artem Vesely, «Volga-Volga», A. Tolstoy, Vysotsky, «Song of the Volga», text structure.

Citation: Perepelkin, M.A. (2021), «Song about Volga» by V. Vysotsky: text and context, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 55–64, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-55-64>.

Acknowledgements: We thank the organizers of the scientific conference "Classics of the genre. Okudzhava, Vysotsky, Galich" (Kaliningrad, 2018) – the I. Kant BFU, Kaliningrad Pen Center and the Russian World Foundation, and personally S.V. Sviridov for the opportunity to participate in an interesting conversation, as well as A.V. Skobelev and G. A. Shpileva – for their always friendly support and business advice.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Perepelkin M.A., 2021** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Начнём с контекста

«Песня о Волге» В. Высоцкого занимает своё, отведённое ей историей и обусловленное характером мировосприятия автора, место в большом и отличающемся чрезвычайной сложностью и вариативностью «волжском комплексе» русской литературы, песенной поэзии и – шире – всей русской культуры. Уходящий корнями в прошлые столетия, этот сюжет прошёл несколько стадий своего формирования, так или иначе сложившись к концу XIX – началу XX вв. в более или менее завершённую целостность, позволяющую говорить о некоем инварианте, с которым будет работать последующая культурная традиция.

Говоря о «волжском комплексе», мы имеем в виду минимум три взаимосвязанных друг с другом понятия – «волжский миф», «образ Волги» и «волжский сюжет», где первое означает весь комплекс представлений, так или иначе связанных с Волгой, второе – художественную репрезентацию этих представлений, и третье – сюжетную схему, отвечающую за художественное развёртывание данных представлений внутри произведения «волжской тематики». В некоторых случаях данные понятия употребляются почти как синонимичные, но в других – имеют более узкое значение, теснее соотносимое с понятиями «мифа», «образа» и «сюжета».

По всей видимости, именно этот «волжский комплекс» имел в виду и В.П. Скобелев, когда говорил о «культе» великой реки, «складывавшемся под влиянием прежде всего фольклора»: «В народном сознании Волга оказывалась символом русской жизни в целом <...> Пересекая огромную территорию, минуя леса, горы и плоские, как доска, степи, Волга оказывалась общим знаменателем и для экономики, и для государственности, и для на-

родного сознания. Идеал житейской устойчивости и рядом – идеал вольной волюшки, бегство от жизни скудной и убогой, исполненной беспросветного послушания, – таковы были две силы, полярные и вместе с тем тянущиеся друг к другу, составляющие внутреннее единство в пределах фольклорного образа Волги» (Скобелев 1974, с. 130).

Ход исследования

Далее остановимся на нескольких текстах, в большей или меньшей степени репрезентирующих данный комплекс.

1. В 1897 году в Москве, в типографии Г. Лиснера и А. Гешаля, увидела свет книга поэта-самоучки, историка и московеда И. К. Кондратьева «Под шум дубрав» (Кондратьев 1897), содержащая песни, думы, былины, народные сказания и пр. Наряду с другими текстами, в книгу вошли и три текста, имеющих прямое отношение к «волжскому комплексу».

Первый из этих текстов называется «Волга-реченька» (Кондратьев 1897, с. 23) и представляет собой историю, рассказанную от лица героини, которая ранней весной «отпустила друга милого вниз по Волге, по реке» на заработки; причём отпустила она его «не здорового, а хилого, в зипунишке, налегке». Прощаясь, «друг милый» проявил решимость «Волгой лямку потянуть» для того, чтобы его возлюбленная не горевала с ним «горе-горькое». Между тем пришла осень, а за ней – зима, а ушедший на заработки «друг милый» всё не возвращался; наконец, героиня узнала «весть грозную» («парень с Волги рассказал») о том, что её милый «в ночь морозную где-то без вести пропал».

Текст состоит из четырёх строф по двенадцать стихов каждая; две заключительные строки

в каждой строфе – следующий рефрен: «Волга, реченька глубокая, / Прихожу к тебе с тоской!». Таким образом, текст представляет собой, с одной стороны, развёрнутую историю о расставании, ожидании и горьком разочаровании героини, которая вместо того, чтобы стать «важеватою такой», вынуждена теперь «с той поры... одиноко... блуждать над рекой», а с другой – непрекращающийся разговор-мольбу-жалобу-плач этой героини, собеседником в котором выступает «Волга, реченька глубокая».

Образ Волги в этом стихотворении И.К. Кондратьева также двоичен: Волга-кормилица, обеспечивающая тяжкой, но хорошо оплачиваемой работой, и она же – собеседница, а точнее сказать – соучастница интимных переживаний героини, «жилетка», в которую та плачется.

Следующий текст – «На Волге-матушке» (Кондратьев 1897, с. 336) – имеет подзаголовок «Былые картины» и представляет собой развёрнутое поэтическое полотно из пяти таких «картин». Действие первые четырёх – это одни сутки: раннее утро, полдень, вечер и ночь; последняя, пятая, картина – другое время года (зима, тогда как первые четыре картины – лето). Соответственно, построены «картины» тоже по-разному: первые четыре делятся на две неравные части по двенадцать и шестнадцать стихов каждая (первая часть – «эпическая», представляет собой описание времени суток, реки, берегов, бурлацкого труда и т.д., вторая – «лирическая», пение бурлаков), последняя – двадцать четыре стиха, в которых описывается «пора зимы», когда на волжских берегах пустынно и песни бурлаков здесь тоже нет.

Образ Волги в этом стихотворении также двоичен. С одной стороны, Волга выступает как элемент космогонического целого, индифферентного в отношении человека, живущего в своём собственном ритме и в согласии с другими компонентами природного мира («Проснулась птиц прибрежных стая, / Будя тревожно сон реки», «И блещет вся гигантской сталью, / Чуть движась, сонная река», «Горит и блещет масса вод, / Змеятся тени в быстром токе», «Как будто дивы-великаны, / Глядят прибрежные курганы / И тень кидают на реке», «Пришла пора зимы – / И Волга, уснув, покрылась сном надолго» и др.). Но с другой стороны, Волга – участница бурлацкого труда, «Волга-матка», помощница, адресат апелляции к ней тех, кто зависит в том числе и от её к себе расположения («Вишь, как Волга широка, / Широка-то и гладка!», «Волга-матка, помоги! / Спозаранку завтра встанем, / Ту ль дубинушку затянем!»). Синтез этих двух обликов Волги происходит как раз в пятой «картине», которая завершается следующим образом: «Но вот – придёт издалека / Весна, дохнув теплом зелёным, – / И снова огласится стоном / Бурлацким матушка-река. / Опять, качая головою, / Пой-

дут они все бечевою / Среди песков и серых гор. / Опять река их песни-горе / Помчит привольно в сине-море / На вечно-плещущий простор». Таким образом, в заключительной, пятой, «картине» отвечающее за одушевлённость и очеловеченность Волги лирическое начало, представленное в предыдущих «картинах» пением бурлаков, растворяется в заключительной части в «эпической» космогонии, которая, в свою очередь, становится уже не индифферентно-замкнутой на себе, а проникается человеческими чувствами.

Наконец, третий текст из книги И.К. Кондратьева, также связанный с «волжским комплексом», – «драматическая быль в двух картинах, в стихах», которая называется «Пир Стеньки Разина» (Кондратьев 1897, с. 391).

В основе «драматической были», действие которой происходит в Астрахани в 1670 году, лежит известный эпизод с персидской княжной, утопленной Разиным в волжских водах. Фабула этой «были», в целом, мало чем отличается от других вариантов её воспроизведения, поэтому на ней мы останавливаться не будем, а остановимся как раз на том, как разрабатывается автором «были» образ Волги.

Впервые Волга вводится песней гуляющих на одном из стругов казаков: «Что лебёдок стаи белые / Вьются в небе паруса. / Загремели звонко смелые / По-над Волгой голоса» и т.д. Волга для поющих – «Волга-мать», «родная», позволяющая забыть «про царёв... запрет», но, в свою очередь, связывающая волю тех, кто «Волгой ходит много лет».

К Волге апеллируют в своих диалогах Разин и его «первые эсаул» Чернойрец. При этом один из них, Разин, видит в Волге не только гарантию свободы, но и источник экономической стабильности («...Волгой загремим, / Сведём торговлю с татарвой, с Китаем, / Всё укрепим <...> / Богата Волга – и одна, коль надо, / Прокормит Русь...»), а другой, Чернойрец, хоть и не способен так стратегически мыслить, но также ощущает Волгу источником некой стабильности и благосостояния («На Волге жить бы, жить бы...»), лишиться которых было бы для него гораздо болезненнее, чем даже лишиться жизни («По-моему, уж лучше самому / Всадить ножище в бок, аль прямо в Волгу / Метнуть!»).

Наконец, третья и последняя актуализация в «были» волжской темы – обращение к Волге Разина перед жертвоприношением, которое он уже вот-вот готов совершить, чтобы доказать казакам, что вольница была и остаётся для него главной ценностью: «Эх, Волга-мать! кормилица-река! / В тебе моя кручина потонула! / Прибрёл к тебе я, бос, издалека, / А ты меня одела и обула! / На Волгушке доволен Стенька всем: / Уж чем-то, чем пред ним ты не сорила? / Ты серебро, ты золото мне дарила, / Что ж я тебя не даривал ничем! / Поилица! прости меня, прости, / Что позабыл тебя! Эх, Волга,

Волга! / Аль уж подарок знатный принести / Тебе, чтоб Стеньку помнила надолго!».

Таким образом, Волга выступает действующим лицом «были» на всём её протяжении, при этом черты и характер этого действующего лица всё время уточняются, делаются более чёткими. Волга в «Пире» – уже не просто кормилица и собеседник в интимных разговорах; она – не безучастный компонент космогонии и помощница в тяжком труде; теперь Волга – жестокий и ревнивый идол, требующий устами гуляющих по ней казаков расплаты за свою щедрость, карающая сила, жаждущая крови и не согласная на компромиссы.

Перейдём к следующему автору, внесшему свой вклад в разработку волжского мифопоэтического сюжета, этим автором будет поэт, драматург, издатель А.А. Навроцкий (Н.А. Вроцкий), в 1903 году выпустивший в Петербурге в типографии В. Безобразова и К^о, поэтический сборник «По Волге» (Навроцкий 1903), включающий в себя «волжские былины и сказания в стихах». Книга имеет посвящение «Матери-Волге от её певца», и все вошедшие в неё «былины и сказания» так или иначе касаются волжской темы. Мы же остановим наше внимание только на трёх текстах, представленных в этом сборнике.

Первый из этих текстов – «сказание», открывающее книгу. Оно называется «Исток Волги» (Навроцкий 1903, с. 1) и изображает этот самый исток, представляющий собой «хляби непроходные», посреди которых стоит «часовенька / Ветхая, убогая». Отсюда и берёт начало «ручечек махонький», «Волги-матушки / Первенец удаленький, / Вод её почин». А дальше автор обращается к самой Волге, называя её «старницей», «вечной красавицей», «богатырь-рекой», «матерью-кормилицей» и т.д. Характеризуя предмет изображения, поэт подчёркивает, что Волге «нет... соперницы / В шири вешних вод» и что только её «наша Русь рабочая» зовёт матерью.

Следующий текст – один из центральных в сборнике и получивший широкую известность в качестве «русской народной песни» «Утёс Стеньки Разина» (Навроцкий 1903, с. 151) (музыку к этой песне написал А.А. Навроцкий же в 1896 году, издав её под названием «Утёс на Волге»). В силу известности, выпавшей на долю «Утёса», мы опустим его характеристику, задержавшись лишь на одном обстоятельстве, добавляющем к образу Волги новую, ещё не отмечавшуюся ранее, характеристику. Утёс над Волгой «хранит... заветные думы Степана, / И лишь с Волгой одной вспоминает порой / Удалое житьё атамана». Таким образом, Волга выступает не только хранительницей памяти о далёких событиях (и не только далёких, но и не вполне легитимных сегодня, тех, которые лучше не помнить), но и их активным мемуаристом (она говорит о них с утёсом, то есть транслирует свою

память о них в некий речевой дискурс). Видимо, это, последнее, обстоятельство оказывает решающее воздействие и на характер «приволжского народа», который, несмотря на то, что «каждый год, по церквам, на Руси / Человека того проклинаят», поёт о нём песни и «с почётом его вспоминает». Таким образом, храня и передавая память о давних событиях, Волга выступает в роли подстрекателя антигосударственных и антицерковных действий, которые становятся возможными именно в силу долгой и активной памяти Волги.

Третий текст – завершающее книгу «сказание» «На Волге» (Навроцкий 1903, с. 169). Этот текст представляет собой диалог лирического героя, который «опять посетил нашу Волгу реку <...> опять прокатился по ней», с самой Волгой, жалующейся собеседнику на то, что её грудь «истощает горе»: леса вырубает, «сил иссякает родник», «стихли воли бои» и т.д. Но главная печаль Волги связана даже не с этим, а с тем, что «на судах, на плотках, и в прохладу, и в зной / Идёт молвь о далёкой Неве», и к ней, к этой далёкой Неве, стремятся с волжских берегов люди, забывающие про свою кормилицу. «Ты напомни им тем о раздольях моих <...> Пусть придут <...> отдышаться на Волгу они», – просит Волга лирического героя, но его прогноз мрачен: «Я напомню, родная! но вряд ли кому / Твой призыв по душе. Не нужна / Им теперь твоя мощь, твой простор», так как «иные пришли времена».

На наш взгляд, вся композиция сборника и особенно этот, завершающий его, текст сигнализируют об одном, чрезвычайно существенном, моменте в истории формирования «волжского комплекса», а именно – о том, что этот мифопоэтический комплекс сложился и все его основные характеристики определились и дальше будут только уточняться уже внутри герметичной и закрытой для внешних воздействий системы форм и стоящих за ними смыслов. Отворачиваясь от Волги, предпочитая её Неве, бывшие её «сыновья» отказывались и от активной мифотворческой деятельности, связанной с образом Волги и с волжским сюжетом, и вот как раз эту стадию его развития и зафиксировал выход сборника А.А. Навроцкого.

Кстати, любопытно будет заметить, что почти каждое «сказание» и «былину» в своём сборнике его автор сопровождал небольшим прозаическим текстом справочного характера, коснувшись в этих «справках» географических, исторических и т.п. особенностей тех или иных волжских городов, береговых ландшафтов и т.д. Таким образом, «поэтический сборник» А.А. Навроцкого представлял собой в то же время опыт энциклопедического описания Волги и систематизации её мифопоэтического потенциала.

Симптоматичным в этом плане стал выход и следующего издания, на котором мы хотели бы остановить наше внимание. В 1914 году в Москве,

в издательстве т-ва И.Н. Кушнерёва и К^о, увидело свет 2-е издание книги М. Черняевой (Козловой) «Когда и как стала Волга русской рекой» (Черняева 1914). На этот раз книга, в самом деле, представляла собой попытку полномасштабного энциклопедического экскурса в историю колонизации приволжских земель славянскими народами. Её автор специально остановился на таких вопросах, как народы, населявшие волжские берега в старину, овладение русскими Казанью и Астраханью, народные волнения на Волге в XVII и XVIII веках и т.д.

Обращает на себя внимание такой момент, как проникновение в язык этого «исторического очерка» слов и выражений, характерных ранее только для поэтических произведений о Волге: «наша родная великая Волга», «наша магушка и кормилица» и др., также свидетельствующее о завершении формирования волжского мифа, который отныне ожидают ревизии и проверка на жизнеспособность.

Характерно в этом плане и заключение книги: «Вспоминая прошлое Волги, видя её настоящее, невольно думаешь о будущем, невольно думаешь о той огромной работе, какая ещё ждёт здесь человека. Любуясь величавой дикой природой Поволжья, спрашиваешь себя, сколько здесь ещё неиспользованных, неразработанных богатств ждут применения творческой силы народной...» (Черняева 1914, с. 124). Вспоминающий прошлое и видящий настоящее Волги, автор «исторического очерка» едва ли подозревал, что его «невольные думы о её будущем» были связаны в том числе и с пониманием того, что «творческие силы народные» сделали уже всё, что от них зависело, и теперь «волжский миф» ожидало либо тихое увядание, либо мощные тектонические сдвиги и деконструкция.

Прежде чем перейти к следующим стадиям существования и развития волжского мифопоэтического комплекса в словесном искусстве, отметим, что формирование этого мифа не менее активно происходило и в других видах искусства, в частности, в живописи. Вспомним волжские пейзажи А.К. Саврасова, А.И. Куинджи, И.К. Айвазовского, И.И. Левитана, репинских «Бурлаков», суриковского «Степана Разина» и многие другие опыты визуального завершения «волжского мифа», в целом, повторяющего уже выявленные и названные выше смысловые оттенки и коннотации: Волга-кормилица, собеседница в интимных разговорах и жалобах, безучастная и равнодушная к страданиям человека стихия и сочувствующая ему родственная натура, хранительница памяти о прошлом и провоцирующая его этой памятью на сопротивление и социальное беспокойство.

Все эти черты в полной мере свойственны и образу «певца Волги» Ф. И. Шаляпина, который подвёл своим творчеством ещё один итог формирова-

нию «волжского мифопоэтического комплекса» и именно поэтому стал «последним певцом Волги».

2. Сложившись к началу XX столетия, миф о Волге и волжский сюжет переживают первые «тектонические сдвиги» в первые же послереволюционные годы, и к 1930-м годам эти сдвиги становятся настолько ощутимыми, что смысл и структура волжского образа и сюжета до неузнаваемости меняются.

В 1928 году московское издательство «Артель писателей “Круг”» выпустило посмертный поэтический сборник А. Ширяевца «Волжские песни» (Ширяевец 1928) под редакцией В. Львова-Рогачевского и П. Орешина и с критико-биографическим очерком В. Львова-Рогачевского, называющего автора сборника «певцом волжских ушкуйников, страстотерпцев и бунтарей» и выражающего уверенность в том, что «если Ширяевец “вместе с Волгой песни пел”, то и Волга будет петь вместе с Ширяевцем» (Ширяевец 1928, с. 22). Однако критик ошибся, и «волжские песни» А. Ширяевца оказались лебединой песней того волжского мифа, о котором шла речь выше.

Волга А. Ширяевца – это Волга, которая «плещет, льнёт, / Про бывалое поёт», а «тёмной ночью» она мчит лирического героя «с разумными». В свою очередь, герой говорит о себе, что «обручился он с рекой» и «распростился б с белым светом, / Кабы Волга не цвела». Другими словами, «я» поэта и Волга сливаются практически воедино: всматриваясь в волжскую разбойничью историю, прислушиваясь к плеску её волн, поэт ищет ответа на вопрос о том, кто он такой, пытается определить собственную идентичность. Между тем сделать это становится всё труднее, поскольку «тускнеет (Волги – М. П.) венец алмазный, / Не закнет с посвистом жених» и «всё больше пятен нефти грязной, / Плевки Горынычей стальных». «Тускнеет» Волга, но в ещё большей степени «тускнеет» волжский миф, плохо выполняющий возложенную на него задачу – быть способом обретения героем (и поэтом) идентичности.

Не вполне справляется с этой задачей «волжский миф» и в другом произведении этого же времени, каким стал роман Артёма Весёлого «Гуляй, Волга». В своём романе уроженец и «волжанин по духу» Артём Весёлый (который, кстати, назвал «Волгой» одну из своих дочерей) обратился к «волжскому мифу» с совершенно определённой целью – понять и объяснить с его помощью современность, и вот именно здесь этот миф обнаружил свою настоящую и кажущуюся несостоятельность. Как показал В.П. Скобелев, «крестьянско-казацкая стихия XVI века не сумела осознать себя и свои социальные интересы», и поэтому на смену ей в другом романе писателя – «Россия, кровью умытая» – «к читателю вышла пробуждённая и активизиро-

ванная революцией и гражданской войной масса, эти интересы осознавшая» (Скобелев 1974, с. 145).

Итак, «волжский миф», восходящий к фольклору и во многом сформированный им, а также литературой и другими искусствами к началу XX века, ещё задействовался и в первые послереволюционные годы, но, как оказалось, задействовался напрасно: не объясняющий современности, он был не больше, чем анахронизмом – узнаваемым, но не работающим.

В то же время в эти же послереволюционные десятилетия на руинах прежнего разбойничье-бурлацкого мифа начинают складываться новый волжский образ и волжский сюжет. И одним из пионеров здесь становится А.Н. Толстой с его «Необычайными приключениями на волжском пароходе» (Толстой 1948, с. 414), увидевшими свет в 1930 году.

Повесть Толстого обозначила – в более или менее конспективном виде – два вектора ревизии сложившейся ранее волжской мифологии, связанной, как указывалось выше, с идеалами «вольной волюшки» и «житейской устойчивости». Справедливости ради следует подчеркнуть, что автора повести гораздо больше интересовал первый из этих векторов, хотя попутно затрагивался и второй тоже.

Итак, что же делает Толстой с волжской «вольной волюшкой»? Её-то он и превращает в «необычайные приключения»: Разин, Ермак, ушкуйники и др. становятся в повести (а вместе с тем и в новом волжском мифе) авантюристами, прохвостами, уголовными преступниками и т.п. персонажами. «Вольная волюшка» снижается, пародируется и в таком спародированном виде продолжает своё существование в новой волжской мифологии и сюжетологии.

Несколько слабее представлен в толстовской повести второй из векторов – ревизия идеала «житейской устойчивости», хотя направление этой ревизии указано достаточно ясно: тяжёлый бурлацкий труд уступает отныне место советскому строительству во имя блага трудящихся, и Волга становится очагом этого коллективного труда, преображающего мир. Сатирический талант Толстого и жанр авантюрной повести препятствовали тому, чтобы эта линия разрабатывалась подробно, но фоном для всех «необычайных приключений» явилось именно это преображающее мир строительство.

Формирование нового «волжского мифа» оказалось в 1920–30-е гг. настолько актуальной задачей, что к её решению были привлечены многие из тех, кто, может быть, даже и не предполагал, что решает какую-то задачу. Речь идёт, например, об А.М. Горьком, совершившем в указанный период несколько путешествий по Волге – в 1928, 29-м и 35-м гг., во время которых он встречался с

трудящимися, молодыми писателями из приволжских городов и др. Символично, что пароходы, на которых путешествовал Горький, в двух случаях из трёх были «старыми» пароходами с новыми названиями (в августе 28-го это был бывший «Царьград», переименованный в «Урицкого», а в августе 29-го – бывший «Король Альберт», ставший «Карлом Либкнехтом»); и только в августе 1935 года Горький путешествовал не на переименованном, а на совершенно новом пароходе, построенном по особому указанию Сталина на заводе «Красное Сормово» для высших чинов Совета народных комиссаров и названном его, Горького, именем). Волжские путешествия Горького, которые, естественно, освещались в прессе, осознавались как осмотр глубинной России, преобразившейся за годы Советской власти не меньше столиц: волжанин Горький осматривал хорошо знакомую ему и вместе с тем незнакомую Волгу, и из глубины страны свидетельствовал, что на смену бурлацким тяготам пришёл свободный труд строителей коммунизма.

Апофеозом строительства нового «волжского мифа» стал фильм Г. Александрова «Волга-Волга», вышедший в 1938 году. Миф, у истоков которого стоит толстовская повесть, воплотился здесь в полном виде: приключенческая линия, берущая начало в «волюшке вольной», коррелировала с линией строительства коммунизма, восходящей к бурлацкому идеалу «житейской устойчивости». Особое место в фильме и в формировании нового «волжского мифа» принадлежит саундтреку И. Дунаевского на стихи В. Лебедева-Кумача «Песня о Волге», в котором недвусмысленно декларировалось, во-первых, что «много песен про Волгу пропето, / Но ещё не сложили такой, / Чтобы, солнцем советским согрета, / Зазвенела над Волгой-рекой», и, во-вторых, что именно теперь пришло время «грязнуть песню и звонко, и смело, / Чтобы в ней наша сила жила, / Чтоб до самого солнца летела, / Чтоб до самого сердца дошла!». Волга в песне из кинофильма – «красавица народная, / Как море, полноводная, / Как Родина, свободная, – / Широка, глубока, сильна!». Коннотации «трудовой Волги» выносятся на первый план («Мы сдвигаем и горы, и реки, / Время сказок пришло наяву»), а «волюшка вольная» практически выносится за скобки, превращаясь либо в приключенческий элемент, осознающийся как часть трудового процесса советского человека, имеющего право не только на труд, но и на отдых, либо в изгнанных за пределы Волги «врагов» («Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы, – / Не видать им красавицы Волги / И не пить им из Волги воды!»).

В военные и послевоенные годы к уже имеющимся коннотациям волжского образа добавится ещё одна: Волга – река героического подвига, пе-

реломившая ход войны. Эта коннотация, впрочем, вполне коррелировала с уже имеющейся «трудо-вой», недаром, согласно известному стихотворению, медали за бой и за труд «лили из одного металла».

В таком виде «волжский миф» дожил до начала 1960-х гг., т.е. до наступления оттепели. Черты предоттепельного образа Волги довольно ярко рисует книга В.В. Покшишевского «Поволжье. От Горького до Астрахани» (Покшишевский 1951), вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в 1951 году в научно-художественной серии «Наша Родина». Приведём несколько цитат из этой книги: «Волга! Это короткое слово о многом говорит сердцу нашего народа. Плавно несёт свои воды по широким просторам русской земли красавица Волга. Каждая пядь её берегов напоминает о страницах истории нашей родины. Могучая река вскормила великий духом людей. Их имена воспеты народом в песнях и былинах. Словно чудесный животворный родник, питает матушка Волга народные силы и таланты, и они расцветают на её берегах всё ярче и пышнее <...> Неторопливо струятся волжские воды у родных нам с детства берегов с берёзками и жёлтыми полями в рамке золотых лесов, мимо привольных степей, ставших теперь золотистой нивой, мимо зарослей камыша и ивы, за которыми человека подстерегает горячий зной полупустыни. Труд советских людей одухотворил красоту волжских берегов. Величественно раскинулись вдоль них гигантские заводы, рыбные промыслы, нефтяные вышки. Большие города сменяются простором полей. Сотни колхозных сёл стоят вдоль Волги, и в каждом из них новые черты уже вытеснили образ старой деревни. Красуются здания школ и клубов, по вечерам в добротных домах ярко горит электрический свет. И сама река полна жизни: переключаясь гудками, идут по ней большие пароходы, буксиры тащат огромные баржи. У берегов – плавучие дебаркадеры и причалы, над которыми виднеются ажурные контуры кранов» (Покшишевский 1951, с. 7).

Итак, образ Волги, как его представляет дооттепельная идеологическая, а вместе с ней и поэтическая, художественная, мысль, состоит из следующего компонентов: «народная» красота (несколько глянцева, «плавная»); славная история, воспетая в песнях и былинах; труд, одухотворивший красоту берегов и ставший содержанием жизни самой реки.

Все названные компоненты актуализируются и в публицистических, и в художественных произведениях середины 1950-х годов – периода великих строек, одной из которых было возведение Волжской ГЭС имени Ленина. Не изменив конфигурации образа Волги, строительство Волжской электростанции вместе с тем окончательно расставило акценты: Волга – прежде всего трудовая река, река

трудовой победы над самой стихией; перед этой победой меркнет даже «славная история», отступающая на периферию образа.

3. Новая ревизия образа Волги и волжского сюжета начинается в первые же годы оттепели. Прежде всего эта ревизия делает акцент на тех компонентах образа, которые были утрачены им за последние полвека. Сюда относятся интимность в отношениях с Волгой; соотнесение волжской истории со своей судьбой, судьбой не народа, а отдельно взятого человека; и, наконец, попытка реанимации исторического компонента, подменявшегося псевдоисторическими аналогами («необычайные приключения» и т.п.), а потом – практически упразднённого.

Любопытно, что на этот раз выполнение всех указанных целей было возложено, главным образом, на песню – прежде всего, эстрадную.

В 1962 году М. Фрадкин написал на стихи Л. Ошанина известную песню «Издали долго течёт река Волга...», ставшую в исполнении М. Бернеса, а затем Л. Зыкиной народной. Эта песня может рассматриваться как первая попытка восстановления утраченных образом коннотаций: судьба человека неразрывно связана в ней с «судьбой» Волги, они переплетены и неотделимы одна от другой. Но и это ещё не всё: Волга в этой песне вновь превратилась не просто в равнодушного спутника героя, но и в близкого ему собеседника, помощника, адресата интимных сообщений – в «мою Волгу». И хотя песне М. Фрадкина и Л. Ошанина ещё не удалось полностью избавиться от навязанной Волге советским дискурсом глянцево-псевдорусскости («среди хлебов спелых, среди снегов белых»), песня, премьера которой в исполнении М. Бернеса состоялась в июле 1962 года, а в следующем году была исполнена Л. Зыкиной, получила огромную популярность, свою роль в которой сыграло и то, что в ней удачным образом была задействована опора на забытый, но не умерший окончательно исходный «волжский миф».

Кроме этого в те же 1960-е гг. пережили новое рождение многие в той или иной мере забытые «песни о Волге» из дореволюционного прошлого: «Есть на Волге утёс» (исполнялась Леонидом Харитоновым и Ансамблем имени Александрова), «Кабы Волга-матушка» (в исполнении Юрия Гуляева) и некоторые другие.

Причины новой ревизии «волжского мифа» находились, разумеется, далеко за рамками самого этого мифа, образа Волги и волжского сюжета. Искусство 1960-х искало новой духовной опоры для человека, оказавшегося в некой растерянности после всех известных событий предшествующего десятилетия, и поиски именно этой опоры и заставили пересмотреть волжский сюжет и волжскую мифологию, вновь сместив в ней акценты

и актуализировав те коннотации, которые оказались забытыми или вынесенными за скобки.

Частью этой ревизии должен был стать и задуманный в начале 1970-х годов спектакль Ленинградского государственного театра имени Ленинского комсомола по повести А.Н. Толстого «Необычайные приключения на волжском пароходе». Известно, что спектакль по пьесе К. Ласкари должен был называться «Авантюристы», но в начале 70-х осуществить задумку так и не удалось, а поставлен он был только десять лет спустя под исходным – толстовским – названием. Известно также, что В. Высоцкий принимал активное участие в выборе произведения, которое легло в основу пьесы, а также написал для спектакля восемь песен, из которых наибольшую известность получила «Песня о Волге», которая должна была стать рефреном всего спектакля и в дальнейшем – в отличие от других семи песен – зажила своей собственной жизнью; исполнялась эта песня её автором на его собственную мелодию (а автором либо соавтором музыки к другим семи песням был композитор Г. Фиртич).

Важным для понимания «Песни о Волге» и всего «цикла» песен к «Необычайным приключениям...» представляется понять мотивы, возбудившие интерес Высоцкого к толстовской повести. «Что-то театрально-музыкальное. С чекистами, “кулаками”, нэпманами и бандитами», – так, по воспоминаниям К. Ласкари, представлял себе их возможную совместную работу В. Высоцкий, – этим «театрально-музыкальным» и стала повесть А.Н. Толстого.

Выше мы уже говорили о том, что сам А.Н. Толстой при работе над «Необычайными приключениями» сосредоточился на перекодировании одного из компонентов традиционного волжского сюжета, а именно – «вольной волюшки». При этом старинных волжских разбойников Толстой превратил в мелких хулиганов, «авантюристов», но и они, в конце концов, были вынесены в ходе дальнейшей ревизии «волжского мифа» за скобки, в лучшем случае превратившись в «страницы славной истории», а в худшем – исчезнув вовсе (впрочем, вопрос о «лучшем» и «худшем» здесь спорный и во многом представляет собой дело вкуса).

Таким образом, реанимируя толстовских «авантюристов» (кстати, совершенно к этому времени забытых, поскольку напечатанная в 1931 году повесть в дальнейшем не переиздавалась, не была включена Толстым в прижизненное собрание сочинений и вновь увидела свет только в 1948 году, в 6-м томе 15-томника писателя), К. Ласкари и В. Высоцкий воскрешали – в мягком варианте – один из основных компонентов традиционного «волжского мифа» и волжского образа, восходящий к разбойничьей (бунтарской, разинской и т.д.) истории Волги. Воскрешению этого мифопоэти-

ческого компонента так или иначе посвящены и семь из восьми песен В. Высоцкого к упомянутому спектаклю «с чекистами, “кулаками”, нэпманами и бандитами», «голосами» которых эти песни являются, – все, кроме одной, – «Песни о Волге», выполнявшей особую задачу, к анализу которой мы обратимся далее.

4. Текст «Песни о Волге» состоит из шести строф, каждая нечётная из которых включает в себя по четыре стиха, а каждая чётная – по восемь. Впрочем, эта разница в количестве составляющих строфу стихов ощущается только в характере пауз, которые делаются во время исполнения: в нечётных строфах таких пауз три и четвёртая между строфами, в чётных – семь и восьмая между строфами. Не будь этих пауз, нечётные строфы можно было бы «увеличить» до восьми стихов, а чётные – «сократить» до четырёх. Таким образом, формальное различие нечётных и чётных строф невелико, но тем значительнее другое различие – смысловое.

Наиболее очевидное в смысловом плане отличие нечётных и чётных строф заключается в следующем. Нечётные строфы представляют собой некий «исторический экскурс» в прошлое Волги. Субъект сознания и речи находится в них на определённой дистанции от предмета высказывания, и она, эта дистанция, делает его взгляд более широким, а речь – спокойной. Время всех действий и событий в этих строфах – прошедшее («не притомилася... не надорвалася...», «слышала... исхлёстана... плыла... стыла», «сделалось... пробудились... встали»), слова и словоформы создают архаический колорит («струги», «ладьи», «числом несметные», суффикс «ся», использованный трижды, союз «да» вместо «и», зачин «как по Волге...»), традиционные для фольклора «река-кормилица», «кровь-кровинушка» и т.д.).

Напротив, чётные строфы – взгляд из настоящего времени и изнутри ситуации. Дистанция между субъектом и предметом в них – минимальная: «...прохожу пороги я / И гляжу на правые / Берега пологие», а всё, что этот субъект описывает далее – не всеобщая, а именно его точка зрения: «Там камыш шевелится, / Поперёк ломается» и т.д. В заключительной строфе эта дистанция ещё сокращается, субъект здесь сливается с предметом: «корабли стараются» – это стараюсь «я», ставший этими кораблями и за них чувствующий и говорящий. Может показаться, что несколько особняком здесь стоит вторая чётная строфа (а в тексте она – четвёртая), где время всех основных действий – прошедшее («лили... плакали... измызганы... зализаны»), но это не совсем так: на самом деле в этой строфе план прошлого переводится в план настоящего (в прошлом «плакали» и «измызганы», но «теперь зализаны эти раны вол-

нами», и ключевое значение в этой строфе принадлежит именно этому «но теперь»). Обратим также внимание на то, что лексика чётных строф отличается большей экспрессивностью, в том числе и за счёт слов с яркой разговорной окраской («измызганы», «грабастая»).

Таким образом, текст «Песни о Волге» представляет собой напряжённое тяготение-отталкивание двух сюжетных линий – эпически-былинной и лирической, где первая отвечает за временной и пространственный охват, «широту» изображения, а вторая – за вчувствование в изображаемое и «глубину».

Этот диалог сюжетных линий поддерживается и на уровне образов, в совокупности составляющих рисунок текста. Нечётные строфы – в основном собственно «речные», «волжские»; в них говорится о Волге, о плывущих по ней судах, о воде. Чётные же строфы – в основном «береговые», и акцент в них делается в большей степени на изображение берегов, а не того, что находится между ними. Исключения из этого правила, разумеется, есть, но общая тенденция такова. Эта же тенденция, кстати, подчёркивается и «долгим» звучанием стихов, составляющих нечётные строфы (выше уже говорилось о том, что пауз в этих строфах на четыре меньше, чем в чётных) и «короткими» стихами чётных строф: «долгота» реки таким образом окаймляется «краткостью» её берегов.

Есть и другой образ, также поддерживающий эту диалогическую структуру текста, – образ двух берегов, каждый из которых противостоит другому не только чисто географически, в пространстве, но и по тому, что может быть названо характером: правый – пологий, «стелется», а левый – крутой, «подымается». Эта разнохарактерность берегов тоже поддерживает двуполюсность текста, полярность его структурной организации.

А теперь мы подошли к самому главному вопросу – ради чего всё это сделано?

Задачей, стоящей перед В. Высоцким в «Песне о Волге», стало не подновление и даже не реанимация одного или нескольких компонентов «волжского мифа» и образа Волги, а создание такого образа, который вместил бы в себя все имеющиеся коннотации – фольклорные, исторические, художественные, идеологические и т.д. Причём все эти коннотации должны были не просто следовать друг за другом, образуя статический ряд, а находиться в движении – спорить, перебивать, дополнять, поддерживать и т.д. Решая эту задачу, автор «Песни о Волге» и пришёл к той структуре, которую мы охарактеризовали выше.

Найденная В. Высоцким диалогическая структура позволила ему не давать завершённого образа Волги, который рано или поздно обнаруживает свою ограниченность, смысловое «дно» и начинает либо умирать, стираться, либо подновляется,

до неузнаваемости меняясь и часто превращаясь в свою противоположность. Высоцкий же создал структуру, способную постоянно насыщаться новыми смыслами и таким образом самообновляться, поскольку главное событие его текста сосредоточено не в полюсах, этот текст составляющих, а в том, что происходит между этими полюсами там, где они встречаются, спорят и расходятся, чтобы потом встретиться снова.

Построенный таким образом текст оказался не просто удачным или новаторским в художественном отношении (а в том, что это так, несложно убедиться: «Песня о Волге» до сих пор является не только одной из самых популярных и востребованных песен Высоцкого, но и одной из самых известных «волжских песен»), а во многом – аутентичным самому её предмету, т.е. Волге, движущейся в пространстве, во времени и в сознании тех, кто её воспринимал и воспринимает, и творит свой миф о ней.

Заключение

Итак, рассмотрев историю формирования «волжского мифа» и форм его воплощения – образа Волги и волжского сюжета и роль в нём «Песни о Волге» В. Высоцкого, мы пришли к тому, что эта роль состояла в следующем. Восстанавливая некоторые утраченные образом Волги и волжским сюжетом коннотации, В. Высоцкий в то же время стремился к созданию такого текста, который был бы максимально защищён от идеологических и прочих ограничений, оставаясь живым в любое время, при любой идеологии и т.п. Этим текстом и стала диалогическая «Песня о Волге», которая подвела итог художественным исканиям многих предшественников её автора и открыла новую перспективу для исканий будущих.

Библиографический список

- Кондратьев И.К. Под шум дубрав. Песни. Думы. Былины. Народные сказания. Издание И.А. Морозова. Москва, 1897. 422 с.
- Крылов А.Е. Заметки администратора на полях высококоведения // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 328–353.
- Кулагин А.В. «Нижегородская» песня Высоцкого // Сюжет и время. Сборник научных трудов к 70-летию Г. В. Краснова. Коломна, 1991. С. 172–174.
- Кулагин А.В. Поэзия В.С. Высоцкого. Творческая эволюция. Москва, 1997. 195 с.
- Навроцкий А.А. (Вроцкий Н.А.). По Волге. Волжские былины и сказания в стихах. Санкт-Петербург, 1903. 174 с.
- Покшишевский В.В. Поволжье. От Горького до Астрахани. Москва, 1951. 256 с.

Скобелев В.П. Артём Весёлый. Очерк жизни и творчества. Куйбышев, 1974. 192 с.

Толстой А.Н. Собр. соч.: В 15 тт. Т. 6. Москва: ОГИЗ, 1948. 556 с.

Черняева М. (Козлова). Когда и как стала Волга русской рекой. 2-е изд. Под ред. К.В. Сивкова. Москва, 1914. 127 с.

Ширяевец А. Волжские песни. Стихотворения. Под ред. В. Львова-Рогачевского и П. Орешина. Москва, 1928. 176 с.

References

Kondratev, I.K. (1897), *Under the noise of oak forests. Songs. Dumas. Epics. Folk tales*, Edition of I.A. Morozov, Moscow, Russia.

Krylov, A.E. (2002), Administrator's notes on the fields of Vysotsk studies, *Questions of literature*, No. 4, pp. 328–353.

Kulagin, A.V. (1991), "Nizhny Novgorod" song of Vysotsky, *Plot and Time. Collection of scientific papers on the 70th anniversary of G. V. Krasnov*, Kolomna, Russia.

Kulagin, A.V. (1997), *Poetry of V. S. Vysotsky. Creative evolution*, Moscow, Russia.

Navrotsky, A.A. (Vrotsky N.A.) (1903), *On the Volga. Volzhskiye byliny i skazaniya v stikhakh (Volga Epics and Legends in Verse)*, St. Petersburg, Russia.

Pokshishevsky, V.V. (1951), *Povolzhye. From Gorky to Astrakhan*, Moscow, Russia.

Skobelev, V.P. (1974), *Artem Vesely. An essay on life and creativity*, Kuibyshev, Russia.

Tolstoy, A.N. (1948), *Sobr. op.: In 15 vols. Volume 6*, OGIZ, Moscow, Russia.

Chernyaeva, M. (Kozlova) (1914), *When and how the Volga became a Russian river*, 2nd edition. Edited by K.V. Sivkov, Moscow, Russia.

Shiryayevets, A. (1928), *Volzhskie pesni. Poems*, Edited by V. Lvov-Rogachevsky and P. Oreshin, Moscow, Russia.

Submitted: 21.04.2021

Revised: 22.06.2021

Accepted: 29.06.2021

УДК 82.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 14.04.2021
после рецензирования: 09.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021

К.В. Сарычева

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1357-900>

Семиотизация прошлого в статьях Эйхенбаума о Лермонтове 1930–1940-х гг.

Аннотация: исследование основано на представлении об историческом процессе как семиотической системе, сформулированной Б.А. Успенским. Цель статьи – рассмотреть в рамках этой концепции историко-литературные работы Б.М. Эйхенбаума 1930–1940-х гг., затрагивающие сюжет о споре Лермонтова с Белинским в ордонанс-гаузе. Часть обсуждаемых статей Эйхенбаума ранее не была изучена. Частое обращение к одному и тому же сюжету в разных контекстах позволило предположить, что он был важен не только с историко-литературной точки зрения, но и имел особую личную значимость для исследователя. В этой связи в статье продолжены наблюдения Е.А. Тоддеса об имплицитном проецировании на историческое прошлое событий современности, что помогало Эйхенбауму преодолевать императив литературной критики и литературоведения, предписанный советской идеологией. Проанализирована эволюция понимания истории литературы в работах Эйхенбаума, и выявлены элементы языка статей, которые дают понять, что в текст научного анализа вкладывается проекция на современность. В результате работы сделан вывод о том, что историческое прошлое в лермонтоведческих исследованиях Эйхенбаума является семиотической системой, одновременно сообщающей историко-литературные факты и следующей официальному дискурсу и содержащей неофициальный (индивидуальный) дискурс о современности.

Ключевые слова: Эйхенбаум, Лермонтов, Белинский, формализм, советское литературоведение, история, история литературы, современность, семиотическая система.

Цитирование: Сарычева К.В. Семиотизация прошлого в статьях Эйхенбаума о Лермонтове 1930–1940-х гг. // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 65–74. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74>.

Благодарности: выражаю сердечную благодарность организаторам конференции «“Современное” как проблема в истории литературы и культуры» Ксении Алексеевне Сундуковой, Ларисе Геннадьевне Тютеловой за приглашение и возможность выступить и участникам конференции за обсуждение и ценные соображения, высказанные по поводу моего доклада.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сарычева К.В., 2021 – PhD по русской литературе, зав.отделом научно-исследовательской работы Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, 121069, г. Москва, Трубниковский пер., 1/17.

K.V. Sarycheva

Vladimir Dahl State Literary Museum,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1357-900>

Semiotization of the past in the Lermontov studies of B.M. Eikhbaum in the 1930s – early 1940s

Abstract: the research is based on the concept of the historical process as a semiotic system, formulated by B.A. Uspenskii. The article aims to analyse within the framework of this concept the historical and literary works of B.M. Eikhbaum of the 1930s – 1940s, dedicated to the meeting of Lermontov and Belinsky in the prison. Some of the papers discussed here have not been previously studied. The fact that Eikhbaum frequently referred to that episode and mentioned it in different papers let us assume that it was significant not only from

the literary and historical point of view, but it also contained unique significance for the researcher. The article extends the observations made by E.A. Toddes regarding the implicit projection of contemporary events into the historical past that helped Eikhenbaum to overcome prescriptions of the Soviet ideology and literary criticism. The evolution of the history concept in papers of Eikhenbaum was analyzed and the elements of the language, resembling the contemporary epoch, were demonstrated. As a result, the author comes to the conclusion that the historic past of the Lermontov studies, carried out by Eikheinbaum, is the double coded semiotic system simultaneously, expressing the literary and historical facts, as well as following the official discourse and containing the unofficial or individual discourse regarding the contemporaneity. **Key words:** Eikheinbaum, Lermontov, Belinsky, formalism, Soviet literary criticism, history of literature, history, modernity, semiotic system.

Citation: Sarycheva, K.V. (2021), Semiotization of the past in the Lermontov studies of B.M. Eikhenbaum in the 1930s – early 1940s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 65–74, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74>.

Acknowledgments: I would like to express my heartfelt gratitude to the organizers of the conference «“Contemporary” as a problem in the history of literature and culture» – Ksenia Alekseevna Sundukova, Larisa Gennadievna Tyutelova for the invitation and the opportunity to participate in the conference, and to the participants of the conference – for the discussion and valuable thoughts expressed during my presentation.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sarycheva K.V., 2021 – PhD in Russian Literature, Head of Research Department in Vladimir Dahl State Literary Museum, 1/17, Trubnikovskiy Lane, Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

Согласно наблюдениям Б.А. Успенского, исторический процесс может быть рассмотрен как семиотическая система, как текст, значимый не только для осмысления исторического прошлого, но и настоящего и будущего. Как отметил исследователь: «Для того, чтобы прошлое стало предметом исторического рассмотрения, оно должно быть осмыслено именно как прошлое, т.е. отчуждено от настоящего и отнесено к другому временному плану (к другой действительности); итак, то прошлое, с которым имеет дело история, – это отчуждаемое прошлое. Сам процесс отчуждения от настоящего предполагает семиотизацию прошлого, когда прошлое организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего» (Успенский 1996, с. 20).

Материал, к которому мы обратимся в настоящей статье, имеет особый статус – это историко-литературные исследования Эйхенбаума 1930–1940-х гг., казалось бы, не предполагающий отступления от строго научного языка, т.е. не предполагающий двойственного толкования. Тем не менее, как мы покажем ниже, в статьях о Лермонтове автор дает считываемые намеки на то, что их следует рассматривать как семиотическую систему, дающую читателю понимание не только историко-литературной информации.

Такое предположение спровоцировано тем, что в нескольких работах этого времени Эйхенбаум рассуждает об одном и том же эпизоде: о встрече и споре Белинского с Лермонтовым в ордонанс-гаузе в 1840 г., к которому он не обращался в более ранних работах. И, как нам представляется, Эйхенбаум помещает этот сюжет в разные статьи не только из соображений методологических поисков, но и по причине личного интереса к нему. Зная к тому же, что история всегда была важна для Эйхенбаума как

ключ к пониманию современности (хотя трактовка этих понятий менялась, на что влияла и его эволюция как ученого, и внешние, социокультурные и политические события), мы можем предположить, что статьи 1930–1940-х гг., когда Эйхенбаум перестал вести дневники, имеют двойной смысл.

В исследовательской литературе об Эйхенбауме принято выделять последнее 30-летие его жизни (конец 1920–1950-е гг.) как время, когда в научных работах ему приходилось идти на компромисс с советской идеологией. Тогда как И.З. Серман (Серман 1984), К. Эни (Апу 1990, 1994), Дж. Кертис (Кертис 1994) высказывали мнение, что Эйхенбаум, подвергавшийся давлению идеологически ангажированного советского литературоведения, усвоил его стиль и язык, была представлена и другая точка зрения, согласно которой Эйхенбаум противостоял литературоведению, верному советской идеологии, чему посвящена часть статьи П. Дружинина (Дружинин 2012).

Проблему противопоставления этих двух языков описания истории литературы Е.А. Тоддес решает через выявление имплицитных проекций своей современности на историко-литературные события в работах Эйхенбаума (Тоддес 2019). Тоддес не отрицает того, что ученый к 1940-м гг. прошел путь адаптации, «интериоризации», «когда вмененные логические презумпции невозможно отделить от собственных представлений исследователя» (Там же, 282). В то же время Тоддес убедительно показал на примере статей Эйхенбаума о Толстом и Лермонтове 1930–1950-х гг., что при отсутствии возможности вести дневники в 1930-е гг. Эйхенбаум рассеивал в научных работах описание своей эпохи через неявные исторические аналогии.

В статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935), по наблюдению Тоддеса, Эйхен-

баум включает имплицитные параллели между временем Лермонтова и событиями 1930-х гг.:

«Оценка 1830-х годов – “одна из самых мрачных и страшных эпох русской истории” – заставляет думать, что эта странная гипербола, представляющая собой некий концентрат герценовского описания, сублимирует страхи столетием позднейшей эпохи. На рациональном уровне преодолеваемые в ходе адаптации, они вытеснились в историческую сферу. И в том же абзаце: “Люди того круга, к которому он <Лермонтов> принадлежал, боялись переписываться, боялись писать дневники и воспоминания, боялись собираться и говорить” (Эйхенбаум с 1930 г. перестал вести дневник)» (Тоддес 2019, с. 279).

Как нам представляется, рассмотрение имплицитных параллелей с современностью в статьях Эйхенбаума на историко-литературные темы имеет важный методологический потенциал, поскольку позволяет увидеть в этих работах содержание, не считываемое при их рассмотрении только как научных текстов, и скорректировать представление относительно усвоения Эйхенбаумом стиля советского идеологического литературоведения.

Спор Белинского с Лермонтовым в работах Эйхенбаума 1930-х–начала 1940-х гг. и проблема описания современности

В рамках настоящего исследования мы будем говорить о лермонтоведческих статьях Эйхенбаума. Лермонтов, наряду со многими классиками русской литературы (Л.Н. Толстым, А.И. Герценом, А.П. Чеховым, Н.Г. Чернышевским и др.), был заново осмыслен советской критикой и литературоведением. Авторы теперь рассматривались в отношении их соответствия делу социалистической революции, создания нового государства и общества, их творчество, биография, отношения с современниками – как этап на пути к этому событию. Идеологическое толкование классики было предписано во многом статьями и выступлениями министра народного просвещения А.В. Луначарского 1920-х гг., литература воспринималась им как политический инструмент (История русской литературной критики 2011). Статья Луначарского «Лермонтов – революционер» (1926) обозначила актуальность поэта для политической современности 1920–1930-х гг.

Тогда же свое понимание истории разрабатывает Эйхенбаум (Левченко 2012, с. 172). В ранней брошюре «М.Ю. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924) он заявляет о необходимости «исторических аналогий» между современной и прошлой исторической эпохами, поскольку «в истории ничего не повторяется, но именно потому, что ничего не исчезает, а лишь видоизменяется» (Эйхенбаум 1924, с. 9). Творчество Лермонтова, рассмотренное с точки зрения

эволюции литературных форм, является фактом истории, поскольку оно сохраняется в преобразованном виде в современности: «“Исторический Лермонтов” есть Лермонтов, *понятый исторически* (Курсив Б.М. Эйхенбаума) – как сила, входящая в общую динамику своей эпохи, а тем самым – и в историю вообще. Мы изучаем историческую индивидуальность, как она выражена в творчестве, а не индивидуальность природную (психо-физическую), для чего должны привлекаться совсем другие материалы» (Там же).

И в том понимании творчества и фигуры Лермонтова, которое предложил Луначарский, и в концепции Эйхенбаума существенна связь поэта с современностью, в одном случае – с литературной, в другом – с социально-политической. Как кажется, Эйхенбаум не отказывался и в последующих статьях о Лермонтове от представления о его актуальности в современности, несмотря на то что оно варьировалось в зависимости от меняющихся условий научной биографии исследователя или непосредственно аспекта изучения Лермонтова.

Нюансы в трактовке Эйхенбаума истории и современности хорошо видны на примере того, как он рассматривает в разных статьях сюжет встречи Белинского с Лермонтовым в ордонанс-гаузе в 1840 г. Эйхенбаум впервые обращается к этому событию в статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935). Впоследствии этот сюжет будет рассмотрен Эйхенбаумом в нескольких работах 1930-х–начала 1940-х г. и помещен в разные контексты.

Настойчивое обращение к эпизоду встречи двух литераторов в тюрьме скорее всего было мотивировано начавшимися в 1930-е гг. арестами. Такая параллель кажется вполне очевидной и недвусмысленной.

Попытки описать один и тот же сюжет с разных точек зрения имели и методологический смысл – поиск новых подходов к известному материалу. Факт встречи Белинского с Лермонтовым был известен и до того, как к нему обратился Эйхенбаум. Эта часть биографии Лермонтова освещалась и И.И. Панаевым в «Литературных воспоминаниях» («Современник», 1861, № 2, отд. 1. С. 652–668; изд. также в Academia в 1928 г. под редакцией Иванова-Разумника), и А.Н. Пыпиным в монографии «Белинский: его жизнь и переписка» (СПб., 1876), и П.А. Висковатовым в биографии «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (1891). Но до Эйхенбаума этот эпизод не рассматривался с историко-литературной точки зрения.

После опубликования статьи «Основные проблемы изучения Лермонтова» (Эйхенбаум 1935) Эйхенбаум возвращается к теме беседы Белинского с Лермонтовым, на ее основе пишет доклад и статью «Спор Белинского с Лермонтовым»

(1939–1940), касается его в статье «Живой образ Лермонтова» (1940). Нам не удалось найти информации о прижизненных публикациях перечисленных статей, неизвестно также, отдавал ли их Эйхенбаум в печать. Указанные работы предшествовали и сопутствовали написанию одной из главных статей этого периода, «Литературная позиция Лермонтова» («Литературное наследство», том 43–44, 1941).

В статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935) Эйхенбаум поднимает проблему связи литературных произведений Лермонтова с биографическими и современными ему социально-политическими событиями. Встреча Белинского с Лермонтовым для Эйхенбаума – столкновение и противоборство противоположных социальных типов, Лермонтов был представителем великосветской молодежи, носителем «субъективно-салонного взгляда на жизнь», «человеком совсем иного круга, чем Белинский, – человек совсем другого душевного и умственного опыта» (Эйхенбаум 1935, с. 30).

В центре внимания исследователя эпизод встречи Белинского с Лермонтовым оказался в докладе «Спор Белинского с Лермонтовым», прочитанном 15 марта 1939 г. в Институте литературы (рукопись доклада хранится в РГАЛИ) и одноименной статье (Эйхенбаум 1939–1941). Эйхенбаум существенно меняет аспект рассмотрения этого события по сравнению с более ранней статьей, описывая диалог двух литераторов теперь в терминах психологии.

Исследователь отмечает, что Белинский «о стихотворениях <...> “субъективного типа”, отзывается без восторга» (Эйхенбаум 1939–1941, 1 л.), а в 1840 г. в письмах критика «к борьбе с субъективностью присоединяется борьба с рефлексией (Подчеркивание здесь и далее Б.М. Эйхенбаума)» (Там же, 1 об.).

По сравнению со статьей 1935 г., рассматривавшей столкновение литераторов на социальном уровне, Эйхенбаум описывает их психологическое взаимодействие и проблему личного восприятия художественного произведения, на которое влияет психологическое состояние читающего и пишущего.

В начале статьи Эйхенбаум отмечает: «... отношения, образовавшиеся в 1840 г. между Белинским и Лермонтовым, составляют “крупную психическую подробность (Курсив здесь и далее автора) в жизни нашего критика”» (Эйхенбаум 1939–1941, 3 л.).

Эйхенбаум подчеркивает, что первая статья Белинского, написанная после посещения ордонанс-гауза, представляет собой «очень важную характеристику Лермонтова – его *психологического портрета* или своего рода мемуар» (Эйхенбаум 1939–1941, 8 л.).

Вторая тема в статье Эйхенбаума – восприятие действительности и ее отражение в литературном произведении, восприятие художественного произведения и факторы, которые на это влияют.

Обращение к проблеме психологии творчества и восприятия, конечно, никак не соотносилось с основами «партийного» литературоведения. Пытаясь подобрать ключ к известным фактам биографии Лермонтова, Эйхенбаум подходит к психологии искусства.

Тем не менее Эйхенбаум, очевидно, не мог избежать навязанных советской критикой клише: «Белинский старался заронить в душу Лермонтова “семена глубокой веры” в достоинство жизни и людей; на деле, если верить Анненкову, Лермонтов забросил в душу Белинского первые семена нового, революционного, учения» (Эйхенбаум 1939–1941, 5 л.).

В то же время в работах о споре критика и поэта, возможно, есть намеки и на индивидуальное отношение к современности, которое чувствуется, например, в том, как Эйхенбаум вводит в повествование цитату из статьи Белинского о «Герое нашего времени» (1841), где Белинский отказывается от предыдущего понимания романа Лермонтова: «На эту перемену повлияло, вероятно, и предисловие Л-ва, в котором он кое-где как будто продолжает спор с Белинским. Об этом предисловии Белинский говорит: “*Читая строки, читаешь и между строками*; понимая ясно все, сказанное автором. Понимаешь и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым”» (Эйхенбаум 1939–1941, 2 л.).

Цитата вполне прозрачно говорит и о ситуации в советском обществе 1930-х гг., причем и сами эти слова Белинского как будто являются ключом к прочтению всего текста Эйхенбаума — знаком того, что нужно видеть не только прямой смысл, но и читать «между строками».

Не менее значима проблема датировки встречи для Эйхенбаума:

«Материал об этом свидании и его дате (вероятно – в начале апреля): 10 марта арестован и помещен в Орд.-гаузе, но не в комнате “для подсудимых офицеров”, которая была занята, а в комнате караульного офицера; 17 марта был переведен на Арсенальный караул (гауптвахта); после 22 марта (не позднее 34-го) обязательно водворен в Орд.-гауз и помещен в “особенной комнате для гг. подсудимых офицеров”. Ср. письмо к Соболевскому. Чепуха в “Летописи” Белинского, где свидание датировано 18 февраля. О самом свидании: письмо Боткину 14 марта (по чужим рассказам), 19 марта – ни звука, 16 апреля – подробно: “Недавно был я у него в заточении”. Что свидание происходило именно в Орд.-гаузе, доказывается словами Панаева: см. на моем листке. Цитаты из письма Б. от 16 апреля и из Панаева» (Эйхенбаум 1939–1941, 1 об.).

Выяснение даты встречи было важно здесь не только для восстановления всей фактологии этого события, но и, возможно, для указания на параллель с реальным временем написания и чтения доклада, которое также состоялось в марте и накануне столетия с момента исторической встречи Лермонтова с Белинским. Косвенно это предположение подтверждается тем, что Белинский и Лермонтов виделись и до 1840 года, они учились вместе в Московском университете и могли видеться в Москве, к этому времени уже были известны воспоминания Н. М. Сатина о встрече Лермонтова с Белинским в Пятигорске в 1837 году (Сатин 1895), но Эйхенбаум эти сведения оставляет за скобками. В статье «Спор Белинского с Лермонтовым» Эйхенбаум ставит дату под эпитафией, взятым из письма Белинского к Боткину:

«Я с ним спорил»

Белинский В. Боткину. 16/IV. 1840» (Эйхенбаум 1939–1941, 3 л).

Психологический портрет Лермонтова интересует Эйхенбаума и в статье «Живой образ Лермонтова» (1939). Она не была исследователем опубликована и появилась, насколько нам известно, впервые в сборнике статей Б. М. Эйхенбаума «О поэзии» (Л., 1969). В этой статье исследователь рассматривает личность поэта как результат исторического процесса, ссылаясь на слова Анненкова: «Выдержка у Лермонтова была замечательная: он не сказал никогда ни одного слова, которое не отражало бы черту его личности, сложившейся, по стечению обстоятельств, очень своеобразно <...> Психологические черты и особенности поведения здесь накрепко связаны с эпохой, с историей» (Эйхенбаум 1969, с. 315).

Противоречивые, взаимоисключающие проявления характера Лермонтова, как их описывает Эйхенбаум, были обусловлены эпохой после декабрьского восстания, и в этом описании также видится отсылка к психологическому портрету современника, вынужденного скрывать свою истинную натуру, чтобы уберечь себя от подозрений: «“Презрительность” Лермонтова оказывается замаскированной гуманностью, а гордость — необходимой позицией (а не позой), способом самозащиты» (Эйхенбаум 1969, с. 315).

История встречи двух литераторов здесь помещена в контекст описания психологии личности Лермонтова и упомянута очень бегло: «Глубокий могучий дух! (писал Белинский В. Боткину в 1840 г., после свидания с Лермонтовым в ордонанс-гаузе) Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!... Чудная натура!» Далее Белинский сообщает, что по некоторым вопросам он спорил с Лермонтовым — «и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и осмысленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры

в достоинство того и другого». Особенно восторгается Белинский натурой (Подчеркивание Б.М. Эйхенбаума) Лермонтова, т. к. именно той важной стороной его личности, о которой менее всего известно: «Каждое слово — он сам, вся его натура во всей глубине и целостности своей»» (Эйхенбаум 1969, с. 313).

Если в других работах проекция современности на историческое прошлое выглядела неотчетливо, как намек, только в виде совпадения дат или формулировалась в духе статей Луначарского («семена нового, революционного учения»), то в статье «Живой образ Лермонтова» Эйхенбаум устанавливает связь прошлого с современностью через психологию своих современников с поэтом прошлого столетия вполне прямолинейно: «Когда речь идет о гениальном человеке, прошлое соприкасается с современностью. Лермонтов для нас — не только историческая фигура, связанная со своей эпохой, но и живой образ, продолжающий действовать на нас и своим творчеством, и своей жизнью» (Эйхенбаум 1969, с. 311).

Говоря о двойственности личности Лермонтова, проявлении в ней взаимоисключающих качеств, развитых атмосферой эпохи, Эйхенбаум, увязывая прошлое и современность, возможно, имел в виду и представителей своего времени: «Гордость Лермонтова не была офицерской или светской спесью («честь мундира»), которая в нужных случаях легко оборачивалась низкопоклонством; это было нечто совсем другое, непонятное и несвойственное Васильчиковым и Мартыновым: ненависть из любви, презрение из-за гуманности» (Эйхенбаум 1969, с. 311).

Психология, влияние которой на искусство Эйхенбаум когда-то отрицал, теперь становится основной темой его размышлений в статьях конца 1930-х гг. В рассмотренных нами работах Эйхенбаум, по-видимому, пытается полемизировать с социологическим подходом к литературе, он усложняет представление о поколениях, вводит понятие психологии личности и указывает на ее значительное влияние на создание и восприятие литературного произведения.

Эта череда работ о Лермонтове, включавших сюжет встречи поэта с Белинским, завершившаяся статьей «Литературная позиция Лермонтова», была написана в атмосфере нападок на Эйхенбаума со стороны поддерживающих советскую идеологию литературоведов Л. Карпова, Н. Изгоева. В 1936–1937 гг. вокруг статей Эйхенбаума о Лермонтове разгорелся скандал, начатый статьями Изгоева «На вершинах русской поэзии» («Известия», 1936, № 9, 11 янв.) и «Снова о Лермонтове» («Литературная газета», 1937, № 19, 10 апреля), где был резко раскритикован подход исследователя. Эйхенбаум назван «недолеченным формалистом», его работы охарактеризованы «разверну-

той контрабандой формалистских установок под предлогом статьи о Лермонтове».

В этой же статье Изгоев говорил о недооценке Эйхенбаумом и другими формалистами значения Белинского: «Пусть Эйхенбаумы в тиши кабинетов изучают черновики, помогают издателям текстов, но слово о Лермонтове принадлежит Белинскому. Белинский останется – Эйхенбаумы уйдут» (Изгоев 1937). Изгоева поддержали А.Л. Дымшиц и Л. Карпов (Карпов 1937).

Очевидно, решив обратиться к проблеме взаимовлияния Белинского и Лермонтова, Эйхенбаум в каком-то смысле пошел на уступки требованиям своих обличителей, и в то же время он отказался от принятого в литературоведении подхода рассмотрения авторов исключительно с точки зрения социальных классов, к которым они относились, а их произведения – как изображение социальных процессов, результатом имевших революцию 1917 года.

В том, что Эйхенбаум говорит о «революционном учении», как будто бы назревавшем в мыслях двух авторов, тоже видна имитация языка статей перечисленных «партийных» литературоведов и представлениям Луначарского, и в то же время мы должны подчеркнуть, что уже в рассмотренных статьях можно обнаружить имплицитные переключки между своим временем и историей, не заданные идеологически, а происходившие из индивидуальных соображений исследователя.

Литературная «позиция» Лермонтова и Эйхенбаума

Два обозначенных выше подхода к истории и современности сосуществуют и в главной лермонтоведческой работе Эйхенбаума рассматриваемого периода – «Литературная позиция М.Ю. Лермонтова» (Литературное наследство, 1941, т. 43–44).

Надо сказать, что том 43–44 «Литературного наследства», куда была включена статья Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова», начинается со вступительной статьи академика В. Комарова «Лермонтов в наши дни», как раз лучше всего характеризующей следование советскому подходу к наследию Лермонтова. Так, например, имея в виду роман «Вадим» и стихотворение «Предсказание», исследователь пишет: «Нашей бурной, революционной эпохе эти бунтарские, мятежнические мотивы лермонтовской поэзии, составляющие ее сердцевину, особенно созвучны. Каждой стороной своих произведений поэт укрепляет нашу волю к жизни, призывает нас к действию, к борьбе» (Литературное наследство 1941, с. XIII).

Том «Литературного наследства» подготавливался во время Второй мировой войны, и в статье Комарова прослеживается параллель между сти-

хотворением «Бородино» и воззванием к народу «не щадить себя и своей жизни, защищая от врага родину-мать» (Литературное наследство 1941).

Параллели между современностью и историей литературы в статье Эйхенбаума выглядят иначе. В начале статьи исследователь говорит об особом значении Лермонтова для читателей 1930-х–начала 1940-х гг. вследствие пережитого ими исторического опыта, и здесь он как будто повторяет слова указанного выше автора:

«Между тем с каждым годом становится все яснее, что историческое значение Лермонтова огромно и что без глубокого и принципиального осмысления его жизни и творчества многое в истории русского общественного сознания той эпохи должно оставаться непонятным. Это особенно ясно нам, современникам *бурных лет революции и войн*: мы, прошедшие через богатый исторический опыт, читаем Лермонтова и чувствуем его иначе, чем люди конца XIX или начала XX в. Именно этот опыт дает нам право и возможность иначе понимать лермонтовские слова и интонации, иначе слышать его голос: не возводить его в «поэты сверхчеловечества», но и не низводить до положения мрачного одиночки или позера, который смотрит на весь мир “презрительным оком”» (Литературное наследство 1941, с. 4).

В то же время в словах Эйхенбаума нет призыва к «действию» через произведения Лермонтова, они позволяют двойное толкование. И, как уже отмечал Тоддес, указание на «мрачную эпоху», в которой жил и развивался Лермонтов, могло быть имплицитной отсылкой и к эпохе 1930-х гг.

Эйхенбаум пишет о том, что хотя от Лермонтова ожидали развития в сторону романной формы и обращения к изображению жизни русского общества в прозаической, более «объективной» форме, чем поэзия, но после написания романа он все равно возвращается к написанию стихов, хотя в них, в частности, в стихотворениях «Дары Терека», «Три пальмы» «Лермонтов как будто вырывается из узкой сферы психологических тем и стремится расширить рамки поэзии» (Литературное наследство 1941, с. 69).

В статье «Литературная позиция Лермонтова» Эйхенбаум возвращается к проблеме литературной формы, развивая, по сути, те же представления об эволюции творчества Лермонтова, что и в ранней работе «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924) (хотя и формалистская терминология здесь редуцирована, частично завуалирована), и соотносит с формальными поисками обращение к индивидуальным или социальным проблемам: если лирические произведения означают субъективность, «рефлексию», сосредоточенность на себе, то прозаические – движение к описанию объективных процессов, действительности.

В статье «Литературная позиция М.Ю. Лермонтова» наблюдения над развитием литературной формы у Лермонтова по сравнению со статьёй, написанной в период следования формальному методу, отведены на второй план. В центре рассуждений Эйхенбаума здесь восприятие Лермонтова современниками – критиками, которые неверно его поняли, когда Печорина рассматривали как автопортрет поэта или находили в романе сатиру на свое поколение. Причина этого неверного истолкования заключалась в «позиции» Лермонтова: «На оценках и истолковании романа сказались *острота позиции*, которую занимал Лермонтов в отношении как к реакционным, так и к передовым кругам русской интеллигенции, и острота поднятых проблем, заставившая многих усмотреть в романе клевету на русскую действительность» (Литературное наследство 1941, с. 68).

В этой статье есть расхождения с предыдущими работами на тему спора Белинского с Лермонтовым. Если в рассмотренных выше статьях, с точки зрения Эйхенбаума, Белинский после прочтения предисловия к роману понял, что нельзя образ Печорина буквально воспринимать как автопортрет Лермонтова, то в статье «Литературная позиция Лермонтова» исследователь останавливается на мысли, что «даже Белинский утверждал, что Печорин – это сам Лермонтов «как он есть» (в письме к В. Боткину)» (Литературное наследство 1941, с. 66).

Характерно, что на этот раз рассуждение об улавливании скрытых смыслов в тексте Эйхенбаум выносит в начало статьи и добавляет пояснение к цитате, создавая тем самым модус ее восприятия:

«На путях к этой истине надо вернуться к суждениям Белинского и Герцена – свидетелей и критиков, слова которых и более достоверны и несравненно более ценны для нас, чем мнения позднейших критиков и исследователей, уже по одному тому, что они были замечательными людьми той же эпохи и видели в Лермонтове человека своего поколения. “Читая строки, читаешь и между строками”, – писал Белинский о предисловии к “Герою нашего времени”. Одна из самых важных стадий в научной работе над Лермонтовым (еще далеко не достигнутая) – приближение к такому пониманию его текста: к чтению “между строками”, к раскрытию “подтекста”, составляющего органическую и очень важную сторону его художественной системы» (Литературное наследство 1941, с. 6).

Рассматривая статью в контексте происшедшего в конце 1930-х гг. с Эйхенбаумом, нетрудно увидеть в том, что он пишет о Лермонтове, параллели с событиями в его жизни: его «позиция» по отношению к его противникам была аналогична «позиции» Лермонтова, исходя из того, как

он ее описывал. Как и роман Лермонтова, статьи Эйхенбаума были поняты критиками неверно.

Ситуация, когда Эйхенбауму приходилось отбиваться от ложных умозаключений, сделанных из его работ, растянулась на несколько лет. Письма конца 1930-х–начала 1940-х гг. красноречиво показывают, в каком эмоциональном напряжении находился исследователь в это время. В частности, 27 марта 1937 г. Эйхенбаум обращался в редакцию «Известий» по поводу статьи Н. Изгоева: «Уважаемый Иван Капитонович!

В “Известиях” от 16 марта напечатана статья Н. Изгоева, направленная против моих работ о Лермонтове. Я считаю эту статью грубым и наглým извращением моих мыслей. Она избилует ложью и передержками и фактическими ошибками. Это, на мой взгляд, типичный образец безграмотной литературной травли, подсказанной какими-то непонятными для меня соображениями» (Эйхенбаум 1937).

6 апреля 1941 г. он писал редактору Детгиза Г.Л. Эйхлеру: «Вы, по-видимому, еще не слышали об истории с диссертацией А.Л. Дымшица о Маяковском, которая разыгралась 18 марта и последствия которой до сих пор не исчерпаны. Писать об этом трудно, п[отому] ч[то] дело очень сложное. Я оказался под ударом – и уже пошли всякие кривотолки; из разных щелей вылезли поседевшие змеи и стали шипеть, что в моей статье о Тынянове (которая Вам понравилась) – формализм, идеализм и пр., что я не раскаялся и т. д. Нервы у меня сейчас в отчаянном состоянии – ничего не хочется делать, противно ходить в Институт...» (Дружинин 2012, с. 144).

В 1936 г. нападкам подверглась и биография Лермонтова для детей. С. Лелин обвинял Эйхенбаума в искажении фактов (Кертис 1994, с. 1991).

Статья Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова» могла быть связана с обсуждением методов критики и направлена в адрес современных самому исследователю критиков, поскольку в 1930-е гг. широко обсуждались принципы новой советской социалистической литературы. Литературная критика пыталась подчинить литературу идеологическим нормам, как отметил Х. Гюнтер в статье «Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1940», «критика не только приняла на себя функции воспитателя писателя и читателя, но стала частью разветвленной системы цензуры» (История русской литературной критики 2011, с. 250).

Говоря о том, что в свои статьи Эйхенбаум намеренно включает имплицитные параллели между судьбой своей и Лермонтова, мы в то же время не имеем в виду, что он намеренно искажал факты. Хотя и вольное обращение с фактами видно у Эйхенбаума, главным образом, в описании эпохи, о котором упоминал Е.А. Тоддес: ссылаясь на

Герцена, он описывал атмосферу эпохи, в которой как будто бы рос Лермонтов, хотя Герцен не говорил о Лермонтове, он говорил об эпохе в целом. Эйхенбаум описывает ее атмосферу, вероятно, имея в виду и свое время, и своих современников: «...надо было с самого нежного детства приобрести *навык скрывать все, что волнует душу*, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах, – наоборот, надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце» («О развитии революционных идей в России»). Говоря это, Герцен как будто прямо намекает на детство Лермонтова – и именно на те стороны этого детства, которые были порождены условиями «мрачной эпохи» (Литературное наследство 1941, с. 7).

Как и в случае с цитатой из Белинского о чтении Лермонтова «между строками», Эйхенбаум, говоря о своей эпохе, использует цитату – в данном случае из Герцена – которая может быть прочитана и как описание современности исследователя, эпохи 1930-х гг. Факты в статьях Эйхенбаума выстраиваются и акцентируются таким образом, что в них угадываются отсылки и к его личной профессиональной истории, и к атмосфере его эпохи, к психологии его собственной и его современников.

Стремление находить связь между историей литературы и своей биографией уже прослеживалось и раньше в высказываниях Эйхенбаума. Так, 25 июля 1925 г. Эйхенбаум писал к Шкловскому: «<...> Писать мне сейчас очень трудно: <...> История утомила меня, а отдыхать я и не хочу и не умею. У меня тоска по поступкам, тоска по биографии. Я читаю теперь “Былое и думы” Герцена – у меня то состояние, в котором он написал главу “Il pianto” (ему тогда тоже было 38 лет)» (Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский 1984, с. 188).

По наблюдению М.О. Чудаковой, история была для Эйхенбаума важнейшим феноменом, к которому он апеллировал и в литературоведении, и «в повседневной жизни» (Чудакова 1986, с. 103).

Теперь же такие параллели обнаруживаются не в письмах или дневниках, а переходят в историко-литературное исследование.

Обратный процесс – использование результатов научной работы в художественных произведениях – Эйхенбаум обнаруживает у Тынянова в статье «Творчество Ю. Тынянова» (1941), подчеркивая при этом проблему личной и общественно-исторической судьбы: «то, чего он [Тынянов] добивается методом научного мышления, становится “резервуаром” для художественной энергии. Рядом с историческим процессом формирования литературы (а тем самым и человеческой жизни вообще) неизбежно возникают проблемы личной судьбы и поведения человека и истории – проблемы сочетания свободы и необходимости» (Эйхенбаум 1969, с. 383).

Заключение

Обращение к сюжету встречи Лермонтова и Белинского в ордонанс-гаузе в нескольких статьях одного периода (1930–1940-х гг.) имело для Эйхенбаума, очевидно, не только методологическое, историко-литературное значение, но и индивидуальное, как эпизод, через который он осмыслил и описывал современную эпоху. Исследователь рассматривал это событие в разных статьях с точки зрения психологии двух авторов, развития индивидуального стиля Лермонтова, отношения критиков к поэту и его реакции на них. Как мы попытались показать, в этих работах происходит семиотизация исторического прошлого, они представляют собой тексты с двойным кодированием, где, кроме историко-литературного анализа и имитации официального дискурса, прочитывается и высказывание о современной эпохе, психологии современников, ситуации в современной литературе и критике. Послание это было не вполне явно, но, как кажется, считываемо. Определенные знаки отсылают то к одному пласту словесности 1930–1940-х гг., то к другому. Возможно, одни параллели возникали произвольно, другие вкладывались автором намеренно. Современная эпоха зашифрована в историко-литературном повествовании Эйхенбаума так, чтобы по определенным знакам, сигналам читатель мог считать послание о современной действительности. Рассмотренные тексты, конечно, и заменяли эго-документ, служили способом выражения собственных мыслей в ситуации невозможности прямого высказывания о себе и своем отношении к происшедшему вокруг.

Библиографический список

- Any, C. (1990), Boris Eikhenbaum's Unfinished Work on Tolstoy: A Dialogue with Soviet History, *PMLA [Publications of the Modern Language Associations]*, vol. 105, no. 2 (March), p. 223–233.
- Any, C. (1994), *Boris Eikhenbaum. Voices of a Russian Formalist*, Stanford University Press, Stanford.
- Белинков А.В. Юрий Тынянов. Москва: Советский писатель, 1965.
- Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 12–20.
- Дружинин П. «Одна абсолютно обглоданная кость»: история защиты А.Л. Дымшицем докторской диссертации // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 124–147.
- Изгоев Н. Снова о Лермонтове // Известия. 1937. № 65. 16 марта. С. 3.
- История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добрен-

ко, Г. Тиханова. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.

Карпов Л. Снова о Лермонтове: Письмо из Ленинграда // Литературная газета. 1937. № 19. 10 апреля. С. 2.

Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Пер. с англ. Д. Баскина, под ред. Л. Мурзенкова. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 352 с.

Левченко Я. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. Москва, 2012.

Литературное наследство. Т. 43–44. М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I.

Львов В.С. Литературная критика формальной школы (Ю.Н. Тынянов, Б.В. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум). Специальность 10.01.10 – журналистика. Диссертация на соискание степени канд. филол.наук. Москва, 2014.

Орлова Е.И. Борис Эйхенбаум как литературный критик. Три заметки к теме // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 30–46.

Сатин Н.М. Из воспоминаний / С предисл. Е. Некрасовой // Почин: Сб. О-ва любителей рос. словесности на 1895 год. Москва: Рус. т-во печат. и изд. дела, 1895. С. 232–250.

Серман И.Б. Б.М. Эйхенбаум и проблема истории // *Revue des etudes slaves* (Paris). 1985. Vol. 51. F. 1. С. 73–82.

Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.

Успенский Б.А. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Чудакова М.О. Беллетризация или осознание жанра // Литературная газета. 1984. 12 дек. № 50.

Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 103–131.

Эйхенбаум Б., Тынянов Ю., Шкловский В. Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским / Вступительная заметка, публикация и комментарии О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218.

Эйхенбаум Б.М. М.Ю. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Москва: Гос. Издательство, 1924. 168 с.

Эйхенбаум Б.М. Ненависть из любви [О Лермонтове] // Ленинградская правда, 1939, 15 октября. С. 3.

Эйхенбаум Б.М. Основные проблемы изучения Лермонтова // Литературная учеба. 1935. №6. С. 21–41.

Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Ленинград: Советский писатель, 1969. 459 с.

Эйхенбаум Б.М. Письмо в редакцию газеты «Известия». 1937 // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 5.

Эйхенбаум Б.М. Спор Белинского с Лермонтовым. Рукопись доклада. Машинопись статьи. 15 марта – апрель 1941 // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 115. 27 лл.

References

Belinkov, A.V. (1965), *Yurii Tynyanov*, Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Gasparov, M.L. (1990), Scientific and Artistic Qualities in Tynyanov's Works, *Tynyanovskii sbornik. Chetvertye Tynyanovskie chteniya*, Zinatne, Riga, pp. 12–20.

Druzhinin, P. (2012), "One Absolutely Gnawed Bone": The History of A. L Dymshits' defense of his doctoral dissertation, *New Literary Observer*, no. 115 (3), pp. 124–147.

Izgoev, N. (1937), Again about Lermontov, *Izvestiya*, no. 65, March 16, p. 3.

E. Dobrenko, G. Tikhanova (ed.) (2011), *The History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Epochs*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Karpov, L. (1937), Again about Lermontov: the Letter from Leningrad, *Literaturnaya gazeta*, 1937, no. 19, April 10, p. 2.

Curtis, J. (2004), *Boris Eikhnenbaum: His Family, His Country, and His Country's Literature*, Translated by D. Baskin, ed. L. Murzenkov, Akademicheskii proekt, St.-Petersburg, Russia.

Levchenko, Ya. (2012), *Other Knowledge. Russian Formalists in Search of his Biography*, NIU VSHE, Moscow, Russia.

Sergievsky, I. (1941), Literary Heritage. M.Yu. Lermontov, *Academy of Science of USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin Houes Dom)*, Eikhnenbaum (ed.), Izd-vo AN SSSR, Moscow, vol. 43/44, part I.

L'vov, V.S. (2014), *Literary Criticism of Russian Formalist School (Yu.N. Tynyanov, B.V. Shklovskii, B.M. Eikhnenbaum)*, Specialization 10.01.10 – Journalism. Dissertation for the degree of Candidate of Philology, Moscow, Russia.

Orlova, E.I. (2012), Boris Eikhnenbaum as a Literary Critic. Three Notes on the Theme, *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 30–46.

Satin, N.M. (1895), *From the memoirs*, Pochin: Sb. O-va lyubitelei ros. slovesnosti na 1895 god, Rus. t-vo pechat. i izd. dela, Moscow, pp. 232–250.

Serman, I.B. (1985), B.M. Eikhnenbaum and an Issue of History, *Revue des etudes slaves*, vol. 51, f. 1, pp. 73–82.

Toddes, E.A. (2019), *Selected Works on Russian Literature and Philology*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Chudakova, M.O. (1984), Fictionalization or Awareness of the Genre, *Literaturnaya gazeta*, no. 50.
- Chudakova, M.O. (1986), Social Practice, Philological Reflection and Literature in the Scientific Biography of Eikhenbaum and Tynyanov, *Tynyanovskii sbornik: Vtorye Tynyanovskie chteniya*, Riga, pp. 103–131.
- Panchenko, O. (1984), Eikhenbaum B., Tynyanov Yu., Shklovskii V. From the Correspondence of Yu. Tynyanov and B. Eikhenbaum with V. Shklovskii, *Voprosy literatury*, no. 12, pp. 185–218.
- Eikhenbaum, B.M. (1924), *M.Yu. Lermontov. Experience of historical and literary assessment*, Gos. Izdatel'stvo, Moscow.
- Uspenskii, B.A. (1996), *Selected works*, vol. 1, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”.
- Eikhenbaum, B.M. (1939), Hate Because of Love [About Lermontov], *Leningradskaya pravda*, 15 oktyabrya, p. 3.
- Eikhenbaum, B.M. (1935), The Main Problems of Studying Lermontov, *Literaturnaya ucheba*, no. 6, pp. 21–41.
- Eikhenbaum, B.M. (1969), *On Poetry*, Sovetskii pisatel', Leningrad.
- Eikhenbaum, B.M. (1937), *The Letter to the Editorial Office of the gazette “Izvestiya”*, Russian State Archive of Literature and Arts, F. 1527, Op. 1, Ed. khr. 289, P. 5.
- Eikhenbaum, B.M. (1939–1941), *Discussion of Belinsky and Lermontov. Manuscript of the Presentation. Typescript of the article*, March 15 1939–April 1941, Russian State Archive of Literature and Arts, F. 1527, Op. 1, Ed. khr. 115, 27 pp.

Submitted: 14.04.2021

Revised: 09.06.2021

Accepted: 25.06.2021

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 16.04.2021
после рецензирования: 15.06.2021
принятия статьи: 29.06.2021

А.Г. Степанов

Тверской государственный университет,
г. Тверь, Российская Федерация;
Ланьчжоуский университет, Китайская
народная республика
E-mail: poetics@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5342-3945>

О подражаниях двум императивным стихотворениям Иосифа Бродского

Аннотация: статья посвящена проблеме литературных взаимодействий. Исследуются контактные связи между императивными стихотворениями Иосифа Бродского «Не выходи из комнаты...» (1970) и «Назидание» (1987) и их подражаниями. Авторы подражаний – непрофессиональные и профессиональный поэты. Цель работы – установить характер переключек, которые возникают в основном на ритмическом, речевом и идеологических уровнях. Методология основана на эмпирическом подходе к тексту; конкретные методики – стиховедческий анализ, сравнительный анализ, анализ мотивной структуры. В процессе исследования мы выделяем два типа подражания указанным претекстам. Первый – рефлексивное эпигонство, представленное непрофессиональными текстами сетевых авторов. Самодеятельные поэты не стремятся к диалогу с Бродским. Они создают ритмически и семантически упрощенные вариации стихотворения «Не выходи из комнаты...», ставшего «гимном самоизоляции» весной 2020 г. в условиях пандемии коронавируса. Сознательная опора на произведение авторитетного поэта как бы легитимирует создание любительской вещи и ее размещение в сети. Второй тип подражания – поэтический диалог. В этом случае новый текст приобретает дополнительные смыслы при сопоставлении с источником. Несмотря на то, что автор использует в основном «готовые» композиционно-речевые модели и лирико-повествовательные мотивы, он развивает и комбинирует их по-своему. Вот почему стихотворение М. Ватутиной «С чужими не разговаривай, жизнь у тебя одна...» нельзя отнести к так называемым вторичным текстам, несмотря на его тесную связь с императивными произведениями Бродского.

Ключевые слова: стиховедение, поэтика, сравнительный анализ, интерпретация, подражание, переключки, Иосиф Бродский, Мария Ватутина.

Цитирование: Степанов А.Г. О подражаниях двум императивным стихотворениям Иосифа Бродского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 75–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-75-82>.

Благодарности: выражаю сердечную благодарность организаторам конференции «“Современное” как проблема в истории литературы и культуры» Ксении Алексеевне Сундуковой, Ларисе Геннадьевне Тютеловой за приглашение и возможность выступить и участникам конференции за обсуждение и ценные соображения, высказанные по поводу моего доклада.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Степанов А.Г., 2021 – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы, Тверской государственный университет, 170100, Российская Федерация, г. Тверь, улица Желябова, 33; преподаватель русского языка и литературы Института иностранных языков и литератур Ланьчжоуского университета, Китай, 730000, Ланьчжоу, улица Тяньшуйнанылу, 222.

A.G. Stepanov

Tver State University, Tver, Russian Federation,
Lanzhou University, China
E-mail: poetics@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5342-3945>

On literary imitations of two imperative poems by Joseph Brodsky

Abstract: this article concentrates on the problem of literary interactions. It studies connections between Joseph Brodsky's imperative poems "Ne vykhodi iz komnaty" ("Don't leave your room", 1970) and "Nazidanie" ("Cau-

tionary Advice”, 1987), and their imitations. Those imitations were composed by both amateur and professional authors. The research objective is to define the character of similarities, the latter being mainly manifested at the rhythmic, speech and ideological levels. The methodology is based upon an empirical approach to the text; the specific methods are prosody analysis, comparative analysis, analysis of the motive structure. Two types of imitation of the said pre-texts are distinguished in the study. The first one is reflective feeble imitation represented by amateur texts written by web authors. Amateur poets create simplified variations of “Ne vykhodi iz komnaty” that became a “lockdown hymn” in the spring of 2020. Conscious support of a renowned poet’s work seems to legitimate creation of an amateur piece with its further placement on the web. The other type of imitation is a poetic dialogue. In spite of the fact that the author mainly employs “ready-made” compositional and speech patterns and lyrical and narrative motives, he develops and combines them in his own manner. M. Vatutina’s poem “S chuzhimi ne razgovarivai, zhizn’ u tebya odna...” (“Don’t talk to strangers, you’ve got just the only one life...”) may be viewed as a rhythmic and semantic paraphrase of Brodsky’s “Nazidanie” followed by definite transformations. Conceivably it cannot be referred to the so-called secondary texts in spite of its strong connection to Brodsky’s poems.

Key words: prosody, poetics, comparative analysis, interpretation, imitation, similarities, Joseph Brodsky, Maria Vatutina.

Citation: Stepanov, A.G. (2021), On literary imitations of two imperative poems by Joseph Brodsky, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 75–82, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-75-82>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Stepanov A.G., 2021** – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of History and Theory of Literature, Tver State University, 33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation; Lecturer, Institute of Foreign Languages and Literatures Lanzhou University, 222, South Tianshui Road, Lanzhou, 730000, China.

Введение

Пандемия коронавируса и карантинные меры, введенные в России весной 2020 г., актуализировали в массовом сознании стихотворение Бродского «Не выходи из комнаты...» (1970), которое сам поэт не считал программным. Переключка с Б. Паскалем («Все человеческие несчастья имеют один корень: неумение спокойно оставаться у себя в комнате») (Лосев 2011, с. 468) и черты поведения современного хикки сделали этот текст популярным в период самоизоляции:

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку? За дверью бессмысленно всё, особенно – возглас счастья. Только в уборную – и сразу же возвращайся.	3–1–2 3–1–1 1–2–1 3–1–1 1–2–2– 1–2–1–1 –2–2 1–4–1
О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора. Потому что пространство сделано из коридора и кончается счетчиком. А если войдет живая пасть разевая, выгони не разевая.	–3–1–2 3–1–1 2–2–1 –5–1 2–2–2 1–2–1–1 –2–1 –5–1
Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло. Что интересней на свете стены и стула? Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером таким же, каким ты был, тем более – изувеченным?	3–1–2 1–2–1–1 –2–2–1 1–1–1 1–2–1–1 1–1–1–2 1–2–1– 1–4–2
О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу. В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной. Ты написал много букв; еще одна будет лишней.	–3–1–2 1–1–2–1 1–1–2–1 –2–1–1 1–1–2–1 1–1–1 3–2– 1–2–1–1
Не выходи из комнаты. О, пускай только комната догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция. Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.	3–1–2 –1–2–2 1–4–1–2 3–1–2 –1–2–2 –2–1–2 3–1–2 1–4–2
Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были. Не выходи из комнаты! То есть, дай волю мебели, слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.	1–2–1– 2–1–2 3–1–2 2–0–1–2 –2–1–2 1–5–2 –2–2–2 –2–1–2

(Бродский 2001, т. 2, с. 410)

Первая строка превратилась в «ходячую цитату» (Душечкина 1998, с. 57), а финальное слово «вирус» заставило даже вспомнить о том, что поэты – пророки и написанное ими сбывается.

Не остались в стороне и филологи. На следующий день после юбилея поэта при издании «Поэти.ру» прошел открытый семинар, посвященный прочтением этого стихотворения (Не выходи из комнаты 2020). Участники семинара, комментируя текст и предлагая его интерпретации, ничего не сказали о ритмической стороне произведения. Между тем для нас она существенна.

Ход исследования

Как видно из схемы, каждая строка распадается на два сегмента-полустипа, которые могут нести два и три ударения. Такой стих, разработанный и освоенный Бродским, получил название сегментного дольника и оставался продуктивным на протяжении почти всего творчества поэта (Ляпин 2011). В «Не выходи из комнаты...» строки могут укладываться в правильный дольник («За двёрью бессмысленно всё, особенно – возглас счастья»), иметь стык ударений («Не выходи из комнаты! То есть, дай вло мебели»), содержать скопления безударных слогов обычно перед последним иктом («Потому что пространство сделано из коридора»). Если в большинстве строк слышится отчетливый интонационный словораздел, то в некоторых из них мы имеем дело с так называемой «квазицезурой» – ожиданием словораздела. «Квазицезура – это некоторая потенция, заложенная в стихе, а ее реализация обусловлена авторской и читательской стратегиями» (Семенов 2010, с. 200). Анакруса в «Не выходи из комнаты...» отчасти упорядочена парностью ритмических зачинов во 2-й и 3-й, реже 3-й и 4-й строках всех строф, кроме пятой; клаузула при сохранении парной рифмовки меняется с женской на дактилическую. Стихотворный размер – преимущественно 5–6-иктный вольный дольник.

Как отметил в упомянутой беседе А. Долинин, по типу высказывания стихотворение Бродского – автоимператив, подобно «Молчи, скрывайся и таи...» Ф. И. Тютчева или «Не позволяй душе лениться...» Н. А. Заболоцкого. Склонность к императивности присуща поэтам, «которые стремятся в лирике к философским обобщениям, к познанию общечеловеческих истин... (Державин, Баратынский, Тютчев, Заболоцкий)» (Слинина 1991, с. 88). Понятно, что имя Бродского хорошо вписывается в этот ряд. Поскольку поэтический императив обладает «обобщенной семантикой лица, афористичностью, относительной отвлеченностью» (Мелехова 2012, с. 8), в стихах с императивной речью «появляется отголосок хора. Слово и мысль получают необязательный, но возможный ореол объективной истины» (Слинина 1991, с. 88).

Такую «объективную истину» стремятся донести до читателей непрофессиональные авторы, создавая подражания «Не выходи из комнаты...» и размещая их на литературном портале Стихи.ру. Вот один из примеров с сохранением орфографии и пунктуации автора:

Не выходи из комнаты,
Не совершай ошибку...
Не иди по подъезду,
Не переступай плитку.
За двёрью на улице,
Нет не чего такого...
Чего же ты там не видел?
Ты не найдешь иного.
Да и если выйди,
Куда ты направишься?
Кругом одни нелюди,
Думаешь им понравилась???
Зайди обратно,
Запрись и забарикадируйся...
Отключи свой интернет,
Дабы не поймать вируса.
Сядь и закрой глаза,
Стань тем, кем другие не были...
И пусть этому быть всегда,
Пока за окном нелюди...

(Данилов Дали Илья 2020)

Длинная строка Бродского разделена пополам на стиховые единицы, а сам текст лишен графического членения на строфы. Такая визуальная форма – знак упрощения претекста, придающая новому стихотворению вид традиционного «столбика». Следствием этого становится и упрощение в согласовании конца строк. Рифма связывает (и то не всегда) только четные строки, клаузулы нечетных строк неравносложны: дактилическая оказывается в паре с женской (*комнаты – подъезду, на улице – не видел*), а женская – с мужской (*обратно – интернет*). Размер стихотворения – 2–3-иктный вольный дольник, допускающий редкие случаи скопления безударных слогов и более частые – стыков ударений («Дабы не поймать вируса»).

Книжно-устаревший союз «дабы» читается как стилистическая отсылка к Бродскому, который охотно пользовался этим синтаксическим средством: «...мы сломали Греческую церковь, / дабы построить на свободном месте...» («Остановка в пустыне»; 2, 167), «...что, дабы не зажмуривать ей век, / я прикрывал ладонью их...» («Шесть лет спустя»; 2, 247), «...полу- // безумных лезть под кран, дабы / рассудок не спалила злоба...» («Пенье без музыки»; 2, 386), «...краб... / зарывается в мокрый песок с кольцами мильной пряжи, / дабы остынуть...» («Колыбельная Трескового мыса»; 3, 81), «И порою окунь / всплеснет, дабы окинуть

оком / мир» («Эклога 5-я (летняя)»; 3, 222) и др. На связь с текстом-источником указывают лексические цитаты в объеме стихотворной строки, в которую превратилось полустилише Бродского, и риторические вопросы. Один из них акцентирован группой из трех вопросительных знаков, избыточной для художественной речи.

В содержательном плане тексты также существенно разнятся. Если у Бродского поэтическая мысль представляет собой философское обоснование эскапизма, то у его последователя напоминает поведение социопата. При этом состояние мизантропии созвучно признаниям лирического субъекта в «Натюрморте»: «Мне опротивел свет» (2, 422), «Я не люблю людей» (2, 423).

Другое стихотворение, развивающее тему самоизоляции и сохраняющее генетическую связь с текстом Бродского, звучит несколько иначе:

Не выходи из комнаты,
не совершай ошибку.
Самоизолируйся и прочь улыбку.

Кругом микробы. Очень страшно.
Мой руки. Не живи бесшабашно.
Не выходи из комнаты
по новому указу.
Мы лучше все умрём,
чем разнесём заразу.

Есть стул и стол и телевизор рядом,
но там большим отрядом
страшают нас. Как ядом
всё обливают день и ночь.

Не будь дураком. Сиди дома.
До психического синдрома.
Зачем тебе улица? Что там такого?
Какое тебе дело до солнышка златого?

А здесь тишина и покой.
Кроме комнаты, всё долой!
Но это опасно. Надеюсь, что скоро
в ближайшем обзоре
мы выйдем на волю.

Сама соизволю
как жить, что мне делать
и с кем мне дружить,
чем в этой жизни мне дорожить.
(Плосконосова 2020)

Акцентное начало здесь выражено сильнее, чем в предыдущем тексте, а ритмическое ожидание ударности / безударности каждого следующего слога менее предсказуемо. Хотя встречаются отдельные строки правильного ямба («Кругом микробы. Очень страшно»), амфибрахия («Но это

опасно. Надеюсь, что скоро»), дольника («Кроме комнаты, всё долой!»), они остаются частными случаями более расшатанного ритма, близкого к неравноударному тактовому. В этих условиях повышенную значимость приобретает рифма. В приведенном примере преобладает парная рифмовка, что делает его похожим по звучанию на раешный стих.

В отличие от претекста, в котором заточение автоимперативного «ты» совершается добровольно и сопровождается бодрыми телодвижениями в такт танцевальному ритму («Танцуй, поймав, боссанову...»), в подражании эту ограничительную меру диктует некая административная сила («по новому указу», «большим отрядом / страшат нас»). Отсюда настойчивое желание лирической героини самой решать свою судьбу.

Третье стихотворение – не столько прямое подражание Бродскому, сколько вариация на тему самоизоляции с отсылками к «Не выходи из комнаты...»:

Как это все знакомо,
И не знакомо вроде.
Верю, еще не кома.
Мы по квартире бродим.

Диван, туалет и ванная.
Туда, сюда и обратно.
А по утрам каша манная.
Невкусная и отвратная.

Глаза намозолил телеком.
Подушкой натер затылок.
Придавлен в прихожей великом.
Запнулся об сто бутылок.

Не выходи из комнаты.
Запнешься ногой о плинтус.
За дверь сделают темную.
Проклятый коронавирус.

От одиночества мания.
Беседуешь даже с примусом.
Чай тут тебе не Германия.
Вся зараженная вирусом.

Не выходи никогда из дома.
За дверь нарвешься на вилы.
Соседка твоя тетя Тома.
И дети ее дебилы.

И вот я о чем толкую,
На слОво поверьте, ребята.
Закончим мы жизнь такую
В две тысячи сорок пятом.
(Селиванов 2 Олег 2020)

По сравнению с предыдущими примерами, ритм здесь более упорядочен за счет соразмерности ударений (в основном 3-иктные строки) и одно- и двухсложных интервалов между ними. Это классический 3-иктный дольник с преимущественно односложной анакрусой, за исключением первого четверостишия, и перекрестной рифмовкой. Клаузула не урегулирована: в первой и двух заключительных строфах женская, в 5-й – дактилическая, во 2-й, 3-й и 4-й строфах – дактилические окончания чередуются с женскими.

Императивность текста представлена двумя советами – оставаться в комнате и не покидать своего жилища. Языковая форма первого совета («Не выходи из комнаты») отсылает к Бродскому (как и строка «Чай тут тебе не Германия» – перифраза полустихия «На улице, чай, не Франция»). Опасность быть покаленным за порогом дома сохраняется и в новом стихотворении: его герою могут устроить «темную». Анахронизмами выглядят примус и вилы, учитывая, что речь идет о современной городской квартире. Упоминание о Германии подсказывает и предполагаемый год победы над коронавирусом – спустя сто лет после окончания Великой Отечественной войны.

Во всех трех стихотворениях обращение к претексту мотивировано внелитературными причинами – пандемией коронавируса и самоизоляцией. При этом ни один из авторов не стремится к диалогу с Бродским, о чем говорит упрощение ритмической структуры. Воссоздать исходный ритм, не прибегая к подсчету слогов, почти невоз-

можно, и самодеятельные поэты облегчают себе задачу: отказываются от длинной строки с сегментами-полустихиями, заменяют регулярную парную рифмовку нерегулярной, перекрестной или полурифменным стихом, не всегда соблюдают равносложность клаузул. Вместе с тем во всех трех примерах использован неклассический стих, который удерживается в памяти непрофессиональных авторов сильнее, чем школьные правила грамматики. Незрелость текстов не является препятствием для публикации. Причина, по-видимому, не только в злободневности темы. Рефлективная опора на текст «великого» предшественника как бы легитимирует создание любительской вещи с ее последующим размещением в сети.

Принципиально иначе взаимодействует с произведением (произведениями) Бродского следующее стихотворение: см. ниже (Ватутина 2016, с. 68).

Ритмически текст, в котором строки складываются из двух сегментов-полустихий, напоминает стих Бродского. Но эти сегменты короче, чем в «Не выходи из комнаты...», и соответствуют схеме 2- и 3-иктного дольника, реже – правильного трехсложника. Вся строка может быть строкой дольника с преобладанием как двухсложного междуударного интервала («Не спускайся в метро без меня, не те времена»), так и односложного («И плодй детей, иного выхода нет»), содержать скопления безударных слогов и стык ударений («Озирайся по сторонам. Копи свечки и фонари»). Анакруса более упорядочена и совпадает не в двух, а в трех строках четырех катренов из пяти.

С чужими не разговаривай, жизнь у тебя одна.	1-4-2 2-1-
Не спускайся в метро без меня, не те времена.	2-2-2- 1-2-
Сто раз отмерь, прежде чем перейти дорогу.	1-1- 5-1-1
Садись поближе к выходу. Зови на подмогу.	1-1-1-2 1-2-1

Озирайся по сторонам. Копи свечки и фонари.	2-4- 1-0-4-
Проверяй регулярно, не растет ли чего внутри.	2-2-1 2-2-1-
Отвечай на звонки, я мать тебе или кто?	2-2- 1-4-
Не надевай в училище дорогое пальто.	3-1-2 2-2-

Падай на пол, руками голову прикрывай.	-1-1 1-1-4-
Не разевай рот на чужой каравай.	3-0- 2-2-
Не бери в полет чужую поклажу. Полет	2-1- 1-2-2-
Отменяй, чуть что. Не попадай в переплет.	2-1- 3-2-

Не наступай на грабли. Не заплывай за буйки.	3-1-1 3-2-
Обходи чугунные люки и чужие пайки.	2-1-2-1 2-2-
Не бросай в огонь документы и пульки.	2-1- 2-2-1
Осторожно, сосульки.	2-2-1

Запасай провизию. Делай тайник в стене.	2-1-2 2-1-
Живи в мире, но готовься к войне.	1-0-1 2-2-
Научись видеть спиной того, кто идет вослед.	2-0-2-1- 2-1-
И плоды детей, иного выхода нет.	2-1- 1-1-2-

(Ватутина 2016, с. 68)

Клаузула преимущественно мужская, но в первой и четвертой строках сменяется женской в 3-й и 4-й строках. Рифмовка, как и в «Не выходи...», парная. Это 4–5-иктный вольный дольник, имеющий одну особенность. Если у Бродского последний междуударный интервал, как правило, односложный, то в стихотворении Ватутиной он может быть односложным и двухсложным (не считая трех случаев скопления безударных слогов перед последним иктом).

С «Не выходи из комнаты...» стихотворение «С чужими не разговаривай...» сближает императивность высказывания. Вместе с тем едва ли не сильнее оно связано с другим императивным произведением Бродского, заглавие которого указывает на дидактический речевой жанр – «Назидание» (1987). Смысл заголовка отражает прагматику текста – дать путешественнику, отправляющемуся в мир варварства, инструкцию по выживанию (Херльт 2012, с. 22):

I

Путешествуя в Азии, ночуя в чужих домах,
в избах, банях, лабазах – в бревенчатых теремах,
чьи копченые стекла держат простор в узде,
укрывайся тулупом и норови везде
лечь головою в угол, ибо в углу трудней
взмахнуть – притом в темноте – топором над ней,
отяжелевшей от давеча выпитого, и аккурат
зарубить тебя насмерть. Вписывай круг в квадрат.
(Бродский 2001, т. 4, с. 13)

На фоне «Назидания» – «одного из наиболее развернутых сочинений на азиатскую тему у Бродского» (Лосев 2011, с. 425) – «С чужими не разговаривай...» М. Ватутиной приобретает дополнительные смыслы. Прежде, чем выявить переклички между текстами, обратимся к стихотворению Бродского, моделирующему образ Азии. Если Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий интерпретировали этот образ предельно широко («философская метафора взаимоотношений личности с мировым хаосом») (Лейдерман, Липовецкий 1993, с. 250), то Л. Лосев усматривал в нем ментально-политические коннотации. «“Азия” у Бродского – это мир исторического застоя, угрюмого коллективизма, гобссианский мир, где жестокость обыденна, цивилизация примитивна и отдельная человеческая жизнь ничего не стоит. <...> На то, что это не только и не обязательно мусульманский Восток, указывает начало “Назидания”, где азиатские жилища описаны как специфически русские – “избы, бани, лабазы” и “бревенчатые терема”» (Лосев 2011, с. 425). Об этом же говорят особенности азиатского пейзажа, в котором, наряду с горами и плоскогорьями, пустынями и илистыми реками, присутствуют лес, сменяющийся чащей, лед с полыньей и «чавкающая» грязь. Добавим сюда стилистические и бытовые приметы «русско-

сти» в их сниженном (лагерно-блатном) варианте («норови... лечь», «давеча выпитого», «аккурат», «Эй, паря», «куря, / гаси папиросу в плевке», «шаг в сторону – и кранты»), сохраняющем языковую и псевдоэтнографическую связь с Азией («Якшайся лишь с теми...», «В Азии сапоги – первое, что крадут», «И когда пилой / режут горло собаке...»).

Таким образом, в «Назидании», где Азия изображается как опасное пространство, в котором человек постоянно сталкивается с угрозами нападения и смерти, «мы имеем дело с устрашающим образом России-Азии, Евразии, соловьевской “Россией Ксеркса”» (Лосев 2006, с. 164). При этом в стихотворении звучат императивы и иного рода: они учат, «как превращать поражения в победы... как вопреки всему сохранить верность избранному пути... как в зыбкой реальности создавать островок гарантированной прочности...». В результате, складывается убеждение, что «в пространстве хаоса у человека все-таки есть устойчивая точка отсчета, незыблемая система координат – это он сам, конкретный и уникальный. И создавая свою личную зону отчуждения от хаоса, он наполняет своими усилиями экзистенциальный вакуум и тем самым вносит в мир смысл» (Лейдерман, Липовецкий 1993, с. 250):

XI

Когда ты стоишь один на пустом плоскогорье, под
бездонным куполом Азии, в чьей синеве пилот
или ангел разводит изредка свой крахмал;
когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал,
помни: пространство, которому, кажется, ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты.
(Бродский 2001, т. 4, с. 15)

Переклички между «Назиданием» и «С чужими не разговаривай...» возникают главным образом на мотивном уровне. Пожелание быть глухим и немым с незнакомцем, окликающим тебя «Эй, паря», воспроизводится в наказе ребенку не разговаривать с чужими. Осторожность следует проявлять как при выборе дома для ночлега («Всегда выбирай избу, где во дворе висят / пеленки»), так и в любом замкнутом пространстве («Сядь поближе к выходу. Зови на подмогу. // Озирайся по сторонам»). Совет «не выделяться» конкретизируется в родительском наставлении не надевать «в училище дорогое пальто». В случае нападения есть шанс уцелеть, если принять правильное положение («...укрывайся тулупом и норови везде / лечь головою в угол, ибо в углу трудней / взмахнуть – притом в темноте – топором над ней...») и «Падай на пол, руками голову прикрывай»). Опасение, что кто-то может «приписать за твой счет что-то еще себе», переходит с заменой субъекта в пословицу «Не разевай рот на чужой каравай» и пожелание

«Обходи... чужие пайки». Доверять можно только себе («Переплывай на ту / сторону только на сбитом тобою самим плоту») и никому другому («Не бери в полет чужую поклажу»). Умение запасаться и прятать – качества, необходимые для выживания («Прячь деньги в воротнике / шубы; а если ты странствуешь налегке – / в брючине ниже колена...») и «Копи свечки и фонари», «Запасай провизию. Делай тайник в стене»). Тишина обманчива: враг не дремлет и того же требует от тебя («Знай, что отблеск костра ночью на берегу, / вниз по реке скользя, выдаст тебя врагу») и «Живи в мире, но готовься к войне»). Недоверие к провожатому («Глядя в широкую, плотную спину проводника... держись / от него по возможности на расстояньи») получает зеркальный отклик в пожелании научиться «видеть спиной того, кто идет вослед».

Стихотворение «С чужими не разговаривай...» можно рассматривать как ритмический и семантический парафраз «Назидания» Бродского с определенными трансформациями. Они касаются, прежде всего, социального пространства: у Бродского оно слабо обжитое и примитивное, у Ватутиной хорошо освоенное и цивилизованное (большой город, мегаполис), но оттого не менее опасное (спуск под землю, переход улицы, авиаперелет, чугунные люки, сосульки чреватые риском для жизни). Императивность «С чужими не разговаривай...» (88 строк) связана с девятью запретами, в то время как в «Назидании» (20 строк) их семь. Человек в урбанистическом мире Ватутиной предстает более незащищенным, чем в Азии Бродского. Во всяком случае, строка «Падай на пол, руками голову прикрывай» звучит как актуальная рекомендация по выживанию в чрезвычайных ситуациях, когда угроза может исходить от террористов и от силовиков.

Императивность «С чужими не разговаривай...» акцентирована ритмико-синтаксическими средствами. Восемнадцать строк из двадцати совпадают с границами предложений, что придает каждой ритмической единице характер объективной истины. Если Бродский в «Назидании» создает образ враждебной человеку России-Азии, то Ватутина локализует этот образ в пространстве города – территории материнского страха. При этом если в «Назидании» лирический субъект, приспособившаяся к среде, «сохраняет внутри себя индивидуальный взгляд на мир», что наделяет его «чертами героического борца против варварской пустоты» (Херльт 2012, с. 22), то финал «С чужими не разговаривай...» безнадежен. Человек не способен структурировать мир, ему остается смириться со своим биологическим и божьим (Быт. 1, 22) предназначением.

Заключение

Два варианта подражания императивным стихотворениям Бродского показывают, насколько

разными могут быть результаты. В первом случае перед нами пример любительской сетевой поэзии, ищущей выхода в условиях самоизоляции. Во втором – поэтический диалог, в процессе которого рождается эстетически значимый текст, связанный с источником общностью ритмических, грамматических и идейно-смысловых структур. Отталкиваясь от предшественника, автор использует в основном «готовые» композиционно-речевые модели и лирико-повествовательные мотивы, но развивает и комбинирует их по-своему. Вот почему стихотворение М. Ватутиной вряд ли можно отнести к так называемым вторичным текстам, несмотря на его тесную связь с императивными произведениями Бродского.

Источники фактического материала

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. / общ. ред. Я.А. Гордина. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2000–2001. Т. 1–7.

Ватутина М. Осколок мира // Новый мир. 2016. № 8. С. 67–72.

Данилов Дали Илья. По мотивам стиха Бродского не выходи из комнаты. URL: <https://stihi.ru/2020/04/12/11940> (дата обращения: 13.01.2021).

Плосконосова Вера. На стихи Бродского. Не выходи из комнаты. URL: <https://stihi.ru/2020/04/28/6021> (дата обращения: 15.01.2021).

Селиванов 2 Олег. Не выходи из квартиры. URL: <https://stihi.ru/2020/08/11/1986> (дата обращения: 19.01.2021).

Библиографический список

Душечкина Е.В. Предикатив наличия в поэзии Тютчева и поэтика начала // Материалы 2-й конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования», 17–22 сент. 1998 г. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 56–59.

Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. 1993. № 7. С. 233–252.

Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2006.

Лосев Л.В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Санкт-Петербург: Вита Нова: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. Т. 2. С. 331–539.

Ляпин С.Е. «Сегментный» дольник: к описанию метрических новаций Иосифа Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2011. № 6. С. 36–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17295680> (дата обращения: 19.01.2021).

«Не выходи из комнаты»: о чем это на самом деле: [в беседе участвуют: Э. Безносков, А. Долинин, Т. Красильникова, С. Кузнецов, Р. Лейбов, О. Лек-

манов, В. Рогов, Е. Фанайлова], 25 мая 2020 г. URL: <https://polka.academy/materials/700> (дата обращения: 09.01.2021).

Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 52–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32360514&> (дата обращения: 19.01.2021).

Прохорова Э.В. «Письма русского путешественника»: география в текстах Иосифа Бродского // Философский век: альманах. Санкт-Петербург, 1999. Вып. 10: Философия как судьба: Российский философ как социокультурный тип. С. 178–191.

Семенов В. Полуступишия в позднем неклассическом стихе И. Бродского: квазицезура // Studia Slavica: сборник научных трудов молодых филологов. Tallinn: Таллинский ун-т, Ин-т славянских яз. и культур, 2010. [Вып.] 9: Punctus contra punctum. С. 199–222.

Слинина Э.В. Мысль о будущем и императивная форма речи в лирике Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: межвузовский сборник научных трудов: посвящается семидесятилетию профессора Евгения Александровича Маймина. Псков: [б. и.], 1991. С. 88–100. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ZRGCEFCnZ8%3D&tabid=10396> (дата обращения: 19.01.2021).

Херлт Й. «В ожидании варваров»: Бродский и границы эстетики // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сборник научных трудов и материалов. Москва: Новое лит. обозрение, 2012. С. 18–33.

References

Brodskii, I. (2000–2001), *Works of Joseph Brodsky*, 7 vols., Ia. A. Gordin (ed.), Pushkinskii fond, St. Petersburg, Russia.

Vatutina, M. (2016), World's fragment, *Novyi mir*, no. 8, pp. 67–72.

Danilov, Dali Il'ya. (2020), *Themed on Brodsky's poem "Don't Leave Your Room"*, [Online], available at: <https://stihi.ru/2020/04/12/11940> (accessed 13 January 2021).

Ploskonosova, Vera. (2020), *With Brodsky's lyrics "Don't Leave Your Room"*, [Online], available at: <https://stihi.ru/2020/04/28/6021> (accessed 15 Jan. 2021).

Silivanov, 2 Oleg. (2020), *"Don't Leave Your Apartment"*, [Online], available at: <https://stihi.ru/2020/08/11/1986> (accessed 19 January 2021).

Dushechkina, E.V. (1998), Availability predicative in Tyutchev's poetry and poetics of be-ginning, *Proceedings of the 2nd conference "Literary Text: Problems and Research Methods"*, 17–22 Sept. 1998, Tver State University, Tver, pp. 56–59.

Leiderman, N. and Lipovetskii, M. (1993), Afterlife, or New info on realism, *Novyi mir*, no. 7, pp. 233–252.

Losev, L.V. (2006), *Joseph Brodsky: an attempt on a literary biography*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Losev, L.V. (2011), *Notes, Brodskii, I. Short and Longer Poems*, 2 vols., Vita Nova: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, St. Petersburg, Russia, vol. 2.

Lyapin, S.E. (2011), "Segmented" accentual verse: towards a description of Joseph Brodsky's metrical innovations, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 9, Filologiya, no. 6, pp. 36–46.

"Don't Leave Your Room": what is it actually about, [discussants: E. Beznosov, A. Dolinin, T. Krasil'nikova, S. Kuznetsov, R. Leibov, O. Lekmanov, V. Rogov, E. Fanailova], 25 May 2020, [Online], available at: <https://polka.academy/materials/700> (accessed 9 January 2021).

Nesterova, N.M. and Popova, Yu. K. (2017), On the problem of differentiating between primary and secondary texts, *Vestnik Permskogo Natsional'nogo Issledovatel'skogo Politekhnikeskogo Universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*, no. 4, pp. 52–61.

Prokhorova, E.V. (1999), "Letters by a Russian traveller": geography in Joseph Brodsky's texts, *Philosophical Age*, almanac, vol. 10, Philosophy as a fate, A Russian philosopher as a sociocultural type, St. Petersburg, Russia, pp. 178–191.

Semenov, V. (2010), Hemistichs in J. Brodsky's late non-classical verse: a quasi-caesura, *Studia Slavica, collection of papers by young philologists*, Tallinskii universitet, Institut slavyanskikh yazykov i kul'tur, Tallinn, Estonia, vol. 9, Punctus contra punctum, pp. 199–222.

Slinina, E.V. (1991), A thought of the future and imperative speech Pushkin's lyric poetry, *Problems of contemporary Pushkin studies, inter-university collection of papers, dedicated to 70th anniversary of Professor Evgeny Aleksandrovich Maimin*, [b. i.], Pskov, pp. 88–100.

Kherl't, I. (2012), "Waiting for barbarians": Brodsky and the borders of aesthetics, *Joseph Brodsky: problems of poetics, collection of papers and materials, Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 18–33.

Submitted: 16.04.2021

Revised: 15.06.2021

Accepted: 29.06.2021

УДК 316.342.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 21.04.2021
после рецензирования: 18.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

Т.В. Гаврилюк

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3396-0959>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Оценка готовности к трудовой миграции молодежи нового рабочего класса

Аннотация: статья посвящена исследованию трудовой мобильности и возможности использования систематизированных социологических данных для измерения готовности к трудовой миграции рабочей молодежи. Цель данной работы – сконструировать методику (логический индекс) и оценить уровень готовности к трудовой миграции молодежи нового рабочего класса Уральского федерального округа (УрФО). Объект исследования – рабочая молодежь (15–29 лет), занятая в промышленности и в сфере сервисных услуг. На основе кластерного анализа данных массового анкетного опроса, проведенного в УрФО в 2018 г., рассматривается гендерная, отраслевая и территориальная специфика уровня готовности к трудовой миграции трех социальных типов рабочей молодежи: «зарабатывающих», «выживающих» и «адаптированных». По итогам проведенного исследования можно утверждать, что наиболее выражена готовность к трудовой миграции среди сельской молодежи социального типа «выживающие», среди молодых женщин социального типа «зарабатывающие», а также среди рабочей молодежи, занятой в сфере сервисных услуг, независимо от ее социального типа. Результаты исследования могут быть востребованы органами государственного управления для измерения уровня готовности к трудовой миграции в своем регионе и выработки региональных целевых программ эффективного использования трудовых ресурсов.

Ключевые слова: молодежь нового рабочего класса, трудовая миграция, индекс готовности к трудовой миграции, кластерный анализ.

Цитирование: Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Оценка готовности к трудовой миграции молодежи нового рабочего класса // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 83–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90>.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гаврилюк Т.В., 2021 – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

© Бочаров В.Ю., 2021 – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14; научный сотрудник, Центр перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

T.V. Gavrilyuk

Industrial University of Tyumen,

Tyumen, Russian Federation

E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3396-0959>**V.Yu. Bocharov**

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: vlad.bocharov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

The readiness assessment regarding labor migration of the new working-class youth

Abstract: the article is devoted to the study of labor mobility and the possibility of using systematic sociological data so as to gauge the readiness for labor migration of the working youth. The purpose of this work is to construct a methodology (logical index) and assess the readiness level of labor migration of the new working-class youth of the Ural Federal District (UFD). The study object is working youth (15-29 years old), employed in the sphere of industry and in the field of services. Based on the cluster analysis of data from a mass questionnaire survey (which was conducted in the Ural Federal District in 2018), the gender, the industry and territorial specifics of the readiness level concerning labor migration of three social types of the working youth – “the earning ones”, “the surviving ones” and “the adapted ones”, have been analysed. According to the results of the study, it is definite that the most quantified readiness regarding labor migration is among the rural youth of the social type “the surviving ones”, among young women of the social type “the earning ones”, as well as among the working youth employed in the service sector (regardless of their social type). The results can be used by public authorities in order to gauge the readiness level of labor migration in the particular region and to develop regional targeted programs concerning the effective use of labor resources.

Key words: new working-class youth, labor migration, readiness index of labor migration, cluster analysis.

Citation: Gavrilyuk, T.V. and Bocharov, V.Yu. (2021), The readiness assessment regarding labor migration of the new working-class youth, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 83–90, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90>.

Acknowledgments: the article has been prepared with the support of the RSF (Russian Science Foundation) grant No. 17-78-20062 «Life strategies of young people of the new working class in modern Russia».

Information about conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© **Gavrilyuk T.V., 2021** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher, The Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, 38, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625000, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2021** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation; associate research fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; Scientific Researcher, The Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, 38, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625000, Russian Federation.

Введение

Уже к началу XXI века российскими социологами было доказано, что для эффективного функционирования социально-трудовой сферы общества, наряду с рациональным использованием трудовых ресурсов, важное значение имеет выравнивание уровней социального развития территорий и необходимость регулирования миграционных потоков (Тощенко 2001, с. 333). Между тем имеющийся опыт эмпирических исследований трудовой мобильности пока не позволяет государственным управленцам получить надежный

и простой в применении инструмент для измерения уровня потенциальной трудовой миграции, что было бы важно для обоснованного социального планирования и проектирования программ развития социально-трудовой сферы. При этом важным условием для эффективного применения подобного социологического инструмента должна, на наш взгляд, стать предварительная типологизация объекта анализа. Выполнение такого условия позволяет, с одной стороны, социологам обоснованно давать рекомендации, а с другой – управленцам принимать научно обоснованные

решения в области социальной политики относительно не просто «населения региона» или даже «социально-демографической группы», а в отношении конкретного социального кластера (Бочаров, Гаврилюк 2021).

Отметим, что в выполненном ранее с участием соавтора этой статьи (Т.В. Гаврилюк) исследовании был успешно апробирован способ кластерной группировки результатов массового социологического опроса, в результате которого были выделены 8 типологических синдромов, лежащих в основе различий алгоритмов социальной мобильности российской молодежи. А в целом по результатам того исследования было обосновано существование двух моделей социальной мобильности российской молодежи: «дистрибутивно-патерналистской» и «конкуренто-достиженческой» (Гаврилюк и др. 2016). Между тем по итогам исследования 2016 года было признано целесообразным продолжить научный поиск в конструировании эмпирической типологии алгоритмов социальной мобильности на основании ряда типобразующих признаков (Гаврилюк и др. 2016, с. 54). И уже в настоящем исследовании такая задача была реализована, а теоретическим основанием для выделения социальных типов молодежи нового рабочего класса явилась социологическая концепция баланса работы и личной жизни (Бочаров 2020).

Цель нашего исследования – сконструировать методику (логический индекс) и оценить уровень готовности к трудовой миграции рабочей молодежи Уральского федерального округа (УрФО). Основными исследовательскими задачами являлись: 1) выделить на основе анализа кластеризованных данных социальные типы рабочей молодежи; 2) рассчитать значения логического индекса готовности к трудовой миграции (Игтм) для каждого из выделенных социальных типов рабочей молодежи и оценить их готовность к трудовой миграции.

Опыт исследований трудовой мобильности

В советской традиции трудовая мобильность и в частности трудовая миграция нередко анализировалась в рамках понятия «движение рабочей силы». Более того, это понятие рассматривалось как «родовое» по отношению к таким формам перемещения работников, как трудовая миграция, оборот и текучесть кадров, перемена рабочих мест занятых в конкретной организации, профессиональная и межотраслевая мобильность. При этом «движение рабочей силы» интерпретировалось в качестве формы воспроизводства трудовых ресурсов, являющейся проявлением двух типов социальной мобильности: вертикальной (при повышении квалификации или служебного продвижения, смены рода занятий на более высоко-

оплачиваемое и престижное) или горизонтальной (переход на другое место работы без изменения профессии и квалификации) (Самарцева 2006, с. 46). Ряд исследователей продолжали использовать понятие «движение рабочей силы» и в постсоветские годы, но главным образом в рамках социолого-экономических исследований (Гимпельсон, Горбачева, Липпольдт 1997). В свою очередь, еще в советское время ряд исследователей отдавали предпочтение термину «трудовая мобильность». Так, Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина подчеркивали важность междисциплинарного экономико-социологического подхода к проблеме трудовой мобильности (Заславская, Рывкина 1974). В конце 1990-х годов исследованиям трудовой мобильности были посвящены работы Е.М. Авраамовой (Авраамова 1999) и В.И. Кабапиной (Кабапина 1999). Наряду с этим, другие авторы, опираясь на западную традицию (Todaro 1969; Harris, Todaro 1970; Scheiner, Holz-Rau, 2013), делали в своих исследованиях акцент на изучении феномена трудовой миграции (Рыбаковский 1987; Зайончковская 2003; Мукомель 2012; Рыбаковский 2017). Уже в настоящее время появляются междисциплинарные концепции, также, как правило, апеллирующие к зарубежным источникам (Goldthorpe 2016), рассматривающие профессиональную мобильность как форму трудовой мобильности, выражающуюся в профессиональном, квалификационном, социальном, отраслевом, территориальном и других перемещениях индивидов и являющуюся неким механизмом адаптации работников к новым технологическим и экономическим условиям (Брайнин, Дидковская 2018). В результате появляются комплексные исследования, посвященные причинам и механизмам трудовой мобильности, в частности российской молодежи, в условиях современного российского рынка труда, характеризующегося многими авторами «как экономически и социально бесперспективный и стимулирующий к трудовой, в том числе зарубежной миграции» (Тощенко и др. 2020, с. 249). Например, в исследовании «Молодежь: конструирование трудовой биографии», выполненном под руководством М.К. Горшкова, показано, что молодые люди чаще всего совершают переезды по образовательным и трудовым мотивам (Горшков и др. 2018).

В рамках нашего собственного исследования «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России» используется понятие «пространственная мобильность». Пространственная мобильность молодежи нового рабочего класса (МНРК) рассматривалась нами на эмпирическом примере отдельного российского региона (УрФО) как совокупность географических перемещений, а также миграционных планов и намерений. Анализ миграционных настро-

ений МНРК производился посредством изучения её позиций в отношении возможностей самореализации в нашей стране, а также косвенных признаков – оценок прошлого и настоящего России, самого факта проживания в стране. В анкетном опросе и интервью также выявлялся уровень пространственной мобильности молодёжи в связи с особенностями трудового поведения. В целом, результаты исследования показывают, что рабочая молодежь стремится к путешествиям, готова пробовать себя в новых ролях, достаточно гибко относится к возможности переезда в случае трудовой необходимости или наличия лучших условий труда, однако масштаб её реальной пространственной мобильности крайне ограничен. Эмиграционные настроения в среде рабочей молодежи российской провинции крайне низки – в 2,5 раза меньше, чем в целом по стране. По данным количественного исследования, они присутствуют менее чем у десятой части респондентов, при этом более половины опрошенной молодежи готовы проводить отпуск, получить образование, поработать за границей. Однако в действительности мобильность МНРК чаще всего ограничена пределами соседних городов, своего региона. В целом по массиву около 64 % опрошенной рабочей молодежи никогда не выезжали из страны (это в два раза больше, чем в среднем по России). Такой ситуации во многом способствует транслируемая в официальных СМИ политика нормализации внутренней трудовой миграции и одновременно стигматизации – внешней трудовой миграции (Гаврилюк и др. 2020).

Методология исследования

В качестве объекта эмпирического исследования выступала рабочая молодежь (15–29 лет), проживающая на территории УрФО. В эту категорию молодежи (молодежь нового рабочего класса) мы включаем занятых во всех сферах экономической деятельности, но не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. При этом труд таких работников рутинизирован и разделен на стандартизированные сегменты, а также поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов (Гаврилюк и др. 2019). С использованием возможности интерсекциональной методологии рабочая молодежь рассмотрена нами с учетом трех стратификационных признаков: социальный класс (новый рабочий класс), гендер и возраст (Гаврилюк, Бочаров 2018). В качестве инструмента исследования использовалась целевая многоступенчатая выборка (ошибка выборки не превышает 5 %) по четырем критериям: возраст, пол, место жительства (город и сельская местность в соответствии с распределением населения в УрФО), сфера занятости (промыш-

ленность и сфера сервиса). Анкетный опрос был проведен в 2018 г. в трех городах (Екатеринбурге, Кургане и Тюмени) и типичной для этих регионов сельской местности. Всего опрошено 1534 респондента.

Обработка результатов исследования проведена с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 20. Проведенный анализ данных анкетного опроса (метод вращения Varimax с нормализацией Kaiser) позволил выделить две группы факторов: удовлетворенности работой и достаточности/дефицита свободного времени. На основе полученных факторов был осуществлен кластерный анализ (методом K-Means было отобрано 1342 наблюдения) и выделены три социальных типа рабочей молодежи: «зарабатывающие», «выживающие», «адаптированные». Теоретическим основанием такой типологии явилась концепция баланса работы и личной жизни (Гаврилюк и др. 2020).

Социальные типы МНРК:

«Зарабатывающие» (N = 478) успешно реализуют свои профессиональные навыки, не обращая внимание на низкий уровень комфорта на рабочем месте. Такие работники ориентированы на материальный успех даже в ущерб своему свободному времени. Их основная стратегия – зарабатывание денег.

«Выживающие» (N = 540) – для которых занятость не является приоритетом, а является вынужденной стратегией выживания в условиях дефицита свободного времени и низкой удовлетворенности социальных потребностей.

«Адаптированные» (N = 324) – ориентированы преимущественно на свободное время. Они не готовы жертвовать комфортной обстановкой и общением с коллегами ради более высокого заработка или движения по карьерной лестнице, адаптируясь к различным видам трудовой деятельности, не имеющей для них первостепенного значения (Бочаров 2020).

Далее был выполнен анализ кластеризованных данных с применением сконструированного логического индекса готовности к трудовой миграции (Игтм). Подобные логические индексы ранее успешно апробированы и применялись одним из соавторов этой статьи (В.Ю. Бочаров) в ходе многолетних мониторинговых исследований социально-трудовой сферы Самарской области. Например: индекс возможности массового конфликта Ивмк, индекс готовности к трудовому конфликту Игтк и др. (Бочаров 2008; Бочаров 2010). Также индексный метод использовался уже в данном исследовании при анализе уровня прекарности МНРК – индекс прекарности трудовых отношений Ипто (Бочаров 2021).

В данном случае расчет Игтм производился по ответам респондентов на вопрос анкеты «Рассма-

триваете ли Вы возможность переезда на другое место жительства ради работы?» следующим образом:

1. Доля ответов «Да, я намерен переехать ради работы» умножается на коэффициент +1,0.
2. Доля ответов «Если будут подходящие условия, то готов переехать» умножается на коэффициент +0,5.
3. Доля ответов «Не собираюсь менять место жительства из-за работы» умножается на коэффициент -1,0.
4. Все три полученные цифры суммируются и делятся на 100. Рассчитанный таким образом Игтм изменяется в пределах от -1,0 (минимальный уровень готовности к трудовой миграции) до +1,0 (максимальный уровень готовности к трудовой миграции).

Ход исследования

Выполненный расчет Игтм показывает, что наиболее выражена готовность к трудовой миграции среди сельской молодежи социального типа «выживающие» (значение индекса 0,24) (табл. 1), среди женщин социального типа «зарабатывающие» (значение индекса 0,21) (табл. 2), а также среди рабочей молодежи, занятой в сфере сервиса (независимо от социального типа значение индекса - 0,22) (табл. 3).

Полученные результаты и выводы

В целом, данные нашего исследования свидетельствуют, что масштаб реальной пространственной мобильности МНРК крайне ограничен. В основном их перемещения ограничиваются локальными региональными поездками в пределах

Таблица 1

Готовность к трудовой миграции среди респондентов территориальных групп

Уровень готовности к трудовой миграции	Зарабатывающие		Выживающие		Адаптированные	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1. Высокий <i>Да, я намерен переехать ради работы</i>	17,8%	19,8%	17,6%	18,4%	19,7%	19,2%
2. Средний <i>Если будут подходящие условия, то готов переехать</i>	55,1%	52,1%	51,0%	58,4%	52,8%	46,2%
3. Низкий <i>Не собираюсь менять место жительства из-за работы</i>	27,1%	28,1%	31,4%	23,2%	27,5%	34,6%
Итого:	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Игтм	0,18	0,18	0,12	0,24	0,19	0,08

Таблица 2

Готовность к трудовой миграции среди респондентов гендерных групп

Уровень готовности к трудовой миграции	Зарабатывающие		Выживающие		Адаптированные	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1. Высокий <i>Да, я намерен переехать ради работы</i>	14,6%	22,1%	17,6%	17,9%	19,6%	19,5%
2. Средний <i>Если будут подходящие условия, то готов переехать</i>	57,5%	51,1%	51,1%	54,2%	51,3%	52,5%
3. Низкий <i>Не собираюсь менять место жительства из-за работы</i>	27,9%	26,8%	31,3%	27,9%	29,1%	28,0%
Итого:	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Игтм	0,15	0,21	0,12	0,17	0,16	0,18

Таблица 3

Готовность к трудовой миграции среди респондентов групп по сфере деятельности

Уровень готовности к трудовой миграции	Зарабатывающие		Выживающие		Адаптированные	
	Промышленность	Сфера услуг	Промышленность	Сфера услуг	Промышленность	Сфера услуг
1. Высокий <i>Да, я намерен переехать ради работы</i>	14,7%	21,0%	16,2%	19,1%	21,1%	17,9%
2. Средний <i>Если будут подходящие условия, то готов переехать</i>	55,4%	53,5%	48,9%	55,9%	46,0%	57,7%
3. Низкий <i>Не собираюсь менять место жительства из-за работы</i>	29,9%	25,5%	34,9%	25,0%	32,9%	24,4%
Итого:	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Игтм	0,13	0,22	0,06	0,22	0,11	0,22

административного образования. При этом наиболее выраженным мотивом миграционных намерений является поиск достойного рабочего места. Практически каждый пятый респондент (18,2 %) указал, что уже занят поиском работы и планирует переехать туда, где это место найдет. Еще 53,3% готовы сменить место жительства, если будут подходящие для них условия работы в другом городе, регионе. Лишь немногим более четверти опрошенных (28,2 %) ради работы не готовы покинуть свое место жительства. Все это говорит о достаточно высоком уровне региональной трудовой мобильности молодежи и ее значимости в структуре мотивации труда и занятости МНРК. Между тем уровень готовности к потенциальной трудовой миграции среди разных групп МНРК различен. Так, обращает на себя внимание факт большей по сравнению с мужчинами готовности сменить место жительства ради поиска работы среди женщин всех социальных типов МНРК. При этом больше всего готовы к трудовой миграции женщины социального типа «зарабатывающие» (значение Игтм – 0,21). Также более высокую готовность к трудовой миграции проявляют, по сравнению с занятыми на промышленных предприятиях, работающие в сфере сервисных услуг (независимо от социального типа МНРК значение Игтм – 0,22). А максимальный уровень готовности к трудовой миграции, по результатам расчета Игтм, наблюдается среди МНРК сельских муниципальных районов социального типа «выживающие» (значение Игтм – 0,24).

Предложенная методика оценки уровня готовности к трудовой миграции является по сути социологическим экспресс-тестом, позволяющим быстро и без существенных затрат оценить готовность к трудовой миграции среди различных групп населения муниципального образования или всего

региона. Такую методику, учитывая наш опыт многолетних мониторинговых исследований состояния социально-трудовой сферы предприятий и организаций Самарской области, в первую очередь, могли бы использовать региональные министерства труда, занятости и миграционной политики при осуществлении ведомственного оперативного контроля за состоянием миграционных потоков трудовых ресурсов. Важно, что для применения такой методики необходима предварительная работа по типологизации респондентов, что повышает вероятность принятия эффективных управленческих решений по отношению к конкретным проблемам определенных групп населения.

Широко применяемый в настоящее время подход к анализу данных массовых количественных опросов по потенциально дифференцированным, но рассматриваемым как единое целое социально-демографическим и иным группам, выглядит сомнительным. Выделение в нашем исследовании социальных типов МНРК является одним из примеров необходимой подготовки социологических данных для дальнейшего аналитического использования. Именно для таких типологических групп, учитывая гендерную (прежде всего для женщин), территориальную (переезд из села в город) и отраслевую специфику занятости (поиск работы в более прекаризированной сфере занятости – сферы сервиса и услуг), региональным министерствам труда, занятости и миграционной политики необходимо разрабатывать специальные программы поддержки и адаптации внутренних трудовых мигрантов. Учитывая низкий материальный уровень доходов МНРК социального типа «выживающие», для них, особенно в условиях переезда из села для поиска работы в город, необходимы реальные механизмы материальной и социальной поддержки для быстрого трудоустройства

и адаптации на новом месте жительства. В то же время для «зарабатывающих» (в первую очередь женщин) необходимы другие программы – карьерного роста, профессионального обучения и создания благоприятных условий труда. В целом такой дифференцированный подход может существенно снизить социальную напряженность на региональном рынке труда, обеспечит рациональное регулирование миграционных потоков, повысит эффективность использования трудовых ресурсов.

Библиографический список

- Аврамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // *Общественные науки и современность*. 1999. № 3. С. 5–12.
- Бочаров В.Ю. Возможности применения индексов для анализа состояния социального института трудового найма: опыт самарского мониторинга социально-трудовой сферы // *Современная социология в поисках новых методологических подходов и методов исследования*. Самара: Универс групп, 2008. С. 114–120.
- Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // *Социально-трудовые исследования*. 2020. № 39 (2). С. 113–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.
- Бочаров В.Ю. Социальный институт трудового найма в современной России. Самара: Самарский университет. 2010, 640 с.
- Бочаров В.Ю. Уровень прекаризации рабочей молодежи Урала // *Социально-трудовые исследования*. 2021. № 42 (1). С. 36–44. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-36-44.
- Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Молодежь нового рабочего класса как объект государственной социальной политики и инвестирования // *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. Vol. 19, № 1. С. 69–84. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-69-84.
- Брайнин Б.А., Дидковская Я.В. Профессиональная мобильность молодежи: анализ основных подходов в социологической науке // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции*, Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 1. С. 101–105.
- Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // *The Journal of Social Policy Studies*. 2018. Vol. 16, № 3. С. 537–545. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545.
- Гимпельсон В., Горбачева Т., Липпольдт Д. Движение рабочей силы // *Вопросы экономики*. 1997. № 2. С. 125–133.
- Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта, 2020. 408 с.
- Зайончковская Ж. Трудовая миграция // *Отечественные записки*. 2003. № 3 (12). С. 177–188.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О принципах и основных элементах программирования исследования трудовой мобильности // *Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов*. Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1974. С. 44–207.
- Кабалина В.И. Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // *Социологический журнал*. 1999. № 3/4. С. 20–35.
- Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта, 2019. 392 с.
- Молодежь: конструирование трудовой биографии. Отв. редактор М.К. Горшков. Москва: Институт социологии ФНИСЦ РАН; 2018. 148 с. DOI: 10.19181/inab.2018.1.
- Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // *Россия реформирующаяся*. Вып. 11: Ежегодник. Отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2012. С. 236–263.
- Особенности социальной мобильности молодежи XXI века: коллективная монография. Под ред. В.В. Гаврилюк. Тюмень: ТИУ, 2016. 131 с.
- Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография). Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. Москва: Наука, 1987. 199 с.
- Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // *Социологические исследования*. 2017. № 10. С. 56–63.
- Самарцева О.К. Движение рабочей силы / *Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь*. Отв. ред. В.А. Ядов. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 426 с. С. 46–47.
- Тощенко Ж.Т. *Социология. Общий курс*. Москва: Прометей: Юрайт-М, 2011. 511 с.
- Goldthorpe, J.H. (2016), Social class mobility in modern Britain: changing structure, constant process, *Journal of the British Academy*, vol. 4, pp. 89–111.
- Harris, J.R. and Todaro, M.P. (1970), Migration, unemployment, and development: A two-sector analysis, *The American Economic Review*, vol. 60 (1), pp. 126–142.
- Scheiner, J. and Holz-Rau, C. (2013), A comprehensive study of life course, cohort, and period effects on changes in travel mode use, *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, vol. 47, pp. 167–181.

Todaro, M.P. (1969), A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries, *The American Economic Review*, vol. 59 (1), pp. 138–148.

References

Avraamova, E.M. (1999), Social mobility in the context of the Russian crisis, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* = *Social sciences and modernity*, no. 3, pp. 5–12.

Bocharov, V.Yu. (2008), Possibilities of using indices for analyzing the state of the social institution of labor hiring: the experience of Samara monitoring of the social and labor sphere, *Modern sociology in search of new methodological approaches and research methods*, Univers Group, Samara, Russia.

Bocharov, V.Yu. (2020), The concept of work-life balance as the basis for a typology of strategies for labor behavior of working youth, *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* = *Social and labor research*, no. 39 (2), pp. 113–129, DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.

Bocharov, V.Yu. (2010), *Social Institute of Labor Hiring in Modern Russia*, Samara University, Samara, Russia.

Bocharov, V.Yu. (2021), Precarious employment and young workers in the Ural region, *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* = *Social and labor research*, no. 42 (1), pp. 36–44, DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-36-44.

Bocharov, V.Yu. and Gavriluk, T.V. (2021), The New Working-Class Youth as the Object of State Social Policy and Investment, *The Journal of Social Policy Studies*, vol.19, no. 1, pp. 69–84, DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-69-84.

Braynin, B.A. and Didkovskaya, Ya.V. (2018), Professional mobility of young people: analysis of the main approaches in sociological science, *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the IV International Scientific and Practical Conference*, Yekaterinburg, April 23–24, 2018: in 2 vol., vol. 1, pp. 101–105.

Gavriluk, T.V. and Bocharov, V.Yu. (2018), Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 16, no. 3, pp. 537–545, DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545.

Gimpel'son, V., Gorbacheva, T., Lippol'dt, D. (1997), Labor movement, *Voprosy ekonomiki* = *Problems of economics*, no. 2, pp. 125–133.

Life strategies of new working-class youth (2020), T.V. Gavriluk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Zayonchkovskaya, Zh. (2003), Labor migration, *Otechestvennyye zapiski*, no. 3 (12), pp. 177–188.

Zaslavskaya, T.I. and Ryvkina, R.V. (1974), On the principles and basic elements of programming the study of labor mobility, *Methodological prob-*

lems of sociological research of labor mobility, T.I. Zaslavskaya and R.V. Ryvkin (eds.). Nauka, Novosibirsk, USSR, pp. 144–207.

Kabalina, V.I. (1999), Labor mobility: organizational, institutional and socio-structural factors, *Sotsiologicheskii zhurnal* = *Sociological journal*, no. 3/4, pp. 20–35.

New working-class youth in modern Russia (2019), T.V. Gavriluk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Youth: construction of a work biography (2018), M.K. Gorshkov(ed.), Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/inab.2018.1.

Mukomel', V.I. (2012), Transformation of labor migration: social aspects, *Rossiya reformiruyushchayasya* = *Reforming Russia*, Issue 11: Yearbook. M.K. Gorshkov (ed.), Novyy khronograf, Moscow, Russia, pp. 236–263.

Features of social mobility of youth of the XXI century (2016), V.V. Gavriluk (ed.), Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia.

The precariat: the formation of a new class (2020), Zh.T. Toshchenko (ed.), Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia.

Rybakovskiy, L.L. (1987), *Population migration: Forecasts, factors, policies*, Nauka, Moscow, USSR.

Rybakovskiy, L.L. (2017), Functions and consequences of migration processes, *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* = *Sociological studies*, no. 10, pp. 56–63.

Samartseva, O.K. (2006), Labor movement, *Sociology of labor. Theoretical and Applied Ex-planatory Dictionary*, ed. V.A. Yadov, Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp.46–47.

Toshchenko, Zh.T. (2001), *Sociology. General course*, Prometey, Yurayt-M, Moscow, Russia.

Goldthorpe, J.H. (2016), Social class mobility in modern Britain: changing structure, constant process, *Journal of the British Academy*, vol. 4, pp. 89–111.

Harris, J.R. and Todaro, M.P. (1970), Migration, unemployment, and development: A two-sector analysis, *The American Economic Review*, vol. 60 (1), pp. 126–142.

Scheiner, J. and Holz-Rau, C. (2013), A comprehensive study of life course, cohort, and period effects on changes in travel mode use, *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, vol. 47, pp. 167–181.

Todaro, M.P. (1969), A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries, *The American Economic Review*, vol. 59 (1), pp. 138–148.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

УДК 748

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-91-97

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 14.04.2021
после рецензирования: 18.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

Г.В. Еремичева
Социологический институт РАН,
филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: eremag@mail.ru

Прекаризация трудовых отношений в условиях дистанционного режима работы во время COVID-карантина

Аннотация: широкомасштабные социальные последствия мировой COVID-эпидемии потребовали многостороннего анализа ее влияния на глобальные процессы общественного развития страны. Особенно заметные изменения наблюдаются в сфере труда и трудовых отношений. Более чем годовая самоизоляция и условия карантина вызвали необходимость введения дистанционного режима работы, ускорили темпы освоения цифровых технологий почти во всех сферах занятости, обусловили новые требования к специализированным качествам и компетенциям работников. Массовый переход на удаленный режим оказался профессиональным вызовом для многих работников с разным социальным статусом и способностью включиться в цифровую экономику в динамично короткие сроки. Работники, не сумевшие адаптироваться к новым условиям, потеряли работу. Несмотря на позитивные стороны работы в удаленном режиме, выявлен ряд негативных сторон, серьезно влияющих на повседневную жизнь в пандемической реальности. Среди них наиболее ощутимые: нарастающая неопределенность и непрозрачность правовых форм труда и зарплаты, индивидуализация работников, которые углубляют процесс прекаризации трудовых отношений. Выводы сделаны по результатам анализа пилотажных интервью предпринимателей и бюджетников в условиях карантинных ограничений, анализа материалов официальной статистики, данных мониторинга аналитических центров ВЦИОМа, ФОМа, НАФИ и других.

Ключевые слова: COVID-карантин, самоизоляция, удаленный режим работы, прекаризация, трудовые отношения, глобализационные процессы.

Цитирование: Еремичева Г.В. Прекаризация трудовых отношений в условиях дистанционного режима работы в условиях COVID-карантина // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 91–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-91-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Еремичева Г.В., 2021** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором социоурбанистики Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 198005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская, 25/14.

G.V. Eremicheva
Sociological Institute of FCTAS RAS,
Sankt-Petersburg, Russian Federation
E-mail: eremag@mail.ru

Precairization of employment relationships in remote-working conditions during COVID-quarantine

Abstract: the large-scale social consequences of the global COVID epidemic demanded a multilateral analysis of its impact on the global processes of social development of the country. Particularly noticeable changes are observed in the sphere of work and labor relations. More than a year's self-isolation and quarantine conditions necessitated the introduction of a remote work mode, accelerated the pace of mastering digital technologies in almost all areas of employment, and determined new requirements for the specialized qualities and competencies of workers. The massive transition to remote work turned out to be a professional challenge for many workers with different social status and required the ability to get involved in the digital economy in a dynamically short time frame. Employees who were unable to adapt to new conditions lost their jobs. Despite the positive aspects of working remotely, a number of negative aspects have been identified that seriously

affected everyday life in a pandemic reality. Among them the most tangible are: the growing uncertainty and opacity of the labor and wages legal forms, individualization of workers, which deepen the process of labor relations' precarization. The conclusions were made in accordance with the results of the analysis of entrepreneurs' and public sector employees' pilot interviews under conditions of quarantine restrictions, the analysis of materials from official statistics, monitoring data from analytical centers of Russian Public Opinion Research Center, Public Opinion Foundation, National Agency for Financial Studies and others.

Key words: COVID-quarantine, self-isolation, remote work, precarization, labor relations, globalization processes.

Citation: Eremicheva, G.V. (2021), Precarization of employment relationships in remote-working conditions during COVID-quarantine, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 91–97, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-91-97>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Eremicheva G.V., 2021** – Candidate of Philosophy, senior researcher, Head of the Socio-Urban Studies Sector, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 25/ 14, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 198005, Russian Federation.

Введение

Социальные последствия, вызванные мировой эпидемией, настолько глубоки и масштабны, что требуют многостороннего анализа ее влияния на глобальные процессы дальнейшего общественного развития страны. Особенно явные изменения наблюдаются в сфере труда и трудовых отношений. Более чем годовая самоизоляция и условия COVID-карантина серьезно сказались на появлении непривычных форм трудовой занятости и взаимоотношениях работодателя и работника на рынке труда.

Одним из триггеров этих изменений в период карантина стали рекомендации Роспотребнадзора о переводе работников на дистанционный режим работы в ходе осуществления правительственных санитарно-эпидемиологических мероприятий. Это коснулось, в первую очередь, тех работников, которые могут выполнять производственные задания за пределами офиса, и их деятельность не связана с жизнеобеспечением населения непосредственно.

Безусловно, сравнительно быстрый и массовый переход на такой режим работы мог быть осуществлен только на современном уровне технологического развития и сетевой экономики с внедрением цифровых технологий почти во все сферы занятости. А также активным включением в глобальные процессы формирования расширенного гибкого рынка и гибких форм занятости, увеличения мобильности капитала и роли финансов в структуре рыночных и трудовых отношений. По мнению многих исследователей, эти макроструктурные процессы обуславливают нарастание неопределенности и непрозрачности правовых форм труда и занятости, индивидуализацию сознания работников, определяемые как свидетельства прекаризации трудовых отношений (Kalleberg 2009, Капельс 2009, Болтански, Кьяпелло 2011, Тощенко 2015, 2018).

Удаленный режим работы и его социальные последствия.

Введение дистанционного режима работы оказалось новым профессиональным вызовом для многих работников с разным социальным статусом и способностью включения в цифровую экономику в динамично короткие сроки.

Необходимость работы в дистанционном режиме потребовало ускоренного освоения цифровых технологий работниками почти всех сфер занятости, способствовало формированию новых специализированных качеств и компетенций работников. Наиболее существенными для работы на «удаленке» оказались следующие из них:

- 1) активное использование цифровых технологий для коммуникации с работодателем (заказчиком), с другими исполнителями проекта, что обуславливает возможность работы в команде с помощью специальных компьютерных технологий (ZOOM, Skype, Viber Out, Discord, Jitsi и другие);
- 2) умение самостоятельно принимать креативные решения, сочетая весь багаж профессиональных знаний с накопленным практическим опытом в сиюминутной ситуации;
- 3) более четкое представление окончательного результата конкретного рабочего задания и его значимости для проекта в целом;
- 4) персональная ответственность за качественное выполнение конкретного задания в строго установленные сроки;
- 5) самооценка значимости в сравнении собственных задач карьерного роста и качества повседневной жизни.

Несомненно, совершенствование таких качеств повышает уровень конкурентоспособности работника, активизирует его способности к постоянному освоению новых знаний и расширению профессиональных горизонтов, обеспечивает работнику сохранение рабочего места на рынке труда. Однако работники, не сумевшие успешно адаптироваться к новым условиям и не отвечающие новым требованиям работодателей, потеряли

работу. Следует отметить, что женщин увольняли чаще, чем мужчин (Воробьева 2021).

Несмотря на отмечаемые информантами позитивные стороны работы в удаленном режиме: возможность планировать свой рабочий день, экономить временные и материальные затраты на дорогу до офиса и обратно, такой режим характеризуется и рядом негативных спектров, которые стимулируют прекаризацию трудовых отношений. Основными маркерами таких отношений оказываются:

- 1) увеличение неопределенности и непрозрачности новых правовых форм трудовой деятельности и стабильности;
- 2) заметная формализация трудовых отношений между работниками и работодателем, и прежде всего в сфере заработной платы, в связи с увеличением различного рода разовых доплат или, наоборот, вычетов;
- 3) гибкие формы найма работников, т.е. контрактная система трудового договора работодателя и работника с упрощенной процедурой приема и увольнения;
- 4) сокращение времени непосредственно общения работника и работодателя снижает уровень доверия между ними;
- 5) трудности в области солидаризации с коллективом сотрудников;
- 6) нарушение соотношения баланса трудовой занятости и личного времени для отдыха и самобразования, занятий с детьми и домашними делами;
- 7) обострение возрастных и гендерных проблем в отношениях «успешных» и «неуспешных» по степени встраивания их в повседневность, и проблем людей, находящихся в постоянном контакте в достаточно замкнутом жилищном пространстве;
- 8) большая индивидуализация сознания работника, обуславливающая значительный рост социальной, психологической и физической напряженности, которая ускоряет процесс профессионального выгорания.

Негативные ощущения работы на удаленке значительно усиливаются тем, что реальные доходы населения неуклонно падают, тем самым увеличивая долю малоимущих. По данным Росстата, в 2020 году они снизились на 3 %, а в первом квартале 2021 года еще на 3,6 % в годовом выражении. В такой ситуации темпы поляризации населения на группы бедных и богатых еще более ускоряются (Николаев 2021, с.11).

Достаточно тревожной является статистика по доле среднего класса в структуре российского населения. По данным экспертов Высшей школы экономики, даже по самым мягким критериям, к этому слою можно отнести лишь 10-15 % населения России. Доля среднего класса в структуре

населения наиболее экономически развитых стран составляет от 60 до 80 % (Гонтмахер 2021, с.8).

Безусловно, карантинные ограничения и переход на дистанционный режим работы не столько создали новые социальные тренды, сколько значительно обострили и ярче высветили уже имевшиеся старые проблемы, требующие внимания и решения на самом высоком уровне управления (Милюкова 2020).

Усиливающееся ощущение незащищенности, нарастающие трудности трудовой деятельности и психологического напряжения не могут не беспокоить экономистов, социологов, управленцев и представителей общественности.

Поэтому изучением пандемической реальности в настоящее время заняты многие исследователи (Левашов 2020, Евдокимова 2020, Решетников 2020, Ослон 2021, Goralska 2020 и др.), а аналитические центры ВЦИОМ, ФОМ с Проектом КовидФОМ, НАФИ, Criteo, HH.ru и другие ведут постоянный мониторинг изменений в этом исследовательском поле. В СИРАН также проводятся пилотажи по изучению изменений традиционных и формированию новых трудовых практик предпринимателей и бюджетников в условиях карантинных ограничений.

Результаты эмпирических исследований

Анализ статистики мониторингов позволил проследить основные тенденции и социально-демографические характеристики работающих в удаленном режиме.

Достаточно легко перешли на работу в удаленном режиме представители IT-индустрии: 7 % (в выборке работающих их 1 %) и сферы экономики и финансов: 6 % (среди всех работающих их также 1 %), имеющие достаточный опыт работы в таком режиме. Среди удаленщиков широко представлены работники сферы образования: их доля составляет 19 % (в то время как среди всех работающих их 4 %).

Как выяснилось, возможность работы на удаленном режиме и условия ее осуществления во многом определялись спецификой места проживания индивидов, наличием интернета и развитостью локальной инфраструктуры, обеспечивающей возможности выполнения конкретных производственных задач вне офиса.

В первую очередь были переведены на дистанционный режим школьные учителя и вузовские преподаватели, которые пусть и вынужденно, но относительно быстро освоили Zoom и Skype, ставшие их главными рабочими инструментами. Как говорят представители этих профессий, значительную часть работы они могли выполнять в онлайн-режиме, но отсутствие очных контактов с учащимися значительно усложняло их работу, требовало дополнительных усилий для сохране-

ния достигнутого ранее качества преподавания (Социология пандемии 2021, с. 114).

Условно «удаленным» можно определить режим работы социальных работников, наших информантов. Специалисты-психологи проводили консультирование своих клиентов в ZOOM, Skype как персонально, так и в группе сначала из дома, а потом была организована специальная видеосвязь, по которой каждый консультант работал с клиентом или группой строго по расписанию, чтобы во время консультации в офисе находился только один человек. Сотрудники старшего возраста могли работать только из дома. Для работы в таком режиме специалистам и социальным психологам пришлось срочно адаптировать свои методики работы с подопечными, что вызвало определенные трудности и снижало качество.

В 2020 г. 33 % или треть компаний также перевели целиком или частично своих сотрудников на удаленный формат работы. Категорию полных или частичных «удаленщиков» составило подавляющее большинство людей с высшим образованием (81 %), и половина из них – в возрасте 31–45 лет. Доля женщин оказалась больше, чем мужчин, 56 и 44 % соответственно (там же, с. 103–104).

Молодые гораздо быстрее адаптировались к новым формам работы, поскольку имели достаточно большой опыт работы с компьютером (Как изменились 2020).

Хочется более подробно остановиться на том, что в условиях карантина появились совершенно новые требования к жилищным условиям, в которых было необходимо организовать рабочее место со свободным доступом к технологическим и техническим средствам (интернет, телефон, другие средства связи), возможность уединиться на достаточно длительное время (Goralska 2020).

Результаты исследований показали, что массовое стандартное малогабаритное жилье не обеспечивает комфортного соблюдения режима самоизоляции и дистанционной работы. Многие из респондентов сообщали, что не имеют возможности организовать так называемый «домашний офис» (home-office) со специальной мебелью, надежной телекоммуникацией. Достаточно проблематичным для многих оказался процесс установления непривычных домашних правил с близкими, которые проживают совместно и в этот период также находятся на самоизоляции. По данным социологов (центра НАФИ), треть россиян оценивают свое жилье как некомфортное для постоянной и качественной работы в таком режиме. После снятия карантина многие из них собираются улучшить свои жилищные условия. Но в большинстве случаев отсутствие материальных средств позволит ограничиться либо ремонтом, либо перепланировкой (Новая нормальность 2020, с. 18).

Возникшие острые жилищные проблемы красноречиво подтверждаются данными показательного исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН. Только 10 % россиян имеют «средние» жилищные условия, включающие наличие всех основных видов удобств, доступ в интернет, а также 1 комнату на члена семьи при общей площади жилья от 23–40 кв.м. на человека. И менее чем 5 % россиян владеет жильем, условия которого квалифицируются как «хорошие». Это наличие комнаты на человека, т.е. например, 4-комнатная квартира на семью из 3 человек с общей площадью не менее 40 кв.м. на каждого члена семьи (Гонтмахер 2021, с. 8).

Наибольшие трудности перехода на дистанционный режим работы проявились на начальном этапе объявления карантина, опрошенные работники и работодатели отмечали повышение степени напряженности и снижение эффективности труда при переходе на дистанцию (Решетников и др. 2020, с. 141).

Четко обозначившуюся тенденцию иллюстрируют данные опроса, проведенного ФОМом среди работающих в удаленном формате жителей Москвы и Московской области. Так, 40 % ответивших отмечают снижение собственной эффективности, невозможность сосредоточиться на работе из-за родственников или домашних дел (24 % и 22 % соответственно). Каждый пятый (18 %) отметил наличие трудностей с самоорганизацией, 16 % – технические проблемы (Социология пандемии 2021, с. 17).

Как обнаружилось, в процессе работы в дистанционном режиме самым существенным качеством работника стало умение правильно соотносить время работы и личной жизни, сочетать критическую оценку своей продуктивности с пониманием ценности своего здоровья, личностного роста и отношений с близкими. Соблюдение такого баланса оказалось основной трудностью работы на удаленке, о которой говорят все респонденты. Распределение времени работы и отдыха, рационального сочетания интересов и потребностей всех членов семьи, а также стирание граней личного жизненного пространства многие респонденты относят скорее к негативным обстоятельствам «удаленки» (Евдокимова 2020).

Показательны данные сервиса HH.ru и аналитического центра НАФИ – 16 % сотрудников утверждают, что с переходом на «удаленку» их отношения с работодателем заметно испортились, а 13 % отметили, что конфликтов с начальством стало больше. Треть сотрудников российских компаний (36 %) в период самоизоляции пришли к выводу, что место работы пора менять. Еще 43 % пока находятся на перепутье и начинают интересоваться различными вакансиями. Это связано с

тем, что 45 % опрошенных отметили, что в период карантина им урезали зарплату, в ряде случаев ограничивали их права. Еще треть опасается, что оплата их труда может снизиться в ближайшее время.

Вместе с тем специалисты в области труда уверены, что причины не только в общем кризисе и сокращении бюджетов. По их мнению, многие руководители не могут найти оптимальное соотношение между гиперконтролем и бесконтрольностью, а неотработанные до сих пор конкретные правила фиксации рабочего времени и степени контроля нагрузки в течение рабочего дня сильно влияют на рабочие отношения (Новая нормальность 2020, с. 15).

Следовательно, отсутствие установленных правовых форм трудовой деятельности, рабочего времени, заработной платы и т.п. в новом режиме создают ситуацию, когда и работники, и работодатели сталкиваются с проблемой оформления соответствующих правовых отношений. В действующем трудовом законодательстве не окончательно разработаны специальные нормы, регулирующие временное или частичное выполнение работником своей работы вне стационарного рабочего места. Узаконить эти недоработки призван закон о внесении изменений в Трудовой кодекс РФ с требованием установления порядка взаимодействия работодателя и работника в дистанционном формате. Этот порядок в рамках коллективного трудового договора должен включать соблюдение условий работы дистанционно, прописанную процедуру передачи результатов и отчетов по запросам работодателя, соотношение их с локальными и нормативными актами, а также с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. Впервые понятие дистанционной трудовой деятельности становится юридически признаваемым (Федеральный закон 2021).

Существующие нарушения норм, условий и правовых форм трудовой деятельности и, прежде всего, заработной платы, в связи с многочисленными разовыми доплатами или, наоборот, с введением различных вычетов, снижают уровень доверия к работодателю, размывают границы и степень солидаризации в коллективе сотрудников (Ивушкина 2020).

Все это приводит к большей индивидуализации работника, обуславливает значительный рост социальной, психологической и физической напряженности и ускоряет процесс профессионального выгорания.

Важно и то, что общие условия незащищенности и возрастающие человеческие затраты труда и времени распространяются на представителей почти всех социально-профессиональных слоев, занимающих далеко не маргинальное положение

в обществе и вносящих разный вклад в преодоление дезорганизации и самоизоляции создавшейся ситуации (Попова, Яцик 2020, с. 90).

Результаты исследований как наших собственных, так и других авторов убеждают, что большая часть работающих не были готовы к таким радикальным изменениям в их деятельности и вынужденной интенсификации дистанционного режима работы. Многократно нарастающие в период карантина неопределенность и нестабильность порождают в людях сомнения в будущем благополучии и процветании. Не указывают ли они на то, что массовый переход на цифровые технологии и удаленный формат работы, при всех несомненных достоинствах, сопровождается углублением процесса прекаризации трудовых отношений, рутинизацией атипичных форм занятости на рынке труда (Сизова, Григорьева 2019, с. 54).

За время карантина накоплена огромная база как количественной, так и качественной информации, и она позволила выявить важные тенденции и социальные практики этого периода, которые нередко означают гораздо больше, чем абсолютные цифры. Устойчивость социальных трендов и укорененность социальных практик будут проверяться в дальнейшей перспективе. Это особенно актуально, поскольку период пандемической реальности может затянуться еще надолго со всеми долгосрочными общественными и социальными последствиями (Российское общество 2020, с. 43).

Библиографический список

Goralska, M. (2020), Anthropology from Home: Advice on Digital Ethnography for the Pandemic Times, *Anthropology in Action* 27, no. 1, pp. 46–52, DOI:10.3167/aia.2020.270105.

Kalleberg Arne, L. (2009), Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition, *American sociological review*, vol. 74 (February: 1–22), pp. 3–22.

Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А., Никушова Е.Н., Рассадина Д.С. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. Аналитический центр НАФИ. Москва: Издательство НАФИ, 2020. 73 с. URL: https://nafi.ru/upload/New%20normal_NAFI%20project (дата обращения 12.06.21).

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. Перевод с фр.; под общ. ред. С. Фокина. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 974 с.

Виноградова Е. Безработница: в 2020 году женщин увольняли чаще, чем мужчин // Известия. 2021. 16.02. URL: <https://iz.ru/1124957/ekaterina-vinogradova/bezrabotnitca-v-2020-godu-zhenshchin-uvolniali-chashche-chem-muzhchin> (дата обращения 12.06.2021).

Гонтмахер Е. Искоренение среднего класса // Новая газета. 2021. № 60, 04.06. с. 8.

Евдокимова Е.П. Трансформация повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19 // Социология и право. 2020. № 4. С. 32–41. DOI: doi.org/10.35854/2219-6242-2020-4-32-41.

Ивушкина А. Трудовая инфекция: число обращений о нарушении прав работников выросло втрое: граждан все больше волнует проблема увольнения // Известия. 2020. 21. 05. URL: <https://iz.ru/1013511/anna-ivushkina/trudovaia-infektsiia-rabotniki-vtroie-chashche-zhaluiutsia-na-narusheniia-prav> (дата обращения 12.06.2021).

Как изменились потребительские привычки россиян в период социального дистанцирования // IMAH. Research Team V1. Russia. Criteo. 2020. URL: <https://www.criteo.com/ru/wp-content/uploads/sites/10/2020/07/COVID-2-Russia-2020-06-01-RU-version.pdf> (дата обращения 08.06.2021).

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. Пер. с фр. Н.А. Шматко, О.И. Кирчик, Ю.В. Маркова. Общ. ред. пер. Н.А. Шматко. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. 574 с.

Милукова Я. Расслоение среднего класса: как коронавирус увеличит неравенство в России // Forbes. Финансы и инвестиции. 2020. 02.06. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/401979-rassloenie-srednego-klassa-kak-k> (дата обращения 15.06.2021).

Николаев И. Государство всеобщего кредитования // Новая газета. 2021. № 60 04.06. с. 7.

Попова С.М., Яник А.А. Цифровая эксплуатация пользователей информационных сетей и платформ. Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.). Отв. ред. О. П. Новоженина; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 341с. С.89-90. URL: <http://испи.рф/product/декчтения-2> DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020 ISBN 978-5-89697-341-6 (дата обращения 12.06.2021).

Проект КоронаФОМ. URL: https://covid19.fom.ru/?utm_source=fomru&utm_medium=banner&utm_campaign=k_fom&utm_content=header (дата обращения 04.06.2021).

Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.

Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. Осипов Г.В. и др.; под ред.

Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. Отв. ред. В.К. Левашов. Москва: ИТД «Перспектива», 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5 DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1.

Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. № 1. С. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279.

Социология пандемии. Проект коронаФОМ. Рук. авт. колл. А.А. Ослон. Москва: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Москва: Наука, 2018. 350 с.

Федеральный закон от 08.12.2020. № 407-ФЗ 1 января 2021 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080047> (дата обращения 04.06.2021).

References

Aymaletdinov, T.A., Gil'debrandt, I.A., Nikishova, Ye. N., Rassadina, D. S. (2020), *Novaya normal'nost'. Obraz zhizni, rynki, infrastruktura i kommunikatsii posle pandemii*, Analiticheskiy tsentr NAFI, Izdatel'stvo NAFI, Moscow, Russia, [online], available at: https://nafi.ru/upload/New%20normal_NAFI%20project (accessed 12 June 2021).

Boltanski, L., K'yapello, E. (2011), *Novyy dukh kapitalizma*, S. Fokina (ed.), *Novoye literaturnoye obozreniye*, Moscow, Russia (in Russian).

Vinogradova, Ye. (2021), *Bezrobotnitsa: v 2020 godu zhenshchin uvol'nyali chashche, chem muzhchin*, *Izvestiya*, 16 february, [online], available at: <https://iz.ru/1124957/ekaterina-vinogradova/bezrobotnitsa-v-2020-godu-zhenshchin-uvolniali-chashche-chem-muzhchin> (accessed 16 Feb 2021).

Gontmakher, Ye. (2021), *Iskoreneniye srednego klassa*, *Novaya gazeta*, vol. 60, 04 June, p. 8.

Yevdokimova, Ye.P. (2020), *Transformatsiya povsednevnykh praktik gorodskogo naseleniya Rossii v usloviyakh pandemii COVID-19*, *Sotsiologiya i pravo*, vol. 4, pp. 32–41.

Ivushkina, A. (2020), *Trudovaya infektsiya: chislo obrashcheniy o narushenii prav rabotnikov vyroslo vtroye: grazhdan vse bol'she volnuyet problema uvol'neniya*, *Izvestiya*, 21 May, [online], available at: <https://iz.ru/1013511/anna-ivushkina/trudovaia-infektsiia-rabotniki-vtroie-chashche-zhaluiutsia-na-narusheniia-prav> (accessed 12 June 2021).

Kak izmenilis' potrebitel'skiye privyehki rossiyan v period sotsial'nogo distantsirovaniya (2020), IMAH, Research Team V1, Russia, Criteo, [online], available at: <https://www.criteo.com/ru/wpcontent/uploads/>

sites/10/2020/07/COVID-2-Russia-2020-06-01-RU-version.pdf (accessed 08 June 2021).

Kalleberg, Arne L. (2009), Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition, *American sociological review*, vol. 74, february, pp. 3–22.

Kastel', R. (2009), *Metamorfozy sotsial'nogo vo-prosa. Khronika nayemnogo truda*, Per. s fr. N.A. Shmatko, O.I. Kirchik, YU.V. Markova. Obshch. red. per. N.A. Shmatko, Aleteyya, St. Petersburg, Russia (in Russian).

Milyukova, Yu. (2020), Rassloyeniye srednego klassa: kak koronavirus uvelichit neravenstvo v Rossii, *Forbes. Finansy i investitsii*, 02 June, [online], available at: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investitsii/401979-rassloenie-srednego-klassa-kak-k> (accessed 15 June 2021).

Nikolayev, I. (2021), Gosudarstvo vseobshchego kreditovaniya, *Novaya gazeta*, vol. 60, 04 June, p. 7.

Popova, S.M., Yanik, A.A. Tsifrovaya ekspluatatsiya pol'zovateley informatsionnykh setey i platform, *Vtoryye dekabr'skiye sotsial'no-politicheskiye chteniya «Kak zhivesh', Rossiya?»*. *Rossiyskoye sotsial'noye gosudarstvo i grazhdanskoye obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proyektov v usloviyakh postpandemicheskoy real'nosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Moscow, 10 Dec. 2020), O. P. Novozhenina (ed.), FNISTS RAN, Moscow, pp. 89–90, [online], available at: <http://испи.рф/product/дектяня-2>, DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020 ISBN 978-5-89697-341-6 (accessed 12 June 2021).

Proyekt KoronaFOM, (2020), [online], available at: https://covid19.fom.ru/?utm_source=fomru&utm_medium=banner&utm_campaign=k_fom&utm_content=header (accessed 04 June 2021).

Reshetnikov, A.V., Prisyazhnaya, N.V., Pavlov, S.V., Vyatkina N.YU. (2020), *Vospriyatiye pandemii COVID-19 zhitelyami Moskvy*, *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 7, pp. 138–143.

Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoye polozheniye i demograficheskoye razvitiye Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu (2020), Osipov G.V. i dr., G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy, V.K. Levashov (ed.), ITD «Perspektiva», Moscow, Russia, DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1.

Sizova, I.L., Grigor'yeva, I.A. (2019), Lomkost' truda i zanyatosti v sovremennom mire, *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 1, pp. 48–71, DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279.

Sotsiologiya pandemii. Proyekt koronaFOM (2021), Ruk. avt. koll. A.A.Oslon, Institut Fonda Obshchestvennoye Mneniye (FOM), Moscow, Russia.

Stending, G. (2014), *Prekariat: novyy opasnyy klass*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russian).

Toshchenko, Zh.T. (2015), Prekariat – novyy sotsial'nyy klass, *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 6, pp. 3–13.

Toshchenko, Zh.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu*, Nauka, Moscow, Russia.

Federal'nyy zakon ot 08 February 2020 Vol. 407-FZ 1 yanvarya 2021 goda, [online], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080047> (accessed 04 June 2021).

Submitted: 14.04.2021

Revised: 18.06.2021

Accepted: 28.06.2021

УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110

Научная статья
Scientific articleДата: поступления статьи: 19.04.2021
после рецензирования: 14.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021**А.Г. Арсеенко**Институт социологии Национальной
академии наук Украины, г. Киев, Украина
E-mail: anatoliy.arseenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-6487>

Трансформация занятости в условиях цифрового капитализма: мифы и реалии социальных последствий дигитализации глобальной экономики

Аннотация: статья посвящается изучению социальных последствий трансформации занятости в мире капитала в условиях современной экспансии глобального капитализма и цифровизации глобальной экономики. Особое внимание уделяется доказательству несостоятельности нынешней мифологизации цифровой экономики с целью прикрытия антирабочей направленности различных форм нестандартной и неформальной занятости, которая получила широкое распространение во всех трех мирах современной мир-системы в рамках цифрового капитализма. В центре анализа влияния цифровой экономики на социально-экономическое положение трудящихся находится цифровизация сферы труда и социально-трудовых отношений в США, которые служат образцом для подражания во всем мире, особенно в экономически развитых странах глобального Севера. Цифровизация труда в странах «золотого миллиарда» планеты, как и в странах «третьего» мира и с «переходной» экономикой, вместо обещанного уменьшения противоречий между трудом и капиталом, привела их к еще большему обострению и породила новый вид социального неравенства – цифровое неравенство – как внутри всех стран, так и между ними. Автор делает вывод о значительном усилении эксплуатации труда в результате цифровой революции и необходимости поиска и внедрения новых форм мироустройства под лозунгом социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибыли!».

Ключевые слова: цифровизация, трансформация, цифровая экономика, цифровой капитализм, стандартная занятость, нестандартная занятость, гиг-экономика, платформы, эксплуатация труда, пандемия Covid-19, мифология.

Цитирование: Арсеенко А.Г. Трансформация занятости в условиях цифрового капитализма: мифы и реалии социальных последствий дигитализации глобальной экономики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 98–110. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арсеенко А.Г., 2021 – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Украины, 01021, Украина, г. Киев, ул. Шовковична, 12.

A.G. ArseienkoInstitute of Sociology of the National Academy
of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
E-mail: anatoliy.arseenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3137-6487>

Employment transformation in digital capitalism: myths and realities of the social consequences of the global economy digitalization

Abstract: the article is devoted to the study of the social consequences of the employment transformation in the world of “capital” in the context of the modern expansion of global capitalism and the digitalization of the global economy. Particular attention is paid to proving the inconsistency of the current mythologization of the digital economy in order to cover up the anti-labor orientation of various forms of non-standard, informal employment, which has become widespread in all three worlds of the modern world-system within the framework of digital capitalism. At the center of the analysis of the digital economy impact on the workers’ socio-economic situation is the digitalization of the world of work and social and labor relations in the United States, that serve as a role model throughout the world, especially in the economically developed countries

of the global North. The digitalization of labor in the Golden Billion countries, as well as in the Third World countries with a transition economy instead of the promised reduction of the contradictions between labor and capital led them to an even greater exacerbation and gave rise to a new type of social inequality – digital inequality – both inside all countries and between them. The author concludes that there has been a significant increase in the labor exploitation intensification as a result of the digital revolution and the need to search for and introduce new forms of world order under the slogan of the alterglobalists' social movement – “People are higher than profits”.

Key words: digitalization, transformation, digital economy, digital capitalism, standard employment, precarious work, gig economy, platforms, labor exploitation, Covid-19 pandemic, mythology.

Citation: Arseienko, A.G. (2021), Employment transformation in digital capitalism: myths and realities of the social consequences of the global economy digitalization, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 98–110, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-98-110>.

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Arseienko A.G., 2021 – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Leading Researcher of the Department of Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 12, Shovkovichna St., Kiev, 01021, Ukraine.

Введение

На исходе XX века в штаб-квартирах стран «золотого миллиарда» планеты преобладали оптимистические настроения, вызванные разрушением мировой социалистической системы во главе с СССР и снятием главного барьера на пути к планетарной экспансии капитализма. В то же время волна эйфории захлестнула Соединенные Штаты, которые провозгласили себя страной-победительницей в холодной войне и единственной сверхдержавой. Имперские устремления США к учреждению «американского века» (*Rex Americana*) стимулировались пропагандой выводов американского философа Ф. Фукуямы о поражении всех идеологий, соперничающих с либеральной демократией, якобы представлявшей собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», т.е. «конец истории» (Фукуяма 2004, с. 7).

В том же ключе формировали общественное мнение популярные социологические концепции посткапиталистического, постэкономического, постиндустриального и других обществ, претендовавшие на преодоление коренных пороков капиталистического строя и устранение издержек «стального» XX века. Все они изобиловали обещаниями повысить уровень жизни трудящихся во всем мире в результате реализации «дивидендов мира». С этой целью обывателям «глобальной деревни» навязывались многие мифы о благотворном влиянии глобализации, которая сравнивалась глобалистами с Мировым океаном, приливные волны которого раньше или позже прибьют все лодки мировой экономики – большие и малые – к берегу счастья.

Однако глобализация является как объективным естественнoисторическим, так и субъективным процессом, который активно используется сильными мира сего для идеологического прикрытия подлинной сущности «нового мирового

порядка» и американизации всего мира. В этом контексте не приходится удивляться несостоятельности и краху надежд трудового народа в Старом и Новом Свете на повышение заработной платы и других условий труда в результате использования «дивидендов мира». Не оправдались и ожидания людей труда на всех континентах на улучшение своего социально-экономического положения в рамках широко рекламируемых новых обществ с приставкой «пост». Тем не менее в массовое общественное сознание продолжает внедряться ложное представление о социально-экономических последствиях компьютеризации, информатизации и цифровизации в стане капитализма.

В интерпретации империалистической пропаганды США и других стран ОЭСР внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономическую практику приведет к трансформации традиционных форм занятости в интересах трудящихся. В действительности это привело к противоположным результатам в сфере труда, что и следовало ожидать. Ибо, как подчеркивает известный британский социолог К. Мэй: «Технологии не существуют независимо от общества, которое их создало. Они являются продуктом этого общества, отражая его характер, обычаи и интересы. Новые технологии создаются в процессе социальных отношений, и хотя они могут иметь влияние на эти отношения, это влияние не обязательно является революционным или способным к значительным социальным преобразованиям. Мало того, влияние технологий не есть непосредственным и автоматическим, оно является предметом социальной договоренности, отражая предшествующие социальные обычаи и практики» (Мей 2004, с. 195). В связи с этим анализ социальных последствий цифровизации глобальной экономики является сегодня крайне актуальным и представляет значительный не только академический, но и практический интерес.

Обзор научных источников по проблематике статьи

В современной зарубежной историографии и исторической социологии имеется множество как апологетических, так и критических научных работ по проблемам трансформации занятости в условиях глобального капитализма во всех трех мирах: первом (страны «ядра»), втором (страны полупериферии) и третьем (страны периферии). Важную роль в исследовании особенностей вхождения стран «третьего мира» и с «переходной» экономикой в глобальное цифровое пространство играет анализ источников, в которых критически рассматривается деятельность международных экономических и финансовых институтов – драйверов «Вашингтонского консенсуса». «Официальная цель этого документа, – пишет австралийский ученый М. Стигер, – заключалась в реформировании внутренних экономических механизмов стран-должников в развивающемся мире... Однако практически условия этой программы расцифровываются как новая форма колониализма» (Steager 2013, p. 57).

Лечение экономик бывших колониальных и социалистических стран по рецептам МВФ оказалось для подавляющего большинства из них, в т.ч. и для Украины, дороже самой болезни и завершилось практически тотальным вытеснением их на обочину глобального капитализма (Арсенко 2019). В рамках проведения политики демократизации, вестернизации и глобализации по-американски новоявленные колонизаторы «прихватизировали» в «новых рыночных демократиях» многие советские достижения НТР, в т.ч. в области ИКТ, а также стимулировали утечку из них «мозговых сливок», в т.ч. высококвалифицированных «ай-тишников», в западные страны.

Особого внимания социологов, занимающихся исследованием последствий цифровизации труда, заслуживают работы, которые раскрывают сущность «цифрового капитализма». В интерпретации американского социолога Д. Шиллера, в течение XX века большой бизнес продвигал свои интересы в качестве старшего партнера в союзе с разнообразными некоммерческими институтами, в т.ч. с университетами, профессиональными обществами, правительственными агентствами и т.д., а на исходе XX века корпорации приступили к прямому поглощению ключевых функций своих союзников в деле социального воспроизводства. «Цифровой капитализм, – отмечает Шиллер, – свободен физически преодолевать территориальные границы и, что более важно, извлекать экономические преимущества из внезапного отсутствия геополитических ограничений на пути его развития» (Schiller 1999, p. 205). Снятие барьеров на пути к экспансии глобального капитализма во главе с США стало возможным вследствие разрушения

мировой системы социализма и вытеснения бывших соцстран на периферию глобального мира. За этим последовал социальный реванш буржуазии, приведший к ухудшению положения людей труда во всем мире вопреки оптимистическим прогнозам адвокатов цифровизации.

По словам заслуженного профессора социологии Кембриджского университета Й. Терборна, в результатах дигитализации экономики в рамках цифрового капитализма отчетливо видно «влияние технологий на ускорение промышленного производства, вылившееся в относительную деиндустриализацию и, как следствие, исчезновение традиционной среды существования рабочего класса» (Терборн 2021, с. 61). В конечном итоге это привело к значительному расширению нестандартных форм занятости (НЗ) в прокрустовом ложе гиг-экономики. Эти проблемы получили наиболее полное и адекватное освещение в критических социологических журналах типа «Critical Sociology», публикациях ООН, Международной организации труда (МОТ) и периодических профсоюзных изданиях.

Методология и методика исследования

Для исследования социальных последствий цифровизации занятости и труда нами был избран системный подход. Это обусловлено тем, что, по словам Н. Срничека и А. Уильямса, «Наши проблемы становятся все более системными и глобальными – и требуют столь же системной реакции» (Срничек 2019, с. 67). В сочетании с критическим историко-социологическим подходом, используемым в цифровой социологии, системный подход расширяет перспективы научного познания этих сложных проблем. Социология как академическая дисциплина, отмечает австралийский социолог Д. Луптон, традиционно играла важную роль в выявлении и комментировании социально-экономических неравенств на рабочем месте и в других социальных сферах. В настоящее время, когда цифровые технологии все больше становятся частью как академического, так и производственного мира, критический подход к анализу социальных последствий цифровизации труда «должен быть неотъемлемым аспектом цифровых социологических исследований» (Lupton 2012, с. 8–9).

В решении этой задачи важно учитывать вывод американского историка М. Кранзберга о том, что технологии не бывают ни хорошими, ни плохими; ни нейтральными. Взаимодействие технологий с социальной экологией таково, что технические разработки часто приводят к экологическим, социальным и человеческим последствиям, которые выходят за рамки непосредственных целей самих технических устройств и методов. Одни и те же технологии, используемые в разных контекстах или в разных обстоятельствах, могут привести к

совершенно разным результатам. Поэтому долг исследователя состоит в том, чтобы сравнивать краткосрочные и долгосрочные результаты применения технологий; утопические надежды с реальными достижениями; что могло бы произойти с тем, что на самом деле произошло; компромиссы между различными «позитивами» и возможными «негативами» на основе исследования того, как технологии взаимодействуют с разными ценностями и институтами, а также со всей социокультурной средой (Kranzberg 1995, с. 5). Поправление названных принципов апологетами цифровизации по-американски привело к культивированию во всем мире мифотворческих работ оптимистов дигитализации, преследующих цель под прикрытием буржуазной риторики о всеобщих выгодах НЗ проложить путь гиг-экономике и капитализму платформ к усилению эксплуатации труда.

Результаты исследования

1. Мифологизация цифровизации глобальной экономики

В преддверии вступления человечества в третье тысячелетие своей истории диффузия инноваций в области ИКТ в мировом экономическом пространстве приняла «взрывной» характер, что способствовало ускорению глобализации и созданию «сетевой экономики». В соединении всех континентов Земли в единую глобальную систему и вовлечении в нее народонаселения всего мира важную роль сыграла Всемирная паутина Интернета, ставшая одной из наиболее весомых инноваций XX века. Накануне 2021 г. число Интернет-пользователей достигло 4 929 926 187 чел. и охватило более половины обитателей мира. В III кв. 2020 г. на долю стран Азии приходилось 51,8 %, Европы – 14,8 %, Африки – 12,8 %, Латинской Америки / Карибского бассейна – 9,5 %, Северной Америки – 6,8 %, Ближнего Востока – 3,7 %, Океании / Австралии – 0,6 % мировой численности лиц, имеющих доступ к Всемирной паутине (Internet Users 2020). Интернет-бум предоставил возможность «капитанам индустрии» в ТНК и «хозяевам денег» в ТНБ перемещать ресурсы и выполнять производственные и финансовые операции мгновенно и одновременно во многих точках планеты.

Превращение Интернета в одного из ведущих драйверов глобализации, который способствовал расширению пространственных и иных элементов мировой экономической системы, активно использовалось приверженцами и собственниками ИКТ для продвижения своих интересов. Они наделили их свойствами и характеристиками ресурса особого рода, якобы доступного всему человечеству и несущего всевозможные блага всем членам мирового сообщества. В соответствии с их утверждениями, цифровизация не знает национальных границ, позитивно влияет на все стороны жизни

общества, в т.ч. и на социально-трудовые отношения в мире капитала. По мнению сторонников внедрения ИКТ в социальную, экономическую и политическую практику, цифровые технологии революционизируют сферу труда и служат потенциальным мостиком для перехода всех стран к строительству нового «инклюзивного» капитализма, якобы способного разрешить мириаду острых социально-экономических проблем в интересах трудового народа.

К оптимистически настроенным исследователям, которые рассматривают социальные последствия цифровой экономики преимущественно в розовом свете через призму созданных ими же мифологем, чаще всего относятся представители научной obsługi капитала, часто меняющие по принципу «вращающихся дверей» университетские кафедры на «коридоры власти» в политических механизмах диктатуры монополий и наоборот. Один из них, видный американский эксперт в области инноваций А. Росс (бывший советник экс-госсекретаря США Х. Клинтон, нынешний старший научный сотрудник университета Джона Гопкинса), завершает свою монографию «Индустрии будущего» эйфорическим выводом: «Инновации и глобализация создают неслыханные до сих пор возможности для большинства из 7,2 миллиарда людей, населяющих нашу планету... Эти изменения означают новые возможности для всех нас – предпринимателей, чиновников, инвесторов, отцов, студентов, детей» (Росс 2017, с. 280). Примерно к такому же многообещающему умозаключению о влиянии цифровизации на все сферы общества приходит и основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе с полувековым стажем К. Шваб. В своей книге «Четвертая промышленная революция» он отмечает, что «благодаря цифровому присутствию люди получают возможность находить и распространять информацию, свободно выражать идеи, искать и быть объектом поиска, а также развивать и поддерживать общение практически во всех уголках мира» (Шваб 2019, с. 103).

Однако, как следует из приведенных выше статистических данных, почти половина нынешнего населения Земли не имеет доступа к Интернету и не входит в число людей, которые благодаря своему цифровому присутствию имеют возможность находить и распространять информацию и т.д. К этому необходимо добавить, что новое цифровое неравенство имеет место не только в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, но и в экономически развитых странах Старого и Нового Света. Так, например, цифровое «включение» не распространяется на 80 млн. европейцев, которые никогда не пользовались Интернетом потому, что у них нет компьютеров, или потому, что это стоит слишком дорого (Digital

inclusion 2021). Вопреки насаждению пропагандистских стереотипов о якобы благотворном влиянии ИКТ на все сферы труда, цифровая экономика не привела к повышению социальной мобильности пролетариата и улучшению положения трудового народа в мире капитала. Наоборот, к разного вида неравенствам во всех странах она прибавила новое цифровое неравенство. В наши дни «имеется широко распространенное доказательство наличия широкой 'цифровой пропасти', разъединяющей страны глобального Севера и Юга» (Steager 2013, p. 115), а также внутри названных богатых и бедных стран.

Научный анализ цифровизации в сфере труда не оставляет сомнения в том, что «цифровая экономика» во всех трех мирах не стала основой обещанного нового «цифрового общества». Как и «информационная экономика» ранее, она оказалась старым вином в новых мехах. Ибо ни первая, ни вторая не внесла ничего принципиально нового в социально-трудовые отношения и вынудила большинство народов еще туже затянуть пояса даже в странах «золотого миллиарда» планеты. Это закономерное следствие трансформации труда в мире капитала, где «соотношение выгод и издержек становится все более благоприятным для замещения труда машинами» (Аткинсон 2018, с. 210). В этом контексте нельзя не согласиться с выводом британского футуролога Р. Уотсона: «История начала XXI века – это история машин. Они – не люди – вызывают уважение и почтение, хотя вроде бы все должно быть наоборот» (Уотсон 2020, с. 23). Все это дает основание предполагать, что к социальной власти в мире капитала со временем могут прийти владельцы роботов, если люди доброй воли не остановят их, что может привести к непредсказуемым последствиям для дальнейшей судьбы человечества.

Несмотря на то, что бравурная риторика адептов цифровизации не имеет ничего общего с действительностью, последние продолжают «промывание мозгов» в заданном направлении, создавая гламурные виртуальные образы грядущей цифровой эпохи. Например, авторы книги «Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее» Э. Макафи и Э. Бриньолфсон пишут: «В нашем распоряжении оказались более мощные технологии, чем имелись когда-либо ранее. Ничего подобного не было ни у отдельных людей, ни у общества в целом. Это означает, что сейчас у нас есть больше возможностей изменить мир, чем было прежде. По сути, теперь нам по силам сделать то, чего не смогли предыдущие поколения» (Макафи 2019, с. 278). В реализации этой задачи названные исследователи полагаются на «гениальность системы свободного рынка», которая завела мир в исторический тупик и целиком и полностью дискредитировала себя в ходе первого в истории

человечества глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., ставшего «репликой» Великой депрессии 1929–1933 гг. на пороге XXI века (Арсеенко 2021, с. 29).

Справедливости ради надо отметить, что оптимистические прогнозы «нашего цифрового будущего» не разделяют многие авторитетные исследователи социальных последствий цифровизации даже в ядре мировой дигитализации – США. Так, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, профессор Колумбийского университета Д. Стиглиц (в прошлом – председатель Совета экономических консультантов при президенте США и старший вице-президент и шеф-экономист Всемирного банка) справедливо отмечает: «Технический прогресс должен быть благом. Он должен расширять для всех доступ к основным элементам достойной жизни. В то же время этот прогресс может привести и, похоже, действительно приведет к обнищанию широких слоев населения, если не предпринять активных коллективных действий» (Стиглиц 2020, с. 183). Для подтверждения этого вывода целесообразно обратиться к соответствующим фактам, свидетельствующим о несостоятельности оптимистических оценок цифровизации занятости в условиях глобального капитализма.

2. Метаморфозы занятости в условиях цифрового капитализма

На изломе веков социально-трудовые отношения подверглись существенным трансформациям в мире капитала в результате перехода экономики от кейнсианско-фордистской к неолиберальной модели развития; разрушения мировой социалистической системы и развертывания социального реванша буржуазии. Классовая сущность последнего состояла в деконструкции брэнда «капитализм с человеческим лицом» и усилении эксплуатации наемной рабочей силы. В этом контексте известный американский политолог М. Паренти отмечает: «Свержение коммунизма дало зеленый свет западным корпорациям с их неограниченной жадной эксплуатацией. Им больше не нужно убеждать своих рабочих в том, что они живут лучше, чем их братья в России, они больше не чувствуют необходимость держаться в определенных рамках из-за присутствия соперничающей системы. Поэтому капиталистический класс теперь отбирает многие победы рабочих Запада, завоеванные многолетней борьбой» (Паренти 2002).

Суть рабочей политики в странах ОЭСР после возведения неолиберализма в ранг государственной политики состояла в «закручивании гаек» во всех трудовых организациях под предлогом повышения конкурентоспособности экономики в условиях глобализации. Для достижения этой цели в рамках перехода от фордизма к постфордизму широко использовались мероприятия по

совершенствованию экономики, направленные на обеспечение смены массового стандартного производства новыми гибкими формам занятости и работы с учетом требований производства «точно в срок», глобализации наемного труда и изменения предпочтений потребителей. Это вылилось в уменьшение доли стандартной занятости, свойственной социальной организации труда в индустриальном XX в., и увеличение нестандартной занятости. Важным бустером в данном процессе была передислокация многих предприятий обрабатывающей промышленности из развитых стран в развивающиеся и «переходные» страны, которая способствовала позитивной деиндустриализации первых и негативной деиндустриализации вторых, становлению инновационной модели развития в первых и маргинальной – во вторых (Alderson 2011, p. 1380).

Реформирование экономики на постсоциалистическом и постколониальном пространстве сводилось к имплементации императивных предписаний МВФ, насаждению рыночного фундаментализма и тупикового «догоняющего развития». Вместо обещанного повышения эффективности производства в развивающихся и «транзитных» странах произошла деиндустриализация и примитивизация экономик, значительно ухудшилось положение трудящихся. В конечном счете они превратились в сырьевые придатки стран «золотого миллиарда» планеты и поставщиков дешевой рабочей силы по принципу «где возьмут». За этим последовало устранение их с геоэкономической карты мира в качестве потенциальных конкурентов стран «ядра» капитализма. Однако падение зарплаты и других условий труда имело место не только на периферии мир-системы, а во всем мире, что в большой степени было обусловлено экспансией цифрового капитализма и поляризацией СЗ и НЗ.

В современной социологии труда стандартная занятость определяется как работа, выполняемая в рамках фиксированного графика обычно в течение полного рабочего дня по месту нахождения бизнеса работодателя под его контролем и при взаимном ожидании продолжения занятости в обмен на денежную компенсацию (Kalleberg 2000, p. 258). Все иные формы занятости, которые не соответствуют этим критериям, относятся к нестандартной занятости. По мнению американских ученых, различным типам альтернативных условий работы присущи три аспекта гибкости: (а) гибкость в трудовых отношениях, (б) гибкость в графике работы и (в) гибкость в том, где выполняется работа. Научное исследование данных измерений гибкости позволяет определить, создана ли та или иная трудовая организация: 1) для снижения затрат на рабочую силу; 2) для повышения маневренности в управлении трудовой жизнью, к

которой стремятся работники; 3) для комбинации интересов работодателей и работников (Spreitzer 2017, p. 474). В погоне за прибылями на глобальном рынке кормчие цифрового капитализма максимально используют сегодня возможности гибкости НЗ для снижения затрат на рабочую силу, а не для повышения ее всеобщего благоденствия.

Как подчеркивают британские социологи Н. Срничек и А. Уильямс, «золотой век капитализма», как именуют «славное послевоенное тридцатилетие» в США, «стоял на производственной парадигме правильно организованных заводских условий, где рабочие (белые мужчины) получали страховку и базовый уровень благосостояния в обмен на пожизненный отупляющий труд и социальное угнетение» (Срничек 2019, с. 71). С утверждением постулатов «рейганизма» и «тэтчеризма» канули в Лету надежды на пожизненный труд, гарантирующий регулярный доход и обещающий в перспективе реализовать «американскую мечту» (принадлежать к «среднему классу», иметь свой дом, автомашину и другие товары длительного пользования, скопить достаточно денег на обучение детей, на «черный день», на старость и т.д.).

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. развеял эти иллюзии. В начале XXI в. западный мир, по признанию заслуженного профессора политических наук Кебриджского университета Э. Гэмбла, вместо «конца истории» втянулся в «кризис без конца», ведущий к «краху западного процветания» (Гэмбл 2018). По мнению критиков апологетов «инклюзивного капитализма», это сводит на нет возможности обновления старого строя. То же относится к характеристике ими гиг-экономики, которая способствует «вымыванию» хороших рабочих мест, упразднению множества рутинных профессий, росту нестандартных, неформальных, неприемлемых форм труда. В наше время в ней все шире используются «альтернативные формы занятости», к которым относятся: 1) работники агентств временной помощи; 2) работники по вызову; 3) работники подрядных компаний; 4) независимые подрядчики / фрилансеры; 5) работники по трудовым договорам «с нулевым результатом»; 6) работники платформ. Однако разнообразие гибкой занятости в гиг-экономике отнюдь не влечет за собой улучшения условий и освобождения труда от «перемальвания» в жерновах «сатанинской мельницы капитализма», по выражению К. Поланьи.

Гибкая система занятости не стала и не могла стать обещанной панацеей в решении старых и новых социальных проблем современного капитализма. Как известно, К. Маркс в свое время обратил внимание на освободительный потенциал чередования различных видов деятельности и гибкого труда в условиях коммунистического общества. Справедливости ради необходимо от-

метить, что на первоначальном этапе трансформации занятости западные рабочие поддержали внедрение гибких форм труда ради освобождения от потогонной фордистской системы производства, породившей в 1970-е гг. протестное движение «неолуддитов XX века» в США. «Столкнувшись с этим стремлением к гибкости, капитал адаптировал и кооптировал его в новые формы эксплуатации. Сегодня гибкий труд предстает в форме неустойчивой занятости, нестабильности, а вовсе не свободы» (Срничек 2019, с. 176).

Американский вариант использования гибкого труда в целях обогащения его работодателей служит примером для капиталистических элит во всем мире «не только в отношении власти на производстве», но и «такого же высокого и непрерывно растущего уровня неравенства, как в США, обусловленного экстремально высокими доходами самой богатой части населения и низким уровнем распределительного налогообложения» (Крауч 2016, с. 184). Поэтому сегодня постоянная занятость становится уделом прошлого, а случайная – прообразом будущего в планетарном масштабе. Для обозначения последней в научный оборот вводится новый термин «precarity» («ненадежность»), которым характеризуется негарантированная занятость т.н. «прекариата», вынужденного соглашаться на любую работу на условиях минимальной профессиональной или социальной защиты или вообще без первой и второй. Концепция «прекариати» относится не только к экономически незащищенным рабочим или к плохим условиям занятости, но и к мигрантам и нелегальным иммигрантам, к людям иного цвета кожи или попавшим в зависящие от непредвиденных обстоятельств условия (Castelein 2012, p. 2239).

Процесс «прекариатизации» начался в период фордизма и расширился в 1960–1970-е гг. с переходом от конвейерных технологий к концепции гибкого производства с негативными последствиями для рабочего класса. В начале 1970-х гг. корпорации отказались от выплаты высокой зарплаты и контактов с сильными профсоюзами в крупных промцентрах. Вместо этого они перевели производство в слаборазвитые страны, свободные от профсоюзов, где можно было платить низкую зарплату. Кроме того, многие корпорации сократили свое производство и передали его сторонним организациям, чтобы снизить расходы и повысить прибыли (Гартман 2015, с. 29).

Переход к гибкому производству сопровождался повышением гибкости рабочей силы, которая включает в себя гибкость рабочего времени, гибкость в местонахождении работы, гибкость в численности рабочих в пределах рабочей силы фирмы, гибкость в уровне квалификации и умения работников. С момента перехода к постфордизму практика гибкого производства находится в цен-

тре социологического дискурса. Сторонники этой концепции отмечают позитивное влияние гибкости рабочей силы на повышение конкурентоспособности хозяйственных субъектов на глобальном рынке, противники, признавая ее некоторые плюсы для обеих сторон, указывают на чрезмерную эксплуатацию гибкой рабочей силы и лишение ее многих выгод, доступных постоянной рабочей силе (Lillevik 2009, p. 682). Это обусловлено категорическим отказом боссов гиг-экономики признавать работающих на них людей труда своими сотрудниками под предлогом, что они якобы являются «самозанятыми», «независимыми работниками», «свободными подрядчиками», «фрилансерами» и т.д., что возлагает на них все обязанности, но не дает никаких прав и лишает элементарной социальной защиты. По словам известного британского социолога, заслуженного профессора Уорикского университета К. Крауча, гиг-занятость отвечает интересам работодателей, т.к. «работники полностью находятся во власти фирмы, но она не несет за них ни малейшей ответственности» (Крауч 2020, с. 16).

3. Современная занятость в гиг-экономике как она есть

Хозяйская власть гигантских цифровых монополий всячески рекламирует выгоды «независимого труда» в гиг-экономике, профсоюзные репортеры все чаще называют их «вампирами, высасывающими из рабочих все соки». Для этого у них есть все основания, о чем свидетельствует исследование оплаты труда водителей чикагских платформ Uber, Lyft и Via, выполненное в 2019–2020 гг. неприбыльным Иллинойским институтом экономической политики. В 2019 г. минимальная зарплата в Чикаго была 13 долл. в час, а средний водитель после уплаты налогов и других вычетов получал 12,30 долл. в час. В 2020 г. это соотношение составило 14 долл. и 13,62 долл. в час (Ongweso 2021). При нынешнем росте дороговизны в США такие заработки в сфере «независимого» гибкого труда неизбежно выталкивают их получателей в ряды новой категории занятых – «работающих бедных».

Чтобы оплатить расходы по аренде или содержанию своего автомобиля и выбраться из нищеты, чикагским водителям Uber, как и их коллегам в других странах, приходится работать на износ, проводя иногда по 14-16 часов за рулем в условиях «триумфального» шествия постиндустриального общества по планете. Как известно, 1 мая 1886 г. в индустриальном сердце Америки – Чикаго – в рамках забастовки промышленного пролетариата состоялась массовая демонстрация людей труда в поддержку требования о сокращении продолжительности рабочего дня под лозунгом: «8 часов – работе, 8 часов – семье, друзьям и хобби, 8 часов – сну». Это требование было ре-

ализовано международным рабочим движением в XX индустриальном столетии, но ликвидировано сильными мира сего в XXI «постиндустриальном» веке.

В дополнение к низким зарплатам и длинным рабочим дням другие условия труда в платформенных компаниях типа Uber настолько неприемлемы для большинства «независимых работников», что они покидают их при первой возможности. Кто такие «независимые работники»? Это обозначение гипотетической категории трудящихся, предложенное гиг-адвокатами, чтобы сохранить или закрепить в трудовом или антимонопольном законодательстве многие лазейки, которые широко используются компаниями сегодня в своих интересах. При этом они предоставляют работникам минимальные права (например, право на ведение коллективных переговоров без обсуждения вопросов о минимальной зарплате). Это бросает вызов системе коллективно-договорного регулирования трудовых отношений и является глумлением над здравым смыслом. По последними доступным данным о «текучести кадров» в Uber, в течение 2017 г. более 95 % водителей уволились с работы в этой компании (Ongweso 2021). В данном случае комментарии излишни, ибо, как известно и как говорят в народе, от счастья счастья не ищут.

Несмотря на все издержки цифровизации, платформы во всем мире растут как грибы после дождя, ибо они приносят наибольшую прибыль магнатам цифрового бизнеса за счет жестокой эксплуатации труда. По оценкам МОТ, количество платформ увеличилось с 142 в 2010 г. до почти 800 в 2020 г., при этом количество онлайн-платформ выросло втрое, а основанных на привязке к определенному местоположению платформ – почти в десять раз (Ghosh 2021). Переход на работу в удаленном режиме, вызванный локдаунами в связи с экспансией чумы XXI века – Covid-19, по мнению многих экспертов, приведет как к росту количества цифровых платформ, так и к повышению интенсивности их использования в различных сферах занятости.

«Фирмы-платформы утверждают, – пишет Крауч, – что их исполнители якобы являются самостоятельными предпринимателями. На самом деле эти люди не более чем шестеренки огромной, стремящейся к максимизации прибыли машины» (Крауч 2020, с. 132). Разочарование в гиг-занятости в рабочей среде вынуждает работодателей тратить огромные средства на лоббирование своих интересов в Конгрессе США и на пропаганду мнимых преимуществ «свободного» труда в СМИ. В результате гибкая работа все еще остается «привлекательной идеей», но она все больше используется как «прикрытие эксплуатации» (Ferris 2020).

В результате внедрения НЗ в гиг-экономику выигравшими оказываются ее собственники, проигравшими – трудящиеся, вынужденные согла-

шаться на нефеодалные условия труда ради своего выживания и обеспечения своих семей. Кроме того, что гиг-занятость не дает им даже минимальной оплаты труда, она же лишает «независимых работников» большинства социальных гарантий и других благ, положенных их братьям по классу в рядах СЗ. По сравнению с ними гиг-работники подвергаются все большей эксплуатации и все чаще становятся жертвами травматизма на рабочих местах.

В 2020 г. он-лайн-продажи мирового гиганта розничной торговли Amazon устремились вверх и в условиях роста спроса на покупки онлайн вследствие пандемии выросли на 39 %. В том же году состояние генерального директора Amazon Д. Безоса составило 200 млрд. долл., а складские рабочие Amazon, по федеральным данным, более 24000 раз получали тяжелые травмы. На основании отчета Amazon о травматизме с 2017 г. по 2020 г. было установлено, что эта компания значительно опережает своих крупнейших конкурентов по травмированию на рабочих местах, включая Walmart и UPS. В 2020 г. общий уровень травматизма в Amazon составил 6,5 сотрудников из 100, что было вдвое больше, чем в Walmart (3 из 100). При этом складские работники Amazon получали тяжелые травмы в два с лишним – полтора раза чаще, чем в Walmart. Это печальная статистика является результатом множества повторяющихся тяжелых движений, которые выполняются ими тысячи раз в быстром темпе в течение всей смены. Еще больше и чаще травмируются водители службы доставки, вынужденные развозить клиентам Amazon до 400 посылок в день в крайне жестких условиях. Чтобы выполнить установленные квоты и не выбиться из изнурительных графиков, водителям регулярно даются инструкции по демонтажу систем безопасности, пропуску оплачиваемых перерывов и использованию бутылок /пакетов для испускания мочи. Уровень травматизма и тяжелого травматизма водителей в Amazon выше, чем в компании UPS – их главном конкуренте (Gurley 2021).

На днях американский веб-сайт «Корпоративная ответственность» обратился к своим подписчикам, в т.ч. к автору этих строк, с просьбой поддержать предложение рабочих Amazon о вынесении названия этой компании на всеобщее обозрение в Корпоративном зале позора. В обращении рабочих по этому поводу приводятся примеры чудовищных условий труда и жестокого обращения с ними на рабочих местах. Так, в разгар «ковидной» пандемии Amazon лишила работников оплаты за работу в опасных условиях. В то же время генеральный директор компании Безос добавил миллиарды долларов в свое личное состояние. В ответ на попытки создать тред-юнион складских рабочих Amazon развернула массиво-

ванную антипрофсоюзную кампанию. После того, как тысячи рабочих подписали карточки об авторизации профсоюза, Amazon наняла антипрофсоюзных консультантов, которым платила тысячи долларов в день за то, чтобы они ежедневно тащили рабочих на собрания, чтобы отговорить их от поддержки профсоюза. Администрация Amazon разместила антипрофсоюзные призывы даже в туалетных комнатах, наводнила Интернет, радиоволны и социальные сети дезинформационной рекламой, отправила поток писем и сделала тысячи звонков в дома рабочих, призывая их голосовать «против». По словам инициаторов размещения имени Amazon в Корпоративном зале позора, их боссы использовали страх и запугивание, чтобы разрушить профсоюз, потому что они знают, что, когда рабочие объединяются, они получают возможность осуществить реальные изменения на своих рабочих местах.

Интенсификация «независимого» труда, наряду с трансформацией занятости, достигли апогея в капиталистическом мире в условиях пандемии Covid-19. «Недавние события со всей очевидностью показали, что гиг-работники – это подопытные кролики нового мира труда и что некоторые аспекты этой парадигмы могут стать мейнстримом раньше, чем ожидалось... Крупнейший в мире эксперимент по работе на дому, который называется Covid-19, может ускорить переход к новой эре работающих только удаленно компаний» (Bérastégui 2021), – пишет исследователь Европейского института тред-юнионов П. Берастеги. Однако «ковидизация» труда не помешала крупнейшим американским цифровым корпорациям Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook довести свою суммарную рыночную стоимость до 7,3 трлн. долл. и стать бенефициарами обогащения в США в условиях пандемии. Показательно, что ни одна из них не позволяет организацию профсоюзов в своих владениях, а все вместе они служат примером для многих меньших технологических компаний в борьбе против юнионизации работников (Nolan 2020). Дерегулирование труда симбиозом американского государства и монополий в рамках неолиберальной доктрины «свободного предпринимательства», основанной на принципе «пусть они делают, что хотят», привело к тому, что в настоящее время в США только один из десяти работников является членом профсоюза.

Опросы общественного мнения в США социологическими службами Knight Foundation и Gallup в 2020 г. свидетельствуют о разочаровании американцев в последствиях цифровой революции. Они считают, что крупные интернет-компании: делают больше для разделения общества (60 %), чем для его объединения (11 %); позволяют влиятельным интересам контролировать общество (48 %), а не давать людям возможность изменить его (19 %);

восхваляют непопулярные мнения (52 %), а не делают их менее заметными (17 %); создают больше проблем, чем решают (47 %), а не решают больше проблем, чем создают (15 %). 77% американцев заявили, что Facebook, Google, Amazon и Apple обладают слишком большой властью (Techlash 2020).

В другом социологическом исследовании «Неравная Америка: десять взглядов на состояние экономических возможностей», проведенном консалтинговым агентством по корпоративной стратегии McKinsey в 2021 г., отмечается, что 62 % опрошенных гиг-работников заявили, что они предпочли бы работать постоянными сотрудниками. Это желание было наиболее высоким среди иммигрантов в первом поколении (76 %), латиноамериканцев (72 %), американцев азиатского происхождения (71 %) и чернокожих (68 %) респондентов. Временные работники чаще других респондентов говорили, что их доход за последние 12 месяцев снизился. Гиг-работники также почти в два раза чаще других заявляли, что не могут позволить себе медицинскую страховку (22 % по сравнению с 13 % для всех), и ссылались на недоступность получения медицинских услуг по приемлемым ценам как на препятствия на пути к их благополучию (Unequal America 2121).

Имеющиеся прогнозы о повышении спроса на «нестандартных работников» после пандемии Covid-19 дают основания полагать, что «новая экономика», взятая на вооружение неолибералами во всем мире, приведет к новому витку в эскалации НЗ, новому обогащению глобальной плутократии и новому расширению пропасти между богатыми и бедными по примеру и подобию корпоративной элиты США. Стагнация роста заработной платы и повышение корпоративных прибылей привели к росту двух форм неравенства: в доходах (доля доходов топ-домохозяйств стабильно возрастает) и в богатстве (чистая стоимость высших 5 % домохозяйств увеличилась на 186 % с 1983 по 2016 г.) в основном за счет прироста капитала. Несмотря на то, что, по данным социологической службы Гэллага, 55 % домохозяйств в США владели акциями в 2020 г., именно очень богатые контролируют почти все эти активы. В четвертом квартале 2019 г. высшему 1 % сверхбогачей принадлежало 88,1 % этих активов (Wealth gap grows 2020).

Сосредоточив в своих руках огромную экономическую и политическую власть, глобальные «хозяева денег» широко используют финансовую эксплуатацию экономики, т.е. подчинение промышленного производства интересам магнатов финансового капитала, в целях личного обогащения. В условиях пандемии 500 богатейших людей мира стали богаче на 1,8 триллиона долларов США и таким образом довели свое суммарное богатство до 7,6 триллиона долларов США. Полученная ими прибавка к ранее накопленному богатству составила в

целом 31 % в 2020 г. и равнялась суммарным заработкам 165 миллионов американцев за всю трудовую жизнь. Финансовый передел мира, затеянный воротилами финансового бизнеса в условиях коронавирусной пандемии и экономического кризиса, по данным ООН, отправит в ряды крайней бедности дополнительно 207 млн. чел. и к 2030 году доведет численность обитателей Земли, живущих в крайней бедности, до одного миллиарда человек (Conley 2021).

В авангарде глобального похода богачей и сверхбогачей за новый передел доходов и богатства в XXI в. в своей собственной стране и во всем мире идут США. Девять из десяти самых богатых людей на Земле обитают сегодня в Соединенных Штатах, они владеют более чем 1,5 триллиона долларов США. Первое место среди них занимает основатель корпорации «Амазон» Безос, прибавивший к своему богатству 75 млрд. долл. в прошлом году благодаря бурному росту торговли «он-лайн» в условиях пандемии. В то же время более половины взрослых американцев жили в домохозяйствах, потерявших доход в результате пандемии, 26 млн. граждан США испытывали недостаток продовольствия и овощей/фруктов в ноябре 2020 г., 12 млн. арендаторов жилья имели задолженность по его оплате на уровне около 6000 долл. (Conley 2021). Сочетание колоссального неравенства, чрезмерного богатства и крайней бедности стало непреодолимой преградой на пути к выходу мирового сообщества из глубокого социального кризиса, в котором оно оказалось в результате безудержного стремления капитала к удовлетворению своей неуемной жажды наживы, и может стать тем «социальным динамитом», который взорвет мир эксплуатации и отчуждения труда.

Выводы

Характеризуя современное положение мирового рабочего класса, К. Хеджес, иностранный корреспондент *The New York Times* и других американских газет с 20-летним стажем работы за рубежом, в своей недавней публикации «Умирая за iPhone» совершенно справедливо сделал следующий вывод: «Глобальные капиталисты повернули время вспять, к началу промышленной революции. Рабочий класс все больше лишается прав, не может создавать профсоюзы, получает нищенскую заработную плату или вообще не получает ее вследствие воровства, находится под постоянным надзором, увольняется с работы за незначительные нарушения, подвергается воздействию опасных канцерогенов, вынужден работать сверхурочно, наказывается штрафными квотами. Трудящиеся бросаются на произвол судьбы, когда становятся больными и старыми. Рабочие здесь и за границей стали одноразовыми винтиками для

корпоративных олигархов, которые погрязли в непристойном личном богатстве, затмевающим худшие излишества Баронов-Грабителей» (Hedges 2021). С этим заключением автора нельзя не согласиться.

В действительности цифровая экономика не стала и не могла стать Великим Уравнителем, обещанным западными мифотворцами, а наоборот, привела к еще большему расширению неравенства и в богатых, и в бедных странах за счет беспрецедентного усиления депривации и эксплуатации наемной рабочей силы в XXI в. С одной стороны, цифровая революция открыла огромные возможности для качественной трансформации занятости и жизни людей труда, с другой – политический механизм диктатуры монополий сделал ставку на использование ИКТ в интересах обогащения воротил цифрового бизнеса посредством экономии расходов на оплату и улучшение других условий труда «независимых работников» в гиг-экономике.

В этих условиях обязанность интеллектуалов, выражаясь словами видного американского социолога, философа и историка - международного, заслуженного профессора Массачусетского технологического института Н. Хомски, состоит именно в том, чтобы «говорить правду и разоблачать ложь». Правда же заключается в том, что решить проблемы современного пролетариата, прекариата и кибертариата в условиях неолиберальной капиталистической парадигмы, которая завела человечество в исторический тупик и полностью дискредитировала себя, невозможно. Как невозможно построить и будущий «инклюзивный» капитализм руками тех, кто построил нынешний «эксклюзивный» капитализм. Исходя из этого, историческим императивом нашего времени является переход к новому мироустройству, способному претворить в жизнь лозунг нового всемирного социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибылей!».

Библиографический список

Арсеенко А.Г. Современный кризис глобального капитализма. Киев: ООО «Друкарня Бізнес-поліграф», 2021. 75 с.

Арсеенко А., Буткалюк В. Реформы под эгидой МВФ в Украине: бойтесь данайцев, дары приносящих // Социология: теория, методы, маркетинг. 2019. № 2. С. 169–186.

Аткинсон Э.Б. Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. М. Добряковой. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2018. 536 с.

Гартман Д. Постмодернизм или логика культуры постфордизма // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко,

В.С. Мартыанова. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 18–51.

Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания / пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Я. Охонько. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 304 с.

Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества / пер. с англ. Ю. Каптуревского, под науч. ред. А. Смирнова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 288 с.

Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. С. Щукиной. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 144 с.

Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд / пер. з англійської. Київ: «К.І.С.», 2004. XIV+220 с.

Паренти М. Левый антикоммунизм. URL: <http://www.left.ru/2002/leto/parenti.html> (дата обращения 5.05.2021).

Росс А. Індустрії майбутнього / пер. з англ. Наталія Кошманенко. Київ: Наш формат, 2017. 320 с.

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Москва: Strelka Press, 2019. 336 с.

Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. с англ. Москва: Альпина Паблшер, 2020.

Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

Шваб К. Четверта промислова революція. Формуючи четверту промислову революцію / пер. з англ. Наталії Климчук, Ярослава Лебеденка. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2019. 416 с.

Уотсон Р. Технологии против Человека: как мы будем жить, любить и думать в следующие 50 лет? / пер. с англ. Л.И. Степановой. Київ: Форс Україна, 2020. 320 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Alderson, A.S. (2011), Deindustrialization, *International Encyclopedia of Economic Sociology*, Eds. J. Beckert, M. Zafirovski, L.; N.Y., Routledge, pp. 138–140.

Kallas, P. (2021), *Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps*, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Bérastégui, P. (2021), *Gig workers: guinea pigs of the new world of work*, [online], available at: <https://www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work> (accessed 26 February 2021).

www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work (accessed 26 February 2021).

Castelein, T.L. (2012), Precarity, *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. First Edition*, Ed. George Ritzer, Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 2239–2240.

Conley, J. (2021), *500 Richest People Added \$1.8 Trillion to Combined Wealth in 2020*, [online], available at: <https://portside.org/2021-01-02/500-richest-people-added-18-trillion-combined-wealth-2020> (accessed 23 February 2021).

Digital inclusion for a better EU society (2021), [online], available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-inclusion> (accessed 17 June 2021).

Ferris, S. (2020), *The Nexus: “COVID-19, Gig Economy or Expendable Employees”*, [online], available at: <https://journal-neo.org/2020/12/11/the-nexus-covid-19-gig-economy-or-expendable-employees/> (accessed 15 December 2020).

Ghosh, J. (2021), *Employment in the Platform Age*, [online], available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/digital-work-platforms-growth-and-risks-to-workers-by-jayati-ghosh-2021-04> (accessed 17 April 2021).

Gurley, L.K. (2021), *Injury Data Shows Amazon Jobs Are More Dangerous Than Walmart and UPS*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/epnvpn/injury-data-shows-amazon-jobs-are-more-dangerous-than-walmart-and-ups> (accessed 1 June 2021).

Hedges, C. (2021), *Dying for an iPhone*, [online], available at: http://www.informationclearinghouse.info/565_62.htm (accessed 8 May 2021).

Internet Users in the World – 2020 Q3, (2021), [online], available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 2 May 2021).

Kalleberg, A. L., Reskin, B. F., Hudson, K. (2000), Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States, *American Sociological Review*, vol. 65, No. 2, pp. 256–278.

Kranzberg, M. (1995), Technology and History: “Kranzberg’s Laws”, *Bulletin of Science Technology & Society*, vol. 15, no. 1, pp. 5–13.

Lillevik, W. (2009), Flexibility, *Encyclopedia of Business in Today’s World*, Charles Wankel, General Editor, AGE Publications, Ink., Thousand Oaks, California, pp. 682–684.

Lupton, D. (2012), *Digital Sociology: An Introduction*, University of Sydney, Sydney, 16 p.

Nolan, H. (2020), *The Failure to Unionize the Tech Industry Will Eat the Labor Movement Alive*, [online], available at: <https://inthesetimes.com/article/union-tech-industry-labor-2020> (accessed 29 August 2020).

Ongweso, E. (2021), *New Study Finds Chicago Uber and Lyft Drivers Are Paid Below Minimum*

Wage, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/g5bmjw/new-study-finds-chicago-uber-and-lyft-drivers-are-paid-below-minimum-wage> (accessed 25 January 2021).

Schiller, D. (1999), *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*, Mass.: The MIT Press, Cambridge, XVII+294 p.

Spreitzer, G.M. (2017), Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, no. 4, pp. 473–499, DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.

Steger, M.B. (2013), *Globalization: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford, XXII+151 p.

Techlash? America's Growing Concern With Major Technology Companies (2020), [online], available at: <https://knightfoundation.org/reports/techlash-america-cas-growing-concern-with-major-technology-companies/> (accessed 19 March 2020).

Unequal America: Ten insights on the state of economic opportunity (2021), [online], available at: <https://www.mckinsey.com/about-us/covid-response-center/covid-19-impact/impact-on-economies/unequal-america-ten-insights-on-the-state-of-economic-opportunity> (accessed 26 May 2021).

Wealth gap grows as rising corporate profits boost stock holdings controlled by richest households (2020), [online], available at: <https://www.cnbc.com/2020/08/27/wealth-gap-grows-as-rising-corporate-profits-boost-stock-holdings-controlled-by-richest-households.html> (accessed 26 May 2021).

References

Arseenko, A.G. (2021), *The Modern Crisis of Global Capitalism*, LLC “Publishing House Businesspolygraph”, Kiev, Ukraine.

Arseenko, A.G., Butkalyuk, V. (2019), The Reforms Under Aegis of the IMF in the Ukraine: Timeo Danaos Et Dona Ferentes, *Social Science: theory, methods, marketing*, no. 2, pp. 169–186.

Anthony, E.B. (2018), *Inequality: What Can Be Done?*, Ed. M. Dobryakova, Publishing House “Delo” RANEPА, Moscow, Russia.

Gartman, D. (2015), Postmodernism or the Cultural Logic of Post-Fordism?, *Post-Fordism: Conceptions, Institutions, Practices*, Ed. M. Ilchenko, V. Martyanov, ROSSPEN Publishing, Moscow, Russia, pp. 18–51.

Gamble, A. (2018), *Crisis without End? The Unravelling of Western Prosperity*, Ed. J. Okhonko, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Crouch, C. (2016), *Making Capitalism Fit for the Society*, Ed. A. Smirnova, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Crouch, C. (2020), *Will the Gig Economy Prevail?*, Ed. S. Shchukina, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

May, Ch. (2004), *The Information Society: A Skeptical View*, “K.I.C.”, Kiev, Ukraine.

Parenti, M. (2021), *Left-Wing Communism* [online], available at: <http://www.left.ru/2002/leto/parenti.html> (accessed 5 May 2021).

Ross, A. (2017), *Industries of the Future*, Nash Format, Kiev, Ukraine.

Srnicek, N., Williams, A. (2019), *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, Strelka Press, Moscow, Russia.

Stiglitz, J. (2020), *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Therborn, G. (2021), *From Marxism to Post-Marxism?*, Ed. A. Pavlova, HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Schwab, K. (2019), *The Fourth Industrial Revolution. Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Family Leisure Club, Kharkiv, Ukraine.

Watson, R. (2020), *Digital Vs Human: How We'll Live, Love, and Think in the Future?*, Fors Ukraine, Kiev, Ukraine.

Fukuyama, F. (2004), *The End of History and the Last Man*, LLC “AST” ZAO RPE “Ermak”, Moscow, Russia.

Alderson, A.S. (2011), Deindustrialization, *International Encyclopedia of Economic Sociology*, Eds. J. Beckert, M. Zafirovski, L.; N.Y., Routledge, pp. 138–140.

Kallas, P. (2021), *Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps*, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Bérastégui, P. (2021), *Gig workers: guinea pigs of the new world of work*, [online], available at: <https://www.socialeurope.eu/gig-workers-guinea-pigs-of-the-new-world-of-work> (accessed 26 February 2021).

Castelein, T.L. (2012), Precarity, *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. First Edition*, Ed. George Ritzer, Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 2239–2240.

Conley, J. (2021), *500 Richest People Added \$1.8 Trillion to Combined Wealth in 2020*, [online], available at: <https://portside.org/2021-01-02/500-richest-people-added-18-trillion-combined-wealth-2020> (accessed 23 February 2021).

Digital inclusion for a better EU society (2021), [online], available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-inclusion> (accessed 17 June 2021).

Ferris, S. (2020), *The Nexus: “COVID-19, Gig Economy or Expendable Employees”*, [online], available at: <https://journal-neo.org/2020/12/11/the-nex>

us-covid-19-gig-economy-or-expendable-employees/ (accessed 15 December 2020).

Ghosh, J. (2021), *Employment in the Platform Age*, [online], available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/digital-work-platforms-growth-and-risks-to-workers-by-jayati-ghosh-2021-04> (accessed 17 April 2021).

Gurley, L.K. (2021), *Injury Data Shows Amazon Jobs Are More Dangerous Than Walmart and UPS*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/epnvpn/injury-data-shows-amazon-jobs-are-more-dangerous-than-walmart-and-ups> (accessed 1 June 2021).

Hedges, C. (2021), *Dying for an iPhone*, [online], available at: <http://www.informationclearinghouse.info/56562.htm> (accessed 8 May 2021).

Internet Users in the World – 2020 Q3, (2021), [online], available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 2 May 2021).

Kalleberg, A. L., Reskin, B. F., Hudson, K. (2000), Bad jobs in America: Standard and nonstandard employment relations and job quality in the United States, *American Sociological Review*, vol. 65, No. 2, pp. 256–278.

Kranzberg, M. (1995), Technology and History: “Kranzberg’s Laws”, *Bulletin of Science Technology & Society*, vol. 15, no. 1, pp. 5–13.

Lillevik, W. (2009), Flexibility, *Encyclopedia of Business in Today’s World*, Charles Wankel, General Editor, AGE Publications, Ink., Thousand Oaks, California, pp. 682–684.

Lupton, D. (2012), *Digital Sociology: An Introduction*, University of Sydney, Sydney, 16 p.

Nolan, H. (2020), *The Failure to Unionize the Tech Industry Will Eat the Labor Movement Alive*, [online], available at: <https://inthesetimes.com/article/union-tech-industry-labor-2020> (accessed 29 August 2020).

Ongweso, E. (2021), *New Study Finds Chicago Uber and Lyft Drivers Are Paid Below Minimum Wage*, [online], available at: <https://www.vice.com/en/article/g5bmjw/new-study-finds-chicago-uber-and-lyft-drivers-are-paid-below-minimum-wage> (accessed 25 January 2021).

Schiller, D. (1999), *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*, Mass.: The MIT Press, Cambridge, XVII+294 p.

Spreitzer, G.M. (2017), Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, no. 4, pp. 473–499, DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.

Steger, M.B. (2013), *Globalization: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford, XXII+151 p.

Techlash? America’s Growing Concern With Major Technology Companies (2020), [online], available at: <https://knightfoundation.org/reports/techlash-america-growing-concern-with-major-technology-companies/> (accessed 19 March 2020).

Unequal America: Ten insights on the state of economic opportunity (2021), [online], available at: <https://www.mckinsey.com/about-us/covid-response-center/covid-19-impact/impact-on-economies/unequal-america-ten-insights-on-the-state-of-economic-opportunity> (accessed 26 May 2021).

Wealth gap grows as rising corporate profits boost stock holdings controlled by richest households (2020), [online], available at: <https://www.cnn.com/2020/08/27/wealth-gap-grows-as-rising-corporate-profits-boost-stock-holdings-controlled-by-richest-households.html> (accessed 26 May 2021).

Submitted: 19.04.2021

Revised: 14.06.2021

Accepted: 25.06.2021

Редакционная статья
Editorial article

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

А.Ю. Агафонов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aa181067@yandex.ru

А.А. Бельцер

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: abelhist@yandex.ru

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina18.05@gmail.com

И.В. Демир

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ademina83@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Н.А. Захарченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zna73@mail.ru

Т.В. Казарина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kazarina_tv@bk.ru

Г.В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru

К.С. Поздняков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru

Е.А. Тузлаева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zenon06@yandex.ru

О.А. Усачёва

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Е.В. Шокова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ekaterina.sh1011@gmail.com

**Человек в информационном обществе:
начало дискуссии в дискурсе конвергенции гуманитарных дисциплин**

Цитирование: Человек в информационном обществе: начало дискуссии в дискурсе конвергенции гуманитарных дисциплин / Н.В. Авдошина, А.Ю. Агафонов, А.А. Бельцер, В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина, И.В. Дёмин, А.И. Дёмина, Н.А. Захарченко, Т.В. Казарина, Г.В. Кучумова, К.С. Поздняков, Е.А. Тузлаева, О.А. Усачёва, Е.В. Шокова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 111–120.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Агафонов А.Ю., 2021** – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Бельцер А.А., 2021** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Бочаров В.Ю., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Васькина Ю.В., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Дёмин И.В., 2021** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Дёмина А.И., 2021** – специалист по учебно-методической работе 2-й категории кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Захарченко Н.А., 2021** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Казарина Т.В., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Кучумова Г.В., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Поздняков К.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Тузлаева Е.А., 2021** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Усачёва О.А., 2021** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Шокова Е.В., 2021** – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

N.V. Avdoshina

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: natalsun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

A.Yu. Agafonov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: aa181067@yandex.ru

A.A. Belcer

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: abelhist@yandex.ru

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: vlad.bocharov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

J.V. Vaskina

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: vaskina18.05@gmail.com

I.V. Demin

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: ilyadem83@yandex.ru

A.I. Demina

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: ademina83@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

N.A. Zakharchenko

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: zna73@mail.ru

T.V. Kazarina

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: kazarina_tv@bk.ru

G.V. Kuchumova

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: gal-kuchumova@mail.ru

K.S. Pozdnyakov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru

E.A. Tuzlaeva

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: zenon06@yandex.ru

O.A. Usacheva

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E.V. Shokova

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation

E-mail: ekaterina.sh1011@gmail.com

**Human being in the information-oriented society:
the beginning of a discussion in the discourse of the humanities' convergence**

Citation: Avdoshina, N.V., Agafonov, A.Yu., Belcer, A.A., Bocharov, V.Yu., Vaskina, J.V., Demin, I.V., Demina, A.I., Zakharchenko, N.A., Kazarina, T.V., Kuchumova, G.V., Pozdnyakov, K.S., Tuzlaeva, E.A., Usacheva, O.A. and Shokova, E.V. (2021), Human being in the information-oriented society: the beginning of a discussion in the discourse of the humanities' convergence, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 111–120.

Conflict of interest information: the authors declares no conflict of interests.

© **Avdoshina N.V., 2021** – Candidate degree in sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Agafonov A.Yu., 2021** – Dr. psych. habil., Professor, Head of General Psychology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Belcer A.A., 2021** – Candidate Degree in History, Associate Professor, Associate Professor of General History, International Relations and Documentation Science Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2021** – Candidate Degree in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Vaskina J.V., 2021** – Candidate Degree in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Culturology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Demin I.V., 2021** – Dr. phil. habil., Associate Professor, Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Demina A.I., 2021** – specialist of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Zakharchenko N.A., 2021** – Candidate Degree in Philology, Associate Professor, Head of Theory and History of Journalism Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Kazarina T.V., 2021** – Dr. philol. habil., Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Kuchumova G.V., 2021** – Dr. philol. habil., Associate Professor, Professor of German Philology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Pozdnyakov K.S., 2021** – Dr. philol. habil., Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Tuzlaeva E.A., 2021** – Candidate Degree in Philology, Associate Professor of English Philology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Usacheva O.A., 2021** – Candidate Degree in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Mass Communication Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Shokova E.V., 2021** – Candidate Degree in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королёва (Самарский университет) 28–30 апреля 2021 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе», посвящённая 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. Организатором конференции выступил социально-гуманитарный институт Самарского университета. Конференция проходила в смешанном формате. Из зала заседания ученого совета, где собрались преподаватели и научные работники Самарского университета, велась прямая трансляция. Это позволило ученым из других городов и стран выступить с докладами и принять участие в дискуссиях онлайн.

Открыл конференцию исп. дир. социально-гуманитарного института, д.филос.н., проф. **А.Ю. Нестеров**, который поприветствовал всех участников, рассказал о том, как зародилась идея конференции, поднимающей вопрос о роли человека в современном информационном обществе, и обратился к коллективу социально-гуманитарного института: «Я хочу поблагодарить коллектив социально-гуманитарного института за то, что все руководители откликнулись и тематика нашла поддержку. Надеюсь, сегодня мы положим начало традиции обсуждения того, как мы будем

организовывать научную деятельность, обучать аспирантов и выстраивать наше будущее совместно с инженерным, научным, программистским и космическим сообществами».

С вступительным словом к присутствующим обратился первый проректор Самарского университета **А.Б. Прокофьев**, который акцентировал внимание на актуальности темы конференции в связи с кардинальными переменами, происходящими в современном обществе с внедрением цифровых технологий.

Находясь в другой точке страны, к конференции присоединился для приветственного слова Президент Самарского университета **В.А. Соيفер**: «Я приветствую участников конференции, в которой рассматривается исключительно актуальный вопрос о роли человека в информационном обществе. Если проследить эволюцию развития общества, то получается, что человек был самым главным в первобытном строе. Постепенно с развитием техники, с первой и второй промышленной революциями роль человека стала меньше. Сейчас идет третья промышленная революция – появление компьютеров, информационных технологий, искусственного интеллекта. И возникает вопрос, каким будет общество, в котором интеллект человека и интеллект машины будут

взаимодействовать? Будет ли роль человека дальше снижаться, или все-таки нам удастся поднять значимость человеческого фактора? У меня нет ответа на этот вопрос. Но я думаю, что его стоит обсуждать, поэтому желаю успехов участникам конференции».

На пленарном заседании присутствовал основоположник самарской социологии и основатель кафедры социологии Самарского университета, д.филос.н., проф. **Е.Ф. Молевич**, которому 25 апреля исполнилось 90 лет. От руководства Самарского университета и социально-гуманитарного института в адрес юбиляра прозвучали теплые поздравления, были вручены памятные подарки, денежная премия и почетная грамота за многолетний труд.

Содержательная часть пленарного заседания началась с доклада **Е.Ф. Молевича** «Современное развитое общество как новая социально-информационная реальность». В своем докладе **Е.Ф. Молевич** обратил внимание на уже произошедшие изменения в общественном устройстве, подчеркивая изменение места женщин в социально-трудовой сфере и их лидирующую роль в современном компьютеризированном производстве. Кроме того, освещались изменения, произошедшие в классовой структуре общества, связанные с «исчезновением» традиционной диады рабочего класса и буржуазии. Произошедшие изменения привели, по мнению докладчика, к появлению «*принципиально нового среза общества*», представленного двумя группами населения: «*информационно богатые*» и «*не вписавшиеся в информационное общество*». Помимо констатаций произошедших изменений рассматривались перспективы будущего «пост-трудового» и «пост-человеческого» общества, а также вероятные социальные проблемы во взаимоотношениях человека и искусственного интеллекта – «мыслящих роботов».

В последовавших далее пленарных выступлениях поддерживалась идея о необходимости всестороннего и междисциплинарного изучения новой информационной реальности. **А.Ю. Нестеров** в докладе «Логика прогресса и проблема человека» описал современную ситуацию как переход от второй к третьей искусственной природе и очертил проблемы, с которыми сталкивается современное гуманитарное знание. Доклад **В.Е. Лепского** «Искусственный интеллект и рефлексивность в информационном обществе» был посвящен тому, с какими вызовами и угрозами сталкивается человек в начале XXI века. Докладчик обозначил 9 основных угроз, которые несет информационное общество: разрушение целостности, субъектности; деформация потребностно-мотивационной сферы, примитивизация ценностных отношений; блокировка рефлексии и критического анализа поступающей информации;

снижение креативности; открытость к манипулятивным воздействиям, формирование повышенной конформности; неосознаваемое повышение уровня риска принимаемых решений; блокировка эмпатии, деформация коммуникации; разрушение традиционных механизмов идентификации; формирование зависимости от цифровой реальности, отрыв от естественной социальной реальности. Доклады **М.Н. Вольф** «Технологии и прагматистское доказательство познаваемости мира» и **Н.В. Головкин** «Новый тип науки» С. Вольфрама с точки зрения современной философии науки осветили особенности современных тенденций в философии науки и философии техники. **Н.А. Ястреб** в своем докладе «Трактовка границы частного и публичного в современных концепциях этического искусственного интеллекта» поставила вопрос о существенной трансформации границы приватности и публичности в современном информационном обществе. Доклад **Т.В. Бернюкевич** «Технологизация» религиозной сферы в информационном обществе» был посвящен современным технологизированным формам религиозной практики.

В рамках международного формата конференции часть докладов прозвучала на английском языке. Они касались актуальной философской проблематики, связанной с взрывным ростом объемов информации, (Prof. Dr. **Gunter Scholtz**, Bochum «The rising tide of information as problem of the encyclopedias»), с пересмотром понятия надежности в науке (Prof. Dr. **Alfred Nordmann**, Darmstadt «Reliability – technical instead of intellectual control»), с трансформацией контекста эстетического восприятия (Prof. Dr. **Yvonne Poerzgen**, Bremen «The end of the aura»). Большой интерес вызвали доклады профессора Михаэльсена (Dr. **Eckart Michaelson**, Fraunhofer «Hierarchical perceptual grouping for object recognition and gestalt law») и профессора **А.Н. Никонорова** («AI takeover: from manufacturing to fine arts»), посвященные инновационным междисциплинарным проектам в области использования искусственного интеллекта для распознавания объектов и возможности вычислительного анализа эстетического содержания живописных произведений. **А.И. Мангарова** (ИИОЗ Болгарской АН, София) в своем докладе «COVID-19 anti-pandemic measures in Bulgaria: outcomes and lessons» обратилась к анализу изменений, которые произошли во всех сферах и на всех уровнях болгарского общества в 2020 г. в связи с пандемией. Было подробно рассказано о развитии ситуации с распространением коронавирусной инфекции в Болгарии с презентацией данных Национального статистического института Республики Болгарии. В докладе обращалось внимание на проблемы в системе здравоохранения и высказывался тезис о необходимости

сти переосмысления универсальности рыночных принципов в этой сфере.

В следующие за пленарным два дня конференции проходили заседания 7-ми секций, в работе которых приняли участие более 100 философов, филологов, социологов, психологов и историков Самарского университета, исследователей из других городов России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др.), ближнего (Киев, Минск) и дальнего зарубежья (Болгария, Германия, Китай). Всего было представлено 89 докладов.

Секция №1. «Цифровые технологии в социальных науках: новые вызовы и новые возможности» (рук. секции: **В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина**).

В работе секции приняли активное участие члены научно-исследовательского комитета «Социология труда» РОС и Центра исследований социально-трудовой сферы СИ ФНИСЦ РАН (СПб.).

Открыла работу секции **Н.В. Авдошина** (Самарский ун-т), представившая доклад «Роботовладельческий строй как будущее человечества?». Опираясь на данные социологического опроса, она проанализировала отношение населения к социальным последствиям роботизации. Главный вывод: респонденты опасаются не столько самих последствий, сколько отношения власти к населению в этих условиях. Сокращение потребности в рабочей силе приведет к тому, что «властелинами мира» станут люди, владеющие роботами, для которых все остальные станут «лишней массой», «проедающей» ограниченные природные ресурсы. Общество войдет в новый РОБОТОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ строй, в котором роботовладельцы будут стремиться избавиться от лишних людей, а те, в свою очередь, в целях самосохранения и социальной справедливости, поднимутся на новую классовую борьбу.

Темы прозвучавших далее докладов охватывали различные аспекты жизнедеятельности человека в современном цифровом обществе и возможности их социологического и философского изучения. Так, **В.Л. Лехциер** (Самарский ун-т) свое выступление посвятил осмыслению вопросов, связанных с прогрессом биотехнологий и медицины, в частности возможности на основе прочтения генома прогнозировать развитие заболеваний и продолжительность жизни конкретного человека. В докладах многих участников секции затрагивались изменения, произошедшие в различных сферах общества в связи с пандемией Covid-19. **А.Г. Арсеенко** (Институт социологии НАН Украины, Киев) обратил внимание на процессы реформирования труда после Covid-19, что, по его мнению, приведет к новому расширению нестандартной занятости, которая все чаще фигурирует под новым названием – альтернативная форма занятости (alternative work adjustment). **Г.В. Разинский** (ПНИПУ, Пермь) пред-

ставил результаты проведенного исследования и рассказал о проблемах перехода на дистанционную форму обучения студентов и преподавателей ПНИПУ, что, по его мнению, представляет собой один из вариантов цифровизации учебного процесса. Живой интерес вызвало совместное выступление **С.Г. Климовой** (ФНИСЦ РАН) и **И.А. Климова** (НИУ-ВШЭ), в котором были изложены результаты социологического исследования, посвященного работе российских компаний крупного и среднего бизнеса во время начала пандемии в апреле 2020 года. В докладе были охарактеризованы бизнес-процессы, деловые коммуникации, особенности корпоративной культуры, soft-skills, лидерство и «тиминг», претерпевшие изменения в процессе перехода на дистанционную работу. Докладчиками было обнаружено, что кризис обострил конфликт между различными компонентами корпоративной культуры, что удаленная работа поставила ряд проблем перед работодателями и работниками, нарушив привычный баланс жизни и работы, привнес нестабильность и необходимость пересмотра ценностей.

Секция №2. «Человек в информационном обществе: психологический аспект» (рук. секции: **А.Ю. Агафонов**).

В докладе **С.Н. Бурмистрова** (Самарский ун-т) освещалась проблема взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых процессов в ходе имплицитного научения. Рассматривались основные экспериментальные парадигмы и перспективы исследований в этой области. Доклад **С.В. Зориной** (Самарский ун-т) был посвящен проблеме социальной перцепции, а именно механизмам восприятия внешности человека. Отмечена значимая роль поведенческих проявлений в оценке внешности «Другого». Основная идея доклада **К.С. Лисецкого** (Самарский ун-т) «Как построить цифровую экономику с человеческим лицом?» заключалась в том, что ценности, жизненные интересы, социально-психологические установки людей должны учитываться при разработке экономических моделей. **Е.С. Гусева** (Самарский ун-т) рассмотрела проблему искусственного человека в историко-психологическом аспекте. Были эксплицированы различные представления, которые характерны для разных исторических эпох.

Секция №3. «Языковая личность, дискурс и коммуникация в информационном обществе» (рук. секции: **Е.А. Тузлаева, О.А. Усачёва, Г.В. Кучумова**).

В совместном докладе «Медиативная функция языка в информационном обществе» **Н.К. Данилова** (Самарский ун-т) и **Ю.В. Нестерюк** (Самарский ун-т) рассматривали языковые репрезентации коммуникативных тактик в персональном интервью. Медиативная функция языка, служащая целям регулирования коммуникативно-

го обмена, реализуется с помощью определенного набора языковых средств, формирующих необходимые социальные связи в процессе общения. Доклад **А.А. Безруковой** (Самарский ун-т) содержал результаты исследования словосочетаемости имени прилагательного «информационный» в публицистических текстах XXI века. Коммуникативная актуальность данного прилагательного значительно расширяет его синтагматические возможности и формирование новых лексико-семантических вариантов. В докладе **Л.Б. Карпенко** (Самарский ун-т) говорилось о проблеме сохранения смысла при цифровом межъязыковом переводе. На материале русских и болгарских текстов, публикуемых в Facebook, определены типы ошибок при цифровом переводе. Сделан вывод о том, что совершенствование моделей искусственного машинного перевода не может быть успешным без участия специалистов по языкам переводимых текстов. **М.В. Черкунова** (Самарский ун-т) посвятила свой доклад изучению англоязычных новостных публикаций в сети Instagram. Исследуемые дискурсивные фрагменты, относящиеся к разряду поликодовых малоформатных образований, обладают рядом особенностей, отличающих их от традиционных новостных сообщений в печатных и электронных СМИ. Анализ проводится с позиций лингвосинергетического подхода, выявляются этапы и средства формирования прагма-семантического плана новостного текста как нелинейной системы. **Ю.С. Старостина** (Самарский ун-т) представила результаты своего исследования, посвященного идентификации, систематизации и анализу полиаспектного влияния цифровой реальности на структурно-функциональные и тематические характеристики англоязычного драматургического дискурса. Выявлены и изучены актуальные тренды дискурсивной трансформации, являющиеся следствием многомерного форматно-содержательного взаимодействия социальной онлайн-действительности и современного драматургического пространства.

Секция №4. «Литература, художественные языки и исследовательские практики современного общества» (рук. секции: **Т.В. Казарина, К.С. Поздняков**).

Доклад **А.Г. Степанова** (Ланьжоуский университет, Китай) был посвящен текстам современной поэзии, написанным в подражание Бродскому. В стихах Веры Кузьминой и Марии Ватутиной докладчик продемонстрировал разные модусы коммуникации авторов с текстом-источником – от неприятия и дискуссии до иронического подражания. Данная тема является частью работы о традициях Бродского в современной поэзии. **Л.Г. Тютеловой** (Самарский ун-т) анализировались особенности современной отечественной драмы для подростков на материале пьес-победителей премии «Маленькая ремарка 2020» и

был сделан вывод, что современная драма для подростков следует традициям «новой драмы» в рассмотрении тем времени, в частности, темы влияния цифровых практик на самоидентификацию личности. В докладе **Е.С. Сергеевой** (Самарский ун-т) был рассмотрен сериал 2020 г. по мотивам романа О. Хаксли «Дивный новый мир», показано, как изменения, внесенные в сюжет создателями сериала, создают иной образ социума и иной образ власти, базирующейся, прежде всего, на тотальности социальных сетей и тотальности контроля. Создатели сериала своей интерпретацией классического сюжета показывают то, какие социальные и культурные угрозы и конфликты актуализируются в сознании нашего современника. **О.А. Журавлева** (Самарский ун-т) в своем докладе рассмотрела проблему аутентичности в фильме Д. Вильнева «Бегущий по лезвию 2049», сиквеле фильма «Бегущий по лезвию» (1982). Кинематографический текст Вильнева – это сиквел, рефлексирующий над своей вторичностью и создающий сложное метаповествование, рассматриваемое докладчиком на трех уровнях – на уровне языка, мотива памяти и поступков героев. В докладе **Г.В. Заломкиной** (Самарский ун-т) анализировались два романа-антиутопии В. Пелевина «S.N.U.F.F.» и «iPhuck 10», в которых затрагивается тема цифровых технологий литературного творчества. В. Пелевин показывает в своих романах технологические гипотезы конструирования художественного текста, создавая тем самым базу для размышления о его генезисе и феноменологии. Особенно интересными эти сюжеты становятся в настоящее время, время появления нейросетей, пробуемых силы в писательстве.

Секция №5. «Журналистика и издательское дело в цифровую эпоху: тенденции и перспективы развития» (рук. секции: **Н.А. Захарченко, Е.В. Шокова**).

Доклад **Н.А. Захарченко** (Самарский ун-т) «“Смотрящий да увидит”: медиаопасность как феномен повседневности» был посвящен проблеме медиабезопасности и необходимости развития критического мышления у аудитории, как эффективного способа формирования и продвижения успешной личности и способа самосохранения, выживания в повседневной цифровой медиареальности. В докладе **А.П. Аржанова** (Самарский ун-т) «Технология фактчекинга в современной интернет-журналистике» рассматривался вопрос о том, что в процессе развития мировой инфраструктуры fake news начинается преобразование fact-check из специальной технологии в особую сферу интернет-журналистики. В совместном докладе **Т.Ю. Децовой** (Самарский ун-т) и **А.А. Гнутовой** (Самарский ун-т) «Феномен цифрового чтения. Издательский аспект» были представлены аспекты цифрового чтения в кон-

тексте издательских технологий, характеристики современного пользователя в контексте эргономики цифровой среды, сформулированы критерии, повышающие эффективность поисковых запросов пользователей в медиапространстве.

Секция №6. «Философия и право информационного общества» (рук. секции: **И.В. Демин**).

В работе секции приняли участие учёные из Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Томска, Ульяновска, Пензы и других городов.

Работу секции открыл **С.А. Лишаев** (Самарский ун-т), представивший доклад «Постоянство vs непостоянство. Маргинализация семьи в цифровую эпоху». С.А. Лишаев обратился к проблеме кризиса нуклеарной семьи в информационную эпоху. В докладе были рассмотрены и проанализированы духовные, социальные и экзистенциальные причины кризиса семьи и связанного с ней способа воспроизводства человека.

Доклад **В.Т. Фаритова** (Ульяновский государственный технический ун-т) «Смерть философии: на краю мысли» был посвящён проблеме маргинализации философии в современном мире. В.Т. Фаритов выделил следующие основные признаки вырождения философской мысли в современном обществе: атомизация и маргинализация философского дискурса, стирание границ между философской мыслью и научными исследованиями, утрата философией трансцендентного измерения. В докладе обоснован тезис о том, что трансформация философского дискурса в постметафизических направлениях современной мысли приводит к искажению и утрате исконного смысла философии.

В докладе **И.В. Демина** (Самарский ун-т) «Философия и гуманитаристика (две стратегии самопозиционирования философии в информационном обществе)» были раскрыты идейные истоки и социально-культурный контекст самоопределения современной философии в качестве гуманитарной науки, сделан вывод о теоретической парадоксальности и практической несостоятельности трактовки философии как части гуманитаристики.

В докладе **Н.А. Балаклеец** (Ульяновский государственный технический ун-т) «Дроны как орудие современной войны: “надзирать и уничтожать”» анализировалась трансформация военных действий, характерных для постгероических обществ и основанных на использовании беспилотных летательных аппаратов (дронов). Были выявлены особенности паноптического надзора дронов, и обоснован тезис о том, что применение дронов принципиально меняет парадигму войны, способствуя ее беспрецедентной асимметризации.

Доклад **Ю.А. Разинова** (Самарский ун-т) «Человек в постиндустриальном обществе: от Эдипа к Нарциссу – кто следующий?» был посвящён

рассмотрению двух антропологических моделей и архетипов («Эдипа» и «Нарцисса»), их трансформации в цифровом обществе. Сделан вывод о том, что отложенное потребление формирует тип личности, изоморфный Эдипу, а опережающее потребление – Нарциссу.

В совместном докладе **А.Н. Огнева** и **Р.И. Таллера** (Самарский ун-т) «Диалектика опциональной идентичности философии в информационном обществе» рассматривался онтогносеологический аспект диалектики опциональной идентичности философии в условиях информационного общества. Были выявлены пять основных опций исторического самоопределения философской мысли и определена специфика задач, стоящих перед каждой из них, установлена принципиальная корреляция между понятием информационного общества и трансцендентальной видимостью.

Доклад **Г.А. Трафимовой** (Самарский ун-т) «Биоэтика в информационном обществе: проблемы и перспективы» был посвящён анализу этических проблем, порождаемых развитием биотехнологий.

Секция №7. «Историческое знание в эпоху информатизации: вызовы и возможности» (рук. секции: **А.А. Бельцер**).

В докладе **Э.Л. Дубмана** (Самарский ун-т) были подведены итоги изучения уникального памятника фортификации Самарского Заволжья первой половины XVIII в. – Новой Закамской линии. Было обращено внимание на использование наряду с традиционными научными историческими и археологическими методами новых современных, прежде всего технических, технологий и инструментария. Был сделан вывод, что применяемый междисциплинарный научно-исследовательский подход позволяет значительно расширить возможности изучения и использования подобных памятников истории и культуры.

О.Б. Леонтьева (Самарский ун-т) обратила внимание на изменения исторического сознания современного общества, связанные как с появлением новых технологий хранения и поиска информации, так и с социокультурными переменами – сменой темпорального режима культуры, мемориальным движением, «вторым восстанием масс». По мнению докладчика, задача современных историков – использовать Интернет-ресурсы для изучения исторического сознания общества и для воздействия на него, повышения авторитета профессионального исторического знания. Доклад **А.А. Лесина** (Национальный исторический музей Республики Беларусь, Минск) был посвящён наиболее масштабному проекту по системной информатизации государственных музеев Республики Беларусь – системе Государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь. Доклад-

чик дал характеристику правовым основам существования данной системы, её состоянию в настоящее время. Доклад **Е.П. Бариновой** (Самарский ун-т) был посвящен значению генеалогической информации в микроистории и истории семьи. Были рассмотрены вопросы репрезентативности материалов, представленных на Интернет-ресурсах, посвященных генеалогии. Докладчик отметил преимущества и недостатки использования Интернет-ресурсов в исторических исследованиях. Доклад **А.В. Протасовой** (Самарский ун-т) был посвящен методам, которые советская власть использовала для распространения новых ценностей и борьбы с религиозным сознанием. На примере праздника Сабантуй рассмотрено использование для этих целей традиционных, имеющих еще языческую основу праздников.

Все руководители секций единодушно отметили высокий уровень организации конференции и обратили внимание, что обстановка полностью

благоприятствовала естественному ходу научной дискуссии, обсуждению новых областей исследований и междисциплинарной синергии. При этом обсуждение сопровождалось дискуссиями и способствовало еще более глубокому раскрытию тем докладов, созданию базы для дальнейшего научно-исследовательского взаимодействия. Все это соответствовало цели конференции: создать постоянно действующую научную площадку для обсуждения места и роли человека в меняющемся информационном обществе с позиций конвергенции гуманитарных дисциплин. В результате принято решение о том, что подобные конференции будут проходить в Самарском университете регулярно. Материалы прошедшей конференции опубликованы в сборнике трудов (РИНЦ), а лучшие доклады рекомендованы к публикации в издающемся с 2021 года новом журнале Самарского университета – «Семиотические исследования. Semiotic Studies» (гл. ред. А.Ю. Нестеров).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jrg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст ... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ 7.1-2003 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200034383> (дата обращения: 27.01.2020).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабилов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубекина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:
part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... –1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig.; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Примеры оформления в References

журнальная статья

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye. (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/ENHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____